

Журнал Москоеского Салона Литераторов www.mossalit.ru

Tous les genres sont bans, hors le genre ennuyeux.

Все жанры хороши, кроме скучного.

Журнал выходит в рамках проекта «МОССАЛИТ», руководитель проекта Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет

Анна Народицкая Зинаида Кокорина МарияПанфилова

Для писем mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Давайте любить жизнь такой, какой она нам дана...

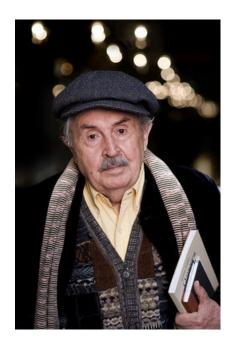
«Если у тебя есть гора снега, держи её в тени», - сказал Тонино Гуэрра. Только для начала надо понять, что у тебя ЕСТЬ эта гора снега. Белого и чистого, как цветы черемухи по берегам реки. Самое ценное то, что не имеет цены, ничего не стоит.

Однажды, много-много лет назад, я приехала в отпуск в Палангу (Литва). Тогда я была молодой и полной сил. Хотелось двигаться, плавать, осматривать достопримечательности и просто загорать. Паланга встретила дождем.Небо было серым и грязным, ноги вязли в дюнах, мокрый песок лип к туфлям, и, казалось, даже море промокло. Оно билось о пирс крупными пенными волнами болотного цвета и стонало, откатываясь назад. «Теперь так будет три недели. Если в этот день идет дождь, то три недели солнца не жди», - сказала квартирная хозяйка, чем повергла меня в уныние. Три недели! Как раз мой отпуск и кончится. Так и было. Ровно три недели лил дождь. Я не загорала, не купалась в море, не завела курортного романа, не наполнилась солнцем. Зато я научилась любить дождь. В моей крохотной комнатке был балкон, и по утрам под стук капель я пила кофе, удивительно душистый, который мне любезно варила моя хозяйка из только что прожаренных кофейных зерен. Больше такого кофе я не пила нигде и никогда. А затем я брала зонтик и бродила по городу. Воздух был влажным и вкусным, он напитал мои легкие сосенным духом, и я потом не болела всю зиму. Я заходила в крохотные бары и слушала музыку. Иногда заказывала рюмку коньяку и долго пила его мелкими глотками. Или просто сидела на пляже и смотрела на море, натянув на голову капюшон ветровки. Сколько ценных мыслей спустилось ко мне с небес! Я пересмотрела прошедшую жизнь, отношения с друзьями и близкими. Именно там, в Паланге, приняла очень важное решение, повлиявшее на всю мою дальнейшую жизнь. Когда я уезжала, в окна купе било солнце. Мне было страшно обидно, и я с завистью смотрела на вновь прибывающих отдыхающих, которым предстояло вместо меня насладиться удовольствием от хорошей погоды. Но прошли годы. Сколько отпусков осталось в прошлом – все они укладываются в один сюжет с одинаковой фабулой и сменой кадров, как две капли воды похожих один на другой. И только тот, дождливый, во всех деталях остался в памяти. Только он вызывает чувство легкой грусти, как от утраты чего-то важного и очень значимого. Это была моя гора снега, хоть я и не понимала этого тогда...

21 марта 2012 года ушел из жизни Тонино Гуэрра, великий итальянский поэт, художник, сценарист, писавший сценарии для Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Андрея Тарковского, Франческо Рози.

«Я считаю божественным, когда идет снег... И когда идет дождь, и когда листьями шелестят деревья - это все божественные явления, это все чудеса, это грандиозные моменты в жизни человека. Божественные моменты. И если жаль умирать, то именно изза этих божественных проявлений. Это спектакль жизни, сама жизнь есть божественное провидение». (Т. Гуэрра)

Тонино Гуэрра

воздух

Воздух – это легкая вещь вокруг твоей головы, он становится более светлым, когда ты улыбаешься.

СЦЕНАРИСТ

…Не надо выдумывать сюжетов, я никогда не делал этого. Чтобы узнать побольше о том, что меня окружает, я каждый день читаю по четыре-пять газет. Например, недавно прочел в газетке, как вор, только что вышедший из тюрьмы после четырех лет заключения, возвратился домой, и первое, что сделал, - это открыл клетку с канарейкой и выпустил ее. Эти человеческие случаи меня поражают, я вырезаю и вклеиваю понравившиеся истории в большие тетради.

СТАРОСТЬ

…До семидесяти лет я преклонялся перед грандиозными произведениями искусства, перед шедеврами, которые создало человечество. У меня было много сил для обожания... Сейчас меня очаровывают только естественные вещи, только то, что создано природой. Дождь или снег — это всегда спектакль. И ты уже не зритель, не обожатель. Ты часть вселенной. Я узнал, что в старости можно испытывать большое наслаждение просто потому, что ты постигаешь глубину того, что видишь.

Однажды я объяснял разницу между двумя словами — смотреть и видеть. Молодость смотрит, а старость видит. Когда ты молод, ты ослеплен миром, ты видишь цвет, материал. Ты часто смотришь, но не видишь.

Недавно в Италии я ехал в машине и увидел одну вещь, которая меня поразила. Я попросил остановить машину и вышел. Это была простая чугунная скамейка. Она была заброшенной и покрытой мхом. Она была такой старой, что на нее уже никто не садился. Я увидел ее одиночество, я увидел стариков, которые раньше сидели на ней и смотрели на проезжающие машины. Эти старики уже давно умерли, и скамейка была одинока. Я сел на нее, чтобы разделить с ней одиночество.

Это одно из наслаждений старости – видеть...

Мозаики Тонино Гуэрры

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

КОТ ПО ИМЕНИ Д'АРТАНЬЯН

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Медийный проект «ИНТЕЛЛИГЕНТ»: знакомьтесь – Сергей Пашков, издатель, художник,

публиі	цист		
	• Сергей Пашков: «К СОЖАЛЕНИЮ, В НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ	Í СИСТЕМЕ	
	ИСТИННАЯ ДУХОВНОСТЬ НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ СПРОСОМ»		6
проз	3A		
c	ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)		
	• ТВОЙ ДРУГ - ИВАН ИЛЬИЧ!		12
К	КАРЕН АГАМИРЗОЕВ (Карелия)		
	• СЧАСТЬЕ-ДОЛЯ		14
	• УТЕРЯННОЕ ЦЕЛОМУДРИЕ		16
	• НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ		19
	• ЗАГОВОР ОТ ОБМОРОЖЕНИЯ		21
	• ЗАГОВОР ОТ КРОВОТЕЧЕНИЯ		22
	• ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ		25
ν	1ГОРЬ БЕКЕТОВ (Новосибирск)		
	• ЦЫГАНСКАЯ БАЛЛАДА		28
	• ПРИВРАТНИК		33
поэ	ВИЯ	60.04	
A	ЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)	10	38
(1	памяти Вадима Цокуренко)	DE O	20
В	ВАДИМ ЦОКУРЕНКО (МОССАЛИТ, Москва)	11031	<i>39</i>
C	ЕРГЕЙ БЕЛОВ (Москва)		42
	1ГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ <i>,</i> Москва)		44
Д	ІМИТРИЙ АВАЛИН (Москва)		47
	ЛЕБ СЕДЕЛЬНИКОВ (Москва)		50
N	ЛАРИЯ ПАНФИЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)		53
ДЕТС	СКОЕ ЧТЕНИЕ	( )CA	
3	винаида кокорина (моссалит, москва) – очерк		
	• В ГОСТИ К ДЕДУШКЕ КОРНЕЮ		56
В	виктория лукина (Харьков) – рассказы для детей	2-18	
	• МЕЧТАТЬ ПОЛЕЗНО	The state of the s	64
	• ЧУДЕСА		66
	• νοτ πο μναεμία π'αρταμμαμ		72

ДАНИЛА КОСАРЕВ (Москва) – сказка

• ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

2	Λ	п	1/		71/	1 H	IA	N/	IΛ	ш	W		CC
3	н	ш	VI	L	٦V	ΙГ	IA	IV	IA	П	т	\E I	ıc

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

• МОЕ ВОДИТЕЛЬСКОЕ Я

ЮРИЙ БЕРГ (Германия)

• КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У НИХ (из воспоминаний старого эмигратнта)

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ -

• Фотоработы И. Чижовой, О. Моисеевой, М. Судариковой, С. Судариковой, Я. Илзе, М. Абаджянца

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

• КАЖДОМУ СВОЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

БУКЕТЫ ИЗ ПОЛИМЕРНОЙ ГЛИНЫ СВЕТЛАНЫ ФИЛИППОВОЙ (Москва)

РУКОДЕЛИЕ ОТ ПОЛИНЫ ГРИШАНОВИЧ (Санкт-Петербург)

CMEXOTEKA

ЯНИС ИЛЗЕ (Москва - Торонто) — поэзия Говорит ПАЛ САНЫЧ (Санкт-Петербург) — афоризмы

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (фото автора)

САТИЛЬ

77

76

82

86

93

96

101 102

103

В оформлении журнала использованы репродукции мозаик и картин Т. Гуэрры, картин М. К. Эшера, С. Пашкова, В. Лукиной, авторские рисунки О. Зирка, А. Народицкой. На обложке фото М. Абаджянца.

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы будем говорить об авторских проектах, которые считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории. В этом выпуске речь пойдет о Сергее Пашкове и его медийном проекте «Интеллигент».

МЕДИЙНЫЙ ПРОЕКТ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»: ЗНАКОМЬТЕСЬ - СЕРГЕЙ ПАШКОВ, ИЗДАТЕЛЬ, ХУДОЖНИК, ПУБЛИЦИСТ

«К СОЖАЛЕНИЮ, В НАШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ **ИСТИННАЯ ДУХОВНОСТЬ НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ СПРОСОМ...»**

Материал подготовлен Светланой Судариковой

Сегодня мы хотим рассказать об основном учредителе хорошо известного медийного проекта «Интеллигент» Сергее Пашкове.

Сергей Пашков – издатель, художник, публицист. Пишет прозу, стихи. В его авторском портфолио не только замечательные рассказы, но и переводы с болгарского языка. В составе авторской группы Сергей получил три международных сертификата: Российской академии естественных наук, Института интеллектуальной собственности РФ, Российского общества оценщиков (программа по использованию экспозиционных субъектов РФ в качестве носителей информации была признана ноу-хау). Продолжительное время Сергей занимается издательской деятельностью, издавал авторские газеты «Отражение», «Мир загадок и открытий», альманах «Лепесток Розы мира», где выступал в роли и автора литературных произведений, и художника, и журналиста, и редактора. В настоящее время основным и главным детищем Сергея является хорошо известный нам медийный проект «Интеллигент», включающий три международные газеты – «Интеллигент» Москва, «Интеллигент» Санкт-Петербург и «Интеллигент» США, а также журнал «ИНТЕЛЛИГЕНТ» (избранное).

Конечно, хочется начать разговор именно с рассказа об этом проекте. Учредителями медийного проекта являются Сергей Пашков и его помощники Сергей Лебедев и Андрей Медведев. Проект был запущен в начале лета 2011 года, тогда же по всему миру начались презентации этих изданий. Презентации прошли в Нью-Йорке (США), Мельбурне (Австралия), Херсоне (Украина), Луганске (Украина), Одессе (Украина), Хайфе (Израиль), а также в крупнейших Российских городах, таких как Краснодар, Красноярск, Омск, Нижний Тагил, Петрозаводск, Москва, Санкт-Петербург, в небольшом закрытом городке Знаменск, что в Астраханской области. Суть нового проекта – создание единого русскоязычного литературного пространства, сохранение русского языка с его многообразием, уникальной палитрой различных диалектов, языковых особенностей русского зарубежья, где местами еще сохранились старые дореволюционные традиции общения, доставшиеся потомкам от первой волны эмиграции. Именно поэтому медийный проект объединяет русскоязычных авторов во всем мире, продолжая замечательные традиции русской классической литературы, открывая

Сергей Пашков: Современные СМИ, которые обслуживают правящее сословие и чиновников, ориентируясь на Западные формы низкого, чисто потребительского уровня, не способны принять

представляет культурное духовное творчество.

издание,

которое

K TOMV

религиозную

И

не

миру новые имена талантливых авторов. На страницах изданий можно познакомиться с поэтическими, прозаическими, публицистическими произведениями. Основная задача проекта - духовное просвещение и возможность предоставления площадки для русскоязычных авторов независимо от места их проживания.

Первоначально был запущен проект «Провинциальный Интеллигент 1», который планировалось в течение 5 лет вывести на международный уровень, однако это произошло значительно быстрее, и уже через год «пятилетка» была выполнена. Издание сразу же стало пользоваться большой популярностью среди русскоязычных авторов, хотя в самой Карелии, откуда, собственно, проект родом, он успеха не имел.

С.С.: Сергей, как вы думаете, почему столь амбициозный и интересный проект не просто не заинтересовал никого в Карелии, но к нему даже сложилось негативное отношение?

народное

Надо понимать, что современные СМИ сильно политизированы, имеют корпоративную направленность, выгодно не только развивать, но и сохранять русский язык. Сейчас все держится только на кучке энтузиастов, которым государство, к сожалению, не только не помогает, но, я бы

Сергей Пашков

сказал, даже вредит, преступно бездействуя, попустительствуя появлению низкопробных изданий исключительно рекламно-потребительского характера.

Надо четко понимать, что духовное творчество - это еще и иносказания, метафоры, аллегории, символы, притчи, т. е. не всегда буквальная информация, но при этом духовность никакого отношения не имеет к культам и верованиям. К сожалению, в нашей современной системе истинная духовность не пользуется спросом. В обществе процветают разного рода культы, национализм, нелепое политиканство, подменяя истинные понятия добра и зла. Зато простые граждане поддерживают наш уникальный проект, потому что понимают его значимость не только для России и Карелии, но для всего русскоязычного пространства. Об этом свидетельствуют письма от простых читателей и писателей в правительство Карелии с просьбой поддержать проект. И хотя чиновники уверяют меня, что таких проектов в Карелии тысячи и что для карельских авторов наступили просто благоприятнейшие времена после советского тотального запрета на словесное творчество, я знаю, что это не так, и назвать ни одного действующего проекта, подобного нашему, они не могут. И это не удивительно.

Непризнание проекта в Карелии привело к тому, что издание покинули два учредителя, и проект был на грани развала. Сам проект, по сути, перестал относиться к Карелии. Однако Сергей Пашков отстоял проект, фактически взвалив на себя всю работу. Более того, Сергею удалось практически в одиночку запустить целую медийную группу изданий, а сейчас к нему присоединились и поддерживают его двое новых помощников.

Сергей Пашков: Это было очень сложное время. Планировалось запустить еще два международных издания «Интеллигент» Москва и «Интеллигент» Нью-Йорк (США), а так же сформировать эталон нашего нового литературного журнала. Мы должны были создать четыре самостоятельных международных издания в одной стилистике, которые отличались бы друг от друга материалами. Это было действительно сложно, а тут еще проект покинули все учредители, остался только я один. В то время я вынужден был думать об элементарном выживании, т. е. сохранить хотя бы одну газету «ПИ 1» («Провинциальный Интеллигент 1»). На помощь извне надежды не было, а нужны были немалые финансовые вливания. Возникла реальная угроза уничтожения всего, что было создано с таким трудом! Угроза была более чем серьезной, что говорить, если сразу же был ликвидирован официальный сайт и почта редакции на Яндексе и на Мейле. Пришлось сделать новый зеркальный официальный сайт «ПИ 1», а затем номера начали размещаться на сайте «Моссалита», и появились электронные версии газет. Были открыты новые редакторские почтовые ящики. Был также изменен редакторский и представительский состав. В этот момент я получил исключительную поддержку от Ольги Грушевской, хотя она сама вряд ли подозревала обо всех сложностях проекта. Именно она, связав сотрудничество проекта «ПИ 1», а затем и проекта медийной группы изданий «Интеллигент» с одной стороны и «Моссалита» - с другой, укрепила меня в мысли, что проект уже не смогут уничтожить и он имеет все шансы на развитие. Да и в Костомукше проект все же поддержали морально и материально Сергей Лебедев и Андрей Медведев, за что им огромное спасибо.

И, как видите, проект «ПИ 1» преобразовался и занял более значимое место в русскоязычном пространстве на международной арене!

С.С.: Сергей, я знаю, что в этот сложный период вам поступило предложение о сотрудничестве от американского журнала «Острова/Islands», и вы согласились. Почти наполовину издание формировалось исключительно материалами, представленными вами, и результат был очевиден – интерес к изданию со стороны авторов во всем мире резко возрос. Однако дальнейшего сотрудничества не получилось. Почему у вас произошел разрыв с американскими партнерами?

Сергей Пашков: Причиной послужили какие-то личные трения американского издателя. Однако для меня это стало интересным, я бы даже сказал, успешным опытом работы с Западными СМИ. И после запуска нашей медийной группы к нам стали поступать постоянные предложения о представлении наших материалов в другие издания. Мы стали плотно сотрудничать с изданиями в Европе, США, Азии, Австралии, т. е. это уже реальное мировое признание проекта. Собственно, и с американским журналом мы готовы возобновить сотрудничество, лишь бы наши усилия вновь не подверглись деструктивному воздействию другой стороной.

С.С.: Сергей, я знаю, вы не собираетесь останавливаться на достигнутом, и в проекте запуск журнала «Интеллигент». Расскажите об этом подробнее.

Сергей Пашков: Это действительно так. Уже в этом году вдобавок к трем нашим международным газетам мы планируем выпустить журнал «ИНТЕЛЛИГЕНТ» (избранное). Первый номер уже готов и посвящен в основном авторам из эмигрантов, его формирует Наташа Крофтс. Во втором номере будут преобладать авторы из России, и я буду его формировать с другим главным редактором - Диной Лебедевой. Я, как основной учредитель, буду курировать все выпуски, но редакторы будут меняться.

Также есть и новая задумка, а именно, перевести газету «Интеллигент» Нью-Йорк (США) тоже в журнальный формат, хотя пока процесс на стадии обсуждения, но все же мы склоняемся к тому, чтобы начать выпускать две газеты и два журнала.

С. Пашков. «Химера»

С.С.: Сергей, теперь мне хочется поговорить о вашей живописи. пишете удивительные наполненные тайным ассоциативным смыслом, что вызывает к ним большой интерес. Скажу честно, увидев их впервые, я была потрясена, даже шокирована. При взгляде на ваши работы у каждого возникает собственное ощущение, глубинное, возможно, и не связанное с вашим собственным представлением о них. Хотелось бы услышать именно ваши комментарии. Например, к работе «Тайная вечеря», я знаю, вы еще называете ее «Единосущность», или к картине «Открытка», которая, не скрою, мне нравится особенно.

Сергей Пашков: Мое творчество духовное, в нем нет буквального представления, все метафорично и аллегорично, то есть все надо осмысливать и воспринимать иносказательно. Именно это каждому созерцателю дает возможность увидеть то, что даже я, автор, не в силах увидеть!

Вспоминаю интересный случай: ко мне пристал один молодой человек, который хотел купить у меня как раз картину «Тайная вечеря», или «Единосущность», но он требовал продать ему, как он называл, «Оранжевого Будду»!

Например, на картине "Открытка" представлены извечные моменты переплетения ужасного и прекрасного. Потому в этой композиции можно созерцать "Аленький цветочек", "Красавица и чудовище" и даже сцены из фильма "Кинг Конг". Мне эта работа тоже очень нравится, а в ней основной мотив — это некие стражи, в том числе из мира падшего и из мира возвышенного, в благодати и истинности.

С. Пашков. «Открытка»

С. Пашков. «Тайная вечеря. Единосущность»

Картина «Единосущность» включает в себя всякое сущее, в ее очертаниях можно увидеть попеременно то голову слона, то голову муравья. Используя изменение акцентов в очертаниях, можно созерцать в одной матрице этого рисунка как волка, так и ягненка, воина, несущего смерть, и врача, дарующего жизнь. В матрице рисунка все расы и нации, лицо и изнанка, низ и верх, рождение и смерть, различные люди, притом как великие и известные, так и каждый из самих же созерцающих!

Вот таким духовным текстом я иногда сопровождаю этот рисунок:

«Вот был я в одном расположении Духа. И виделся мне всякий Сущий. И сотворил всякий сущий Единосущного Единосущный Бог наделил каждое свое сущее присущей ему чертой. Дабы каждое сущее имело черту отличия И единородную черту Единосущным. Всякий стирающий плохие черты в себе и восстанавливающий добрые черты в себе и в мире становится ближе к Божьей Единосущности. Однако надо помнить, что одной плохой чертой можно перечеркнуть все хорошее, тогда-то скроется все истинное. И никто

никогда из порочных людей не увидит божественного. Всякий, кто стирает хорошие черты и восстанавливает в себе и в мире плохое, подводит себя к последней и необратимой черте вечного зла. Однако можно одной доброй чертой перечеркнуть все плохие черты. Только жаль, что часто многие переступают и эту последнею черту и уходят в вечность порочную, порочными или смертными отходят во вторую, уже вечную смерть. Все черты меняются - и на небе, и на земле, но что мудрого тут предначертано, извечно, ибо сие и является неизгладимыми предначертаниями!»

С.С.: Ваши работы публиковались в российских и зарубежных журналах, у вас проходили авторские выставки. Где и когда мы можем увидеть их? Нет ли издания альбома? планов авторского откровенно, как редактор «Московского БАЗАРА», имею тайное желание разместить ваши удивительные работы на страницах нашего журнала! Мне бы очень хотелось познакомить широкую пулбику именно с этим видом вашего творчества. Хотя видеть работы вживую, конечно же, сравнимое ни чем не удовольствие!

Сергей Пашков: Самое смешное то, что на моей первой и последней авторской выставке в моем городе Костомукша, с открытием моей авторской выставки в Музейном культурном центре, начались споры между посетителями.

С. Пашков. «Древо жизни»

Каждый посетитель, созерцая нечто «свое», то есть отличное от другого, пытался доказать свою версию увиденного, на этой почве и начались споры. Меня стали вызывать по телефону, хотя встреча с посетителями выставки была намечена через месяц, когда завершалась демонстрация моих работ. После очередных споров меня вызвали и любезно так попросили демонтировать мою выставку, а вслед я услышал, мол, у всех все понятно, деревья, так деревья, портреты, так портреты, а у этого никто ничего понять не может, да еще и сам художник всех запутывает, ничего конкретного не говорит. Действительно, вот и в моем духовном тексте к картине «Тайная вечеря, или Единосущность», я ни о каком конкретно сущем не говорю, ибо все сущие, находятся в одной духовной матрице рисунка, как сотворцы в единосущном. Было бы не только замечательно увидеть мое с вами интервью в вашем издании, но и мои рисунки.

С.С.: Сергей, я знаю, вы не любите отвечать на личные вопросы, и все же прошу рассказать немного о себе.

Сергей Пашков: Родом я из мира горнего, с Урала. Там и начал издательскую и творческую деятельность, но с началом перестройки всей семьей перебрались в Карелию. Еще в советский период тут оказалась моя сестра, а позже и мать с отцом. Как-то так получилось, что я не влился в ряды новоявленных антисоветских представителей, потому и не стал частью нового постсоветского мира, и в Карели меня не приняли как "своего". Зато могу считать себя человеком мира, потому что работаю с разными людьми, живущими в разных странах и на разных континентах, да и в Карелии имею хорошие отношения с небольшой группой творческих людей. Пожалуй, это все. Говорить о личном не люблю, о творчестве – пожалуйста, а вот где родился, учился, когда женился, дети и прочее - это мое личное пространство.

С.С.: Сергей, большое спасибо за откровенную беседу. От имени журнала «Московский БАЗАР» и литобъединения «Моссалит» хочу пожелать вам успехов в вашем многогранном творчестве и дальнейшего развития медийной группы "Интеллигент". замечательное дело, мы будем рады и в дальнейшем рассказывать о вашем проекте, а также надеемся на сотрудничество.

В заключение скажем, что менее чем за полгода проект медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк) был отмечен тремя дипломами «Золотое перо Руси». Многие участники проекта, в том числе Ольга Грушевская и Ян Кауфман, получили копии этих дипломов как одни из самых активных участников проекта. Как сказал Сергей, проект «Интеллигент» принес золотое оперение на целую «Жар-птицу»! В апреле 2012 года Сергей Пашков и Вячеслав Борыбов были удостоены ордена «Трудовая доблесть России» (второй степени), а годовщина существования будет отмечена презентацией журнала «ИНТЕЛЛИГЕНТ» (избранное), в котором примут участие и другие СМИ, начавшие сотрудничество с этим уникальным проектом. Скоро будет обновлен сайт проекта «Интеллигент» с учетом современных особенностей интернета.

ПРОЗА

Ольга Грушевская (МОССАЛИТ, Москва)

ТВОЙ ДРУГ - ИВАН ИЛЬИЧ!

Почта – место удивительное. То ли там энергетика особая, то ли просто в одной точке концентрируется сразу множество людских историй-пересечений.

Вот одна из них.

Крупная пожилая дама в каракулевой шубе стоит в ожидании оформления квитанций коммунальных платежей. Чтобы время занять, она разглядывает сквозь большие очки выставленные образцы почтовых поздравительных открыток – к 23 февраля и 8 марта.

- А не дадите ли вы мне, милочка, вот эту открыточку? Да-да, ту, что с корзиночкой с ландышами. Вот эту, да. Чем-то она приглянулась мне ... - дама берет протянутую открытку и с нежностью разглядывает. – Да... хорошая... скромная... неброская.
- Какая вы сердечная женщина, бурчит стоящий за ней потертого вида старичок, регулярно приходящий на почту за пенсией. — Сейчас все только эсэмэски друг другу шлют.
- Да уж, мало кто открытки покупает, соглашается на редкость доброжелательная почтовая служащая, не отрываясь от монитора.
- А зачем? неожиданно включается в разговор молодящаяся женщина в песцовой шапке, стоящая рядом в соседней очереди, – получить ценную бандероль. - Можно ведь по мобильному позвонить или в скайпе переговорить.
- Да, добавляет служащая и щелкает клавишей. Сейчас подписывать открытки считают занятием старомодным и бестолковым.
- А я, шепчет крупная дама, все еще любуясь своим скромным выбором, страсть какая толковая! Вы ее к квитанциям приплюсуйте...
- А раз вам открытки так нравятся, говорит почтовая служащая, может, возьмете еще какую - ко Дню защитника Отечества, поздравите?
- Да поздравлять-то мне некого, вздыхает крупная дама. Поумирали все мои защитники, самой защищаться приходится...
- Так вот вы самой себе открытку и напишите, вновь слышится голос потертого старичка за ее спиной, - я так часто делаю.
  - Что делаете? уточнила женщина в песцовой шапке.
- Я? Я пишу: Дорогой Иван Ильич! Сердечно поздравляю тебя с Новым годом... здоровья, счастья и благополучия... потом иду на почту, наклеиваю марки и отправляю.
  - Куда? не понимает женщина.
  - Как куда? По адресу, милая! По указанному ад-ре-су! Что ж тут не понятного?
  - А потом? с недоверием смотрит на старичка каракулевая дама.

- А что потом? Потом однажды с утречка спускаюсь к почтовому ящику и вижу: среди всякого мусора рекламы и районных газет письмо лежит. Мне, значит, корреспонденция.
- А может, это вообще другое письмо. От другого отправителя?! засомневалась почтовая служащая.
- Вот и я о том же! соглашается старичок. Поднимаюсь в квартиру, завариваю покрепче чайку, устраиваюсь за столом и начинаю рассматривать от кого ж это письмо пришло? Кто ж это меня с Новым годом поздравить решил?
- Ну и от кого же оно оказывается? хмурится с подозрением дама, навалившись на стойку большими каракулевыми рукавами и совсем забыв об открытке с ландышами.
  - А вот сами догадайтесь!

Женщины с любопытством переглядываются, в недоумении пожимают плечами, молчат.

- Ну, вы техи-матехи! От меня это письмо! весело признается старик. От кого ж еще?! Кто ж еще мне напишет? — На секунду он замолкает, словно вспоминая что-то, но тут же отмахивается и гордо добавляет со знанием дела:
- Дошло письмо до адресата! И главное вовремя! К самому Новому году. Хорошо наша почта работает, своевременно, так что не все еще в стране развалили.
- Ой, иронично качает головой служащая. А что ж там за подпись стоит, интересно? Чья?
- Эх, ты, снисходительно улыбается потертый старичок, бестолковка почтовая! Моя там подпись, мо-я. А чья ж еще она быть-то может? Или ты думаешь, что я собственное имя от количества лет своих позабыл? Нет уж, дудки, имя свое я хорошо помню. Так в моем новогоднем поздравлении и значится: «С пламенным приветом, твой друг Иван Ильич».

ПРОЗА

Карен Агамирзоев (Карелия)

СЧАСТЬЕ-ДОЛЯ

(по мотивам карельских эпических легенд-сказок о Счастье)

Зимняя дорога петляла между озер и ламбин. Удачливый молодой охотник Янне возвращался с охоты. Янне, Счастья сын, дитя Удачи, управлял гнедым, который тянул воз с богатой добычей. Тяжелые пошевни были набиты дичью. Удача способствовала охоте, и Янне был счастлив. Ехал Янне и пел руну. Слова песни сочинялись сами собой. Пел Янне о том, что он — бедный сирота, Дитя счастья. Счастливая Доля перешла к нему от его неизвестных родителей. Пел Янне о Счастье-Доле, о том, что в охоте ему повезло потому, что пока он охотился, с ним была хорошая Доля, а плохая Доля спала на возу. А когда Янне спал, его сон охраняла хорошая Доля. Видно, старый злой Лемро-Хийси тоже крепко спал в дремучем лесу и не беспокоил Янне, пока его сон охраняла хорошая Доля. И вообще, с ним, с Янне, пока была только хорошая Доля, и он от этого был очень и очень счастлив. Янне давно уже ждал того мига, когда он своим счастьем поделится с суженой. Но до сих пор Янне еще не встретил девушку, которая могла бы стать ему женой. Кому нужен бездомный охотник...

Короткий зимний день пошел на убыль. Мороз стал усиливаться. Пошевни с охотничьей добычей въехали на окраину лесной деревеньки. Размечтался Янне: «Попытаю-ка я своего Счастья в этой деревеньке. В том доме, где мне дадут приют, меня ждет Счастье — милая девица, которая станет моей женой. А в подарок родителям невесты вручу я воз с дичью».

Поехал Янне нижней дорогой. Заехал Янне в нижний дом на берегу озера. Большой дом, крепкий амбар, видно, богатые хозяева. Две злые собаки охраняют дом. Долго стучал. Вышел очень важный и сердитый хозяин, отогнал собак. Янне поклонился и спросил у хозяина:

Есть ли здесь для Счастья угол,

Есть ли место для коня?

А в ответ услышал сразу:

В доме места нет для Счастья,

Нет и места для коня.

Злобно залаяли собаки.

Поехал Янне средней дорогой. Заехал Янне в средний дом. Крепкий дом, видно, небедные хозяева. Сердитый пёс на цепи охраняет дом. Постучал. Вышел недовольный хозяин. Янне поклонился и спросил у хозяина:

Есть ли здесь для Счастья угол,

Есть ли место для коня?

А в ответ услышал сразу:

Что? Для счастья? Для коня?

Поезжай другой дорогой, нету места для тебя.

Зарычала лайка.

Рис. Ольги Зирка

Поехал Янне верхней дорогой. Заехал в верхний дом. Старый дом, кривая изгородь. Видно, бедняки живут. Навстречу, весело виляя хвостом, выбежала рыжая лаечка. Янне погладил лаечку. Постучал. Вышел приветливый хозяин да с ним дочь-красавица. Янне поклонился и спросил у хозяина:

Есть ли здесь для Счастья угол,

Есть ли место для коня?

А в ответ услышал сразу:

В этом доме места много.

И для Счастья угол есть.

«Неужели лишний угол им не жалко отдавать?», подумал Янне.

Дочка Аннике покажет Лучший угол для тебя. Разгружай свою поклажу, Место будет для коня.

«Вот оно, моё Счастье-Доля, не спит, бодрствует», - думал об Аннике Янне, Счастья сын, разгружая пошевни у старой риги.

Примечания:

Ламбина – небольшое глухое лесное озеро.

Пошевни – сани.

Руна – стихотворное произведение.

Лемпо – нечистый дух леса. Лемро всегда сопровождает плохая Доля.

Хийси – черт, мифологическое существо, враждебное человеку.

Пояснения автора

В поэзии калевальской метрики отображен длинный путь развития северных народов от глубокой древности до средних веков. Древняя калевальская поэзия своеобразна и специфична. В ней, как и во всем карельском эпосе, видны как архаичные суждения древних мифических героев, так и влияние позднейших времен христианской эпохи. В карельском эпосе сказки и легенды о счастье занимают важное место. Ученые считают, что легенды о счастье зародились в архаичные времена. Считалось, что счастье, доля, судьба связаны с человеком от рождения, могут отделяться от человека после смерти и переходить к другому. Например, карелы считали, что когда человек спит, его Доля бодрствует. Даже разделяли Доли: хорошая бодрствует, а плохая всегда спит. Легенды о поиске Счастья, лучшей Доли, лучшей Судьбе в разных версиях использованы в народных карельских эпических песнях и сказках. Карельским легендам и сказкам присущи архаичность, пропуски слов и целых фраз, ритмические сбои, повторы.

В известном во всем мире карело-финском эпосе «Калевала» сюжет о Счастье-Доле автор Элиас Лённрот не использовал. Из всего рода Перттуненов его исполнял только сын А. Перттунена - Мийхкали Перттунен. Записан от Мийхкали финским фольклористомисследователем Борениусом в 1877 г. Из всего многообразия сюжетов о Счастье опубликован единственный эпизод в лиро-эпическом произведении «Кантелетар» (часть первая, руна двадцать вторая).

Произведение является призером (3 место) литературного конкурса «Вся королевская рать» (2-й этап) в номинации «Сказки для детей и взрослых», проведенного на литературном портале «Что хочет автор?» Международным Союзом писателей "Новый современник" в 2007 году. Опубликовано в журнале литературной элиты «Лауреат» № 2-2007, стр. 220.

УТЕРЯННОЕ ЦЕЛОМУДРИЕ

Сказка-баллада

(интерпретация карельской средневековой лироэпической песни-баллады о самоубийстве девушки в связи с потерей ею ритуального оберега — символа целомудрия)

Этот драматический сюжет в разных версиях в средневековье был распространен в приладожской и беломорской Карелии, в Ингерманландии и Эстонии. Возможно, в таком лирическом виде исполняли эту сказку-балладу рунопевцы в старинных деревнях беломорской Карелии...

Рис. Ольги Зирка

Наступил Иванов день. Окреп березовый лист. Старый Мийхкула отправил единственную дочь Деву Айли в рощу березовых веников для бани наломать.

Рис. Ольги Зирка

Поправила Дева Айли старинный оберег целомудрия, надела материн перстень и святой крестик на синей нитке. На голове девица укрепила золотой девичий налобник.

В березовой роще Дева Айли быстро нашла рядок молодых березок, у которых стала ломать ветки на веники для бани. Веник для отца собрала. Наломала веник брату. Третий веник был для старшего брата.

Вдруг из чащи низкий рык. На поляне злой разбойник, мерзкий парень Ловитор, что живет в лесной пожоге. Никогда не видела она мерзкого разбойника Ловитора, но узнала его по описанию старших братьев. Злобится, кривляется, руки грязные тянет Ловитор к оцепеневшей Деве Айли. Страшный рот рычит:

- Ах, девица, ах краса. Для меня расти, казарочка. Думай обо мне, я хозяин твой. Ты расти в нарядах узких, не для прочих женихов. Вырастай на белых булках, на пенном молоке, на ржаных калитках, — так и тянет к ней грязные руки злодей.

Как увидела Дева Айли страшную рожу разбойника, как услышала грязные намерения, так упала без чувств на землю.

Красное солнце уже склонилось к закату. Дева Айли открыла глаза. О счастье - она одна! Нигде не видно ужасного разбойника. Но, о горе! У Девы Айли в одночасье пропали все главные ценности в ее короткой жизни - целомудренный оберег, перстень и крестик на синей нитке. На голове не оказалось золотого налобника.

Опечаленная и поникшая Дева Айли склонила скорбно непокрытую голову. Горько плача, она пришла на отцовское подворье. В воротах брат.

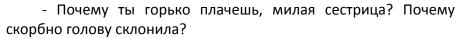

Рис. Ольги Зирка

- Обронила свой я перстень, Дева Айли направилась к дому. В окне отец.
- Почему ты горько плачешь, дочь единственная Айли? Почему ты приуныла?
- Обронила свой я перстень. Потеряла свой я крестик, Дева Айли вошла в дом. В доме старший брат.
  - Почему ты горько плачешь, нежная сестрица Айли? Что случилось с девой красной?
- Обронила свой я перстень. Потеряла свой я крестик, синие порвались нити. Золотого нет налобника, – Дева Айли в дом вошла. В горнице старший брат.
- Почему ты горько плачешь, славная моя сестрица? Кто обидел деву нашу? Наша мать истосковалась, у амбара масло солит.
- Обронила свой я перстень. Потеряла свой я крестик, синие порвались нити. Золотого нет налобника. У меня пропал оберег, – Дева Айли двинулась к амбару. У амбара мать масло летнее солила.
  - Дочь единственная Айли, почему ты приуныла, светлу голову склонила? Горем убитая девушка припала к коленям матери.
- Веники ломала, веники для бани. Веник для отца собрала. Наломала и для братьев. Вдруг из лога вышел зверь - злой разбойник из пожоги, мерзкий парень Ловитор. Страшные изрек слова: - Ах, девица, ах краса. Для меня расти, казарочка. Думай обо мне, я хозяин твой. Ты расти в нарядах узких, не для прочих женихов. Вырастай на белых булках, на пенном молоке, на ржаных калитках, – и все тянет грязные руки ко мне.

Ничего не помню дальше, а потом, когда очнулась... Горе, горе. Обронила свой я перстень. Потеряла свой я крестик, синие порвались нити. Золотого нет налобника. У меня пропал оберег.

Мать поднялась. Отстранила деву Айли. Изрекла бездушным голосом:

- Дочь моя. Ты иди в амбар на горке. Там найдешь сундук старинный. В нем шкатулка, в ней – ленту старую найдешь.

Медленно идет девица в горку. Вот амбар. Сундук, шкатулка. В ней обрывок старой ленты...

Мать в амбар не приходила. Так прошло три ночи светлых. Наутро в том амбаре мать холодную нашла девицу.

Слезы матери несчастной три реки образовали. Выросли возле каждого порога три кудрявые березы. На березках – по кукушке, куковавших что есть силы. Первая кукушка славила любовь. Вторая куковала милосердие.

Третья - несчастной деве Айли целомудрие куковала.

К дочери на небе мать слова отчаянья шепчет:

- Если слушать всех кукушек – жизнь на локоть сократится, на вершок короче станет. Кто кукушку ту услышит, счет годам пойдет обратный. Кукование кукушек целомудрие не лечит, целомудрие калечит, милосердие чернит.

Рис. Ольги Зирка

Примечание:

Ловитор – мифический злой лесной разбойник.

Пожога – выжженный участок леса для использования в качестве пашни.

Пояснения автора.

В поэзии калевальской метрики отображен длинный путь развития северных народов от глубокой древности до средних веков. Древняя калевальская поэзия своеобразна и специфична. В моем понимании древний мир, представленный карельским эпосом, полностью отличается от нашего своими представлениями о создании мира и рождении человека, о времени, о пространстве, о силе, о добре и зле, о разуме, о способностях человека и природы. Но карельский эпос не однородный. В нем видны как архаичные суждения древних мифических героев, так и влияние позднейших времен христианской эпохи. Характерной чертой карельского эпоса является разножанровость. В эпосе северных карел и финнов существуют различные жанры: эпические и лиро-эпические песни, баллады, сказки, легенды, заклинания, заговоры, исторические песни. Все эти жанры карельского эпоса тесно соприкасались с древними обрядами и традициями. Многие из них дошли и до наших дней. Признаком карельского эпоса является его архаичность, наличие пропусков и ритмических сбоев, повторов. Источником карельского эпоса является коллективное народное творчество. Это обстоятельство, т.е. когда не существует автора произведения, на мой взгляд, является особенностью карельского фольклора. Каждый из исполнителей только передает слушателям сюжет, возможно, добавляя в него что-то от себя (или от данной эпохи).

карело-финского эпоса «Калевала» (первое В основу шедевра мирового значения издание в 1835 г.) легли карельские и финские эпические руны, записанные Э. Лённротом в ходе путешествий в Карелию. В создании «Калевалы» и других произведений особое значение имеют песни и легенды, записанные собирателями фольклора от рунопевческого рода Перттуненов. Глава рода, выдающийся исполнитель Архиппа Перттунен, исполнял лучшие в художественном отношении и по полноте руны карельского народа. Руны (и некоторые строки) от А. Перттунена заняли в Калевале центральное место. Песенное эпическое наследие рода Перттуненов на протяжении около двух веков является основой дошедшей до нас эпической песенной поэзии карельского народа.

В средневековой калевальской метрике сказки-баллады относятся к жанру более позднему по сравнению с эпическими песнями и легендами. Сюжеты сказок-баллад в

народном творчестве рунопевческого рода Перттуненов близки к жизни людей, передают сюжеты о семейных отношениях, любви, верности, разлуке, целомудрии, повествуют о взаимоотношениях между людьми, родными, близкими, женихами и невестами в эпоху нарождающегося христианства.

Сюжет о самоубийстве девушки в связи с потерей ею ритуального оберега — символа целомудрия, содержится в лиро-эпической песне «Утерянные украшения» («Кантелетар», часть третья, руна пятнадцатая). Песня относится к песням-повторам. Считалось, что потеря девушкой украшения (символа целомудрия) связано с нарушением сексуального (добрачного) табу. Э. Леннрот в четвертой руне «Калевалы» сюжет о самоубийстве девушки заканчивает так, что не ясно, утонула девушка или нет; для меня также неясна судьба жениха. Мной в интерпретации использована показавшаяся мне более интересной в художественном отношении версия, записанная от основателя рода А. Перттунена в 1835 г. и изложенная в сборнике рун «Рода нашего напевы» (избранные песни рунопевческого рода Перттуненов). Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен Петрозаводск: Карелия. 1985.-272 с. Эта версия меня очаровала, и я использовал её при создании интерпретации.

НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

Карельская средневековая легенда – интерпретация о непорочном зачатии девы Марии от брусники

(по мотивам калевальской метрики, вошедшей в трактат «Древние руны финского народа»)

Утро яркое. Роса. У болота на горе - Древний бор сосновый. Старая порубка, пень высокий. На пне том гроздь брусники алой. В центре грозди ближе к солнцу выросла крупная и сочная Красная ягодка в окружении сестриц-брусничек.

Рис. Ольги Зирка

Солнце яркое каждое утро первым делом ласкало своими теплыми лучами круглые бока

Рис. Ольги Зирка

Красной ягодки и только потом делилось своим теплом с ее алыми сестрицами. Каждое утро, согревшись на летнем солнце, Красная ягодка с пня высокого шептала Древнему бору: «Милая девица, подбери меня. Чтобы Улитка меня не поела и не проглотил Черный червь. Медный пояс подними, милая девица, подбери меня. Милая…».

Шепот страстный, переданный верхушками сосен старого бора, услышала дева Мария, Мать Святая. Целомудренные уста почувствовали Желание. Пересохшие уста желали утолить Жажду Красной ягодкой. Дева Мария приоделась. Волосы забрала повязкой. Платье белое надела. Цветные девичьи ленты трепетно развевались утренним ветерком. Со стороны Древнего бора призывно доносилось: «Милая девица, подбери меня...».

Нарядная дева Мария взяла берестяной туесок и пошла в старый бор по ягоду-бруснику. Шла на призыв страстный «Милая девица, подбери…». Верхушки сосен Древнего бора волновались и указывали деве путь.

Древний бор сосновый. Старый пень высокий. Гроздь брусники. Дева Мария сразу нашла Красную ягодку. Высоко на пне гроздь брусники. С земли не дотянуться, а с дерева - низко. Вот нашла девица чурку, дотянулась до брусники. Красная ягодка весело скатилась в подол. И от веселья того стала радостно прыгать: подскок - пояса достигла, еще подскок – поднялась на грудь, скок – перескочила на уста.

Дальше — больше: наша ягодка, подбоченясь, на уста перескочила, ну а там — в целомудренный живот скатилась. Наступило облегчение. Святая Дева Мария почувствовала, что Красная ягодка утолила ее Желание и Жажду. Домой пришла уже не дева Мария, а Мать святая, ласковая Божья Мать.

Рис. Ольги Зирка

Рис. Ольги Зирка

Так она затяжелела, Налилась и располнела, Понесла от той брусники, Сделалась в утробе тяжесть.

ЗАГОВОР ОТ ОБМОРОЖЕНИЯ

(по мотивам карельских средневековых заговорных рун для детей)

Восьмилетняя Мирья еле сдерживала слезы, которые вот-вот скатятся на пунцовые девичьи щечки. Щечки и кончик носика сильно щипало. Больно-больно маленькой Мирьюшке. Уже полчаса как Мирья вернулась домой из сельской школы. Вернулась сегодня поздно, заигравшись с подружками в школьном дворе.

Рис. Ольги Зирка

Рис. Ольги Зирка

В играх не заметила, как на сильном морозе побелели щечки и кончик носика. Встревоженная Лаури, мама девочки, все прошедшие полчаса хлопотала вокруг девочки, но пока ничем помочь не могла. Маленькая Мирья стала уже хныкать, появились прозрачные слезки. Слезы отчаяния проступили и в глазах Лаури. У расписанного морозом оконца сидела на сундучке почти слепая

прабабка Анни-Ильзе и что-то шептала на странном языке, в котором иногда узнавались карельские и финские слова. И Лаури решилась.

- Бабушка, милая, помоги Мирьюшке, заговори жар. Бабушка, родненькая, отведи беду. Бабушка... - с надеждой просила Лаури.

…Сквозь туман десятилетий слепой Анни-Ильзе вспомнились все слова карельского заговора, который применяли в старину при обморожениях на лесных порубках, охоте и рыбной ловле, зимних играх и гаданьях.

...Больно-больно маленькой Анни-Ильзе. Горят жарким огнем щечки, ярким пламенем горит маленький курносый носик. С печи слышен только надтреснутый шепот старой бабушки Мелание, нараспев повторяющей незнакомые карельские и финские слова ...

- ...Ох, мороз, ты, сын метели, не студи девичьи ногти. Не студи девичьи пальцы. Я тебя, огонь, в чулки упрячу, головней засуну в пьексы. Ты, рожденный стылым духом, быстро в печку собирайся. Не морозь девичьи щеки, уходи на небосвод.

Рис. Ольги Зирка

Ты, мороз, ты, сын метели, ты, рожденный стылым духом, ты морозь озера, реки, холоди болота, камень. Ох, мороз, ты, сын метели, приходи к нам летом красным, приходи в болоте талом, ледоходом на речушке, камнем стылым приходи. Стань ты жаром на пожоге. Ты, дитя метели... не студи девичьи ногти...не студи девичьи пальцы... ты...

Рис. Ольги Зирка

Шепот слепой Анни-Ильзе прекратился. Глаза ее были закрыты. Лаури показалось, что прабабушка уже крепко спит. Обернувшись, Лаури увидела, что маленькая Мирьюшка тоже спит и сладко причмокивает пухленькими губками. Красноты на щечках и носике девочки как не бывало.

Маме показалось, что доченька во сне повторяет за прабабушкой какие-то незнакомые слова...

- ...Ох, мороз...

Пьексы - карельские сапоги из мягкой кожи

Примечания автора

Большинство калевальских эпических и лиро-эпических песен (рун) непосредственно связано с обрядами. Особая роль принадлежит заговорам. Карельские заговорные руны в народном творчестве рода Перттуненов созданы в стиле калевальской метрики и уходят корнями в глубокую древность. Заговоры непосредственно связаны с мотивами создания мира, происхождения огня, воды, железа, мороза, молний, а также со способами управления элементами мира и явлениями. Обычно заговор заканчивается заклинанием в виде увещевания, заигрывания, угрозы, порицания, повеления. Известны заговоры поднятия духа, от обморожения, от кровотечения, от ушиба деревом, от ожога, от болезней, заговорыобереги, заговоры в бане и др. Известны охотничьи заклинания, заклинания стада, заклинания железа, заклинания порога и др. Большинство заговоров произносили шепотом, в стороне от посторонних глаз, с впадением заклинателя в экстаз, с размахиванием руками и скрипом зубов.

В сказке-интерпретации использован эпический мотив заговора, дошедший до нас от рунопевческого рода Перттуненов. В «Калевале» он содержится в руне тридцатой (строки 185— 298). Ну, а дальше я нафантазировал...

ЗАГОВОР ОТ КРОВОТЕЧЕНИЯ

Интерпретация карельского средневекового заговора

(по мотивам калевальских заговорных рун из наследия рода Перттуненов)

Уже целый час боролся молодой лесоруб Калле со стволом огромной сосны. Не хотела двухсотлетняя красавица-сосна поддаваться новичку-лесорубу. Упрямая сосна напрягала мощный ствол, отражала удары стали, смягчала натиск клейкой смолой. Но не сдавался и молодой Калле. Стоя по пояс в снегу, что есть силы махал Калле новым шведским топором. Топор как влитой зажат в руках Калле. Этот топор недавно купил ему отец у проходящего мимо их деревни коробейника.

Рис. Ольги Зирка

Ни у кого из молодых лесорубов не было такого. Если сдашься, отступишь даже на время, то засмеют друзья-одногодки. Вон работают рядом, почти утонули в глубоком снегу.

Впервые их, молодых карельских подростков, этой зимой взрослые взяли на валку леса. Парни гордились таким доверием. Во всем подражали старшим, брались за любую работу. В первую неделю они осваивали совсем не легкую работу сучкоруба. Сегодня с утра всем четверым бригадир, старый хромой Вейкко, доверил валить огромные сосны на высоком угоре. Молодые парни трудились не покладая рук, без отдыха и перерывов, не желая показать себя слабыми. Старый хромой Вейкко, прекрасно разбираясь в звонком перестуке топоров неумелых рубщиков, недовольно что-то бурчал. Но в работу не вмешивался и сигнала другим лесорубам к отдыху не давал.

Рис. Ольги Зирка

Калле тоже устал. От работы стало жарко. Снял Калле шерстяные дяльницы, что подарила на Рождество старшая сестра Анника. Перекрестился. Удобное ложе шведского топора привычно легло в горячую ладонь молодого лесоруба. С новой силой вступил Калле в борьбу с могучей сосной. Щепка за щепкой стало вгрызаться сильное железо в тело лесной красавицы. Больно стало сосне. Выпустила сосна на израненные места клейкую смолу.

Густыми каплями выступила смола, янтарные бока гордо блестели. Но без устали махал топор лесоруба. Борьба человека и сосны продолжалась.

Тяжестью стали наливаться руки. Дыхание стало учащенным. И вдруг... размахнувшись верховищем, отразила удар сосна, скользнул топор по извалу да по смоле и отскочил в сторону. Отскочил топор, да не в сторону леса, а вниз по стволу.

Острый угол шведской стали пробил толстую кожу зимних кенг и вошел в голень. В первый момент молодой Калле не почувствовал удара по замерзшей ноге. Но вот нога стала окутываться жаром горячей молодой крови, тяжелой стала кожаная кенга. В голове закружилось. Калле от слабости стал медленно оседать в сугроб, вокруг сосны... сосны... сосны...

Изменился перестук топоров молодых лесорубов. Старый Вейкко прислушался... Не слышно звонкой стали шведского топора. Что-то неладное почувствовал старый лесоруб Вейкко и, хромая, кинулся к огромной сосне, верховище которой возвышалось над другими соснами. Через минуту вся бригада лесорубов прекратила работу и собралась у огромной сосны. Снег в сугробе, где лежал Калле, был обильно пропитан яркой алой кровью. Старый хромой Вейкко разрезал толстую кожаную кенгу, и кровь получила свободный выход из глубокой раны. Ему помогали и другие лесорубы, но сильное кровотечение не унималось.

Старый Вейкко встал и трижды перекрестился. Не могут люди помочь – надо обратиться к богу и матери его, Марии. Так делалось в старину при ранениях в лесу. Со всех сторон лесорубы стали просить старого Вейкко: «Заговори рану, Вейкко, только древний заговор поможет... заговор от кровотечения, Вейкко, заговори».

...Молодой Вейкко сильно поранил ногу во время зимней рубки леса. Вот молодая кровь хлещет из глубокой раны, и никто не может ее унять. Слабость и горячий липкий пот поднимались от раны тяжелыми волнами, затуманивали сознание молодого лесоруба. Сквозь боль и ускользающее сознание происходящего услышал Вейкко с детства знакомый тихий

голос его родного древнего прадеда Онттрея, которого лесорубы и взяли-то в лес на подсобные работы из-за его опыта сказителя карельских рун и старых заговоров...

«...Заговор такой поется, говорят слова такие, если рана от железа, от холодной шведской стали. Не поможет ни снадобье, ни вода озерная, ни щепка ольховая, ни береста березовая. Нету пользы, нету прока. Бьет струя, водица божья.

Дева Марья, мать родная, Милосердная, святая, К страждущим приди на помощь, Дай просящему подмогу, Ты ведь старшая из женщин, Первая из всех живущих.

Дева Марья, матерь Божья, ты приди на помощь Вейкко, волос золотой расправь, ниткой золотой свяжи, волос в косы заплети. Стань стеной, заплотом в жилах. Ты ослабь поток кровавый, охлади ты рану Вейкко. Поселись ты в жилах Вейко, там уютно и тепло, легкие - твой божий дом, печень — твой очаг земной, в сердце — твоя сила. Вон уйди из жил, проклятый Эйо, злоба леса. Расступись ты, Ахти старый. Божье слово запирает устье речек, вяжет острова в озерах, перешейки в узком месте, успокаивает гривы волн, быстрину проток, намывает волоки средь вод. Не оставь ты в горе Вейкко, руда-кровь ему нужна. Петь — работа рунопевца, добрые дела вершить — милость Бога. Кровь людская — Божья милость, драгоценность из небес. Мы под властью Бога ходим, милостью его живем. Уповаем мы на Бога... уповаем, матерь божья... уповаем...».

Горячая молодая кровь прилила к бледному лицу Калле. Стало тепло-тепло. Открыл Калле глаза и увидел, что верховище вековой сосны отбивает ему поклоны, словно в такт древней руне старого карела Вейкко. Вейкко наложил на рану прошлогодние попутные листы, которые раскопал здесь же, у подножия могучей сосны. Лесорубы стали весело хлопать по плечу раненого Калле, поздравляя с остановкой кровотечения. А Калле продолжал лежать и смотреть вверх, сквозь верховище, в морозное небо...

Список некоторых старокарельских слов Олонецкой губернии (XVIII век):

Угор – бугор.

Дяльницы - шерстяные рукавицы, вареги.

Верховище - макушка, верхушка дерева.

Извал – покатость.

Кенги - кожаная обувь.

Сказитель - былинник, сказочник.

Заплот - затор, небольшая плотина.

Эйо - эпический злой дух карельских лесов.

Ахти - эпический хозяин карельских вод.

Волок - водораздел, часто в смысле перехода.

Руда – кровь.

Попутный лист - подорожник.

ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ

(по мотивам средневековой калевальской эпической песенной поэзии)

С древнейших времен главной ценностью человеческой цивилизации были знания. Процесс их получения и накопления остался в народной памяти карельского народа и дошел до нас в виде эпических песен, лирических рун, легенд, сказок, баллад и былин. Сюжет, занимающий центральное место в средневековой северо-карельской поэзии об источнике знаний, оказался очень жизнеспособным и дошел до наших дней. В разных

Рис. Ольги Зирка

версиях старинные традиции добывания мудрых знаний на могилах умерших предков имеются у многих народов севера. Вот так, возможно, его когда-то исполнял карельский рунопевец Архиппа Перттунен для создателя карело-финского эпоса «Калевала» финского фольклориста Элиаса Лённрота...

...Вяйнямейнен хороший мастер. Много лодок он сделал в своей жизни. От раза к разу все лучше получалось. И в этот раз Вяйнямейнен задумал сделать большую лодку с парусом, способную переплыть Седое Куйтто.

Ладная получалась лодка. Но строительство лодки дело очень трудное. Одного умения было мало, и старый Вяйнямейнен применял в работе много мудрых заклинаний. Вот так, строил и пел старинные карельские руны-заклинания. Однако заклинания закончились, и дело у мастера застопорилось. Никак не получалось укрепить мачту для паруса, устроить уключины, укрепить в челне сиденья. Трех мудрых словечек не хватило, чтобы достроить большую лодку с парусом.

Рис. Ольги Зирка

Посидел, поразмыслил старый мастер Вяйнямейнен и решил, что не беда. Всего-то три слова нужно. Он их добудет, ведь они вокруг каждого человека обитают.

Посмотрел на небо. Летит стайка ласточек. Верно, сотня мудрых слов есть на острых крылышках у быстрых ласточек.

Летит косяк гусей. Верно, сотня мудрых слов есть на спинках старых гусаков.

Летит клин лебедей. Верно, сотня мудрых слов есть на конце лебяжьего клина.

Посмотрел на сосны. Верно, сотня мудрых слов есть на язычках у белых белок.

Посмотрел на поле. Вот олени пасутся. Верно, сотня мудрых слов есть в глотках у старых вожаков.

Старый охотник Вяйнямейнен набил стаю ласточек, настрелял гусиный гурт, загубил лебяжий клин, шкуркам белок завесил всю жердь, отловил все оленье стадо. Но даже ни полслова мудрых заклинаний не удалось узнать Вяйнямейнену от быстрых ласточек, старых гусаков, огромных лебедей, юрких белок, оленьих вожаков.

Рис. Ольги Зирка

Опечалился старый мастер Вяйнямейнен. Рядом пробегала мышка-полевка, махнула хвостиком и поведала Вяйнямейнену, что не только сотня слов, но и тысяча заклинаний найдется в давно сжатых устах мертвого великана Антеро. Древний мудрец Антеро унес с собой в сырую могилу тысячи мудрых карельских заклинаний и заговоров. Лежит в сырой земле великан Антеро: на скуле выросла роща, на подбородке вырос куст ивы. Меж лопатками пробилась осина. Вот только путь к могиле мертвого великана Антеро очень труден: по остриям мечей старинных, по концам иголок острых. Только тот, кто имеет цель – добыть слова великие, тот пройдет по остриям мечей старинных, по концам иголок острых. Мелькнул хвостик, исчезла быстрая мышка-полевка. Старый воин Вяйнямейнен смело двинулся в неизведанный путь. День шагал по остриям мечей старинных. Второй день - по концам иголок острых. Наконец, на третий день пути, старый воин Вяйнямейнен поднялся на большую гору. вершине горы подвернулось колено, и левая нога провалилась вглубь. Посмотрел Вяйнямейнен, куда

там попала нога – оказалось, что угодила прямо в рот мертвому великану Антеро. Еще миг, и весь Вяйнямейнен провалился в глотку великану.

Но не растерялся старый Вяйнямейнен. Из рубахи сделал кузню, из штанов - мехи. Локоть в молот превратился, пальцы в клещи обратил. И вот чудо! Заработала в глотке мертвого великана Антеро кузня Вяйнямейнена. День, второй кует старый Вяйнямейнен железный лом. На третий день сковал Вяйнямейнен огромный лом и вогнал его в горло мертвому великану Антеро.

Огромный кусок горячего кованого металла пронзил насквозь всего мертвого великана Антеро. От страшной боли проснулся огромный Антеро. Озлился тогда старец на Вяйнямейнена, но ничего сделать не мог. Ковкое железо, которое изготовил старый Вяйнямейнен, сковало все огромное тело великана. Великан Антеро запросил пощады:

- Выходи из моей глотки. Прекрати терзать все тело. В глотку сыпятся мне угли, окалина весь зев забила.

Так ответил Вяйнямейнен:

- Выйду я из глотки страшной, прекращу терзать большое тело, если ты сто слов мне скажешь, откроешь тайну тысячи заклинаний.

Рис. Ольги Зирка

С давних времен на огромной горе лежит в сырой могиле страшный и мудрый великан Антеро. Но не страшен он людям. Сто слов и тысячу заклинаний открыл он старому Вяйнямейнену. Достроил старый мудрый Вяйнямейнен свою большую парусную лодку и передал карельскому народу все открытые ему великаном Антеро сто слов и тысячу заклинаний. Много лодок построили карелы и донесли до нас многие из этих ста лов и тысячи заклинаний.

...Я стою на берегу старого мудрого Куйтто. Вспомнилась еще одна средневековая северокарельская баллада, которая тоже дошла до наших дней. В ней говорится о большой волшебной лодке, которая лежит на дне седого Куйтто. Мне подумалось, что, возможно, это и есть та большая лодка, которую построил старый мудрый Вяйнямейнен, используя сто слов и тысячу заклинаний страшного великана Антеро. Наверное, именно эти мудрые знания, добытые старым Вяйнямейненом на могиле Антеро, помогли сохранить карельский род.

Рис. Ольги Зирка

ПРОЗА

Игорь Бекетов

(Новосибирск)

Цыганская баллада

1

Авторитетнейший представитель диаспоры N-ских цыган Степан Ермолаевич Ярковский умирал.

Его жизнь — такая запутанная, принесшая горе многим и многим людям, положенная им на алтарь наживы и сожженная там, заканчивалась вчуже от прежних устремлений, вчуже от всего, даже от жажды жить. Он устал... измаялся возвращаться из небытия в мир, где над ним властвует боль. Здесь, в спальне его дома-дворца, она повсюду: в подушке, одеяле, ночном белье, потрескивании поленьев в камине, в далеких голосах родственников, в ложке бульона... Из разнообразия желаний осталось одно: почувствовать, как старший сын прокалывает иглою кожу в паху и нашаривает вену; из легиона мыслей — единая дума. Дума та — страшная. Крепко нагрешил Степан Ермолаевич. И хоть вчера исповедался и причастился он, и хоть двумя днями ранее отделил изрядный кус от черных денег своих церкви, а нет мира в душе, стонет она по загубленным жизням, исходит по ним кровью. Да разве ж мог предполагать он, сроду не знавший участия к людям, что в последние часы полюбит их: всех, какие есть на Земле; самого распоследнего мерзавца будет готов принять к сердцу, как сына или дочь. Что это? Откуда это в нём?

Да, он не такой, как прочие цыгане. Он по прапрадеду полукровка. Отдыхал зажиточный табор под Ярославлем на кочевье в Бессарабию, там-то и влюбился ярославский господарь в его прапрабабку, а та - без ума - в него. Две недели чуть не жил в таборе богатый дворянин, просил за себя Земфиру. Уж такую скамейку¹ сулил, не приведи Бог! Да не захотел вожак табора — отец красавицы — отдать единственное дитя за русака, прогнал надоевшего барина, а дочь приголубил плетью, чтоб легче перенесла она разлуку. В ту же ночь, Бог весть как, выкрал бедовый господарь свою душеньку. Знать, без сговора дело не обошлось, иначе как объяснить этакие деньжищи — аж четыре "катеньки", — что нашли у кострового в сапоге под стелькою. И, как ни божился цыган, что покрал деньги из кармана купчины на ярославской ярмарке, как ни ел на том землю, так с четырьмя "катеньками" во рту его и схоронили.

Лишь к утру ближе хватился Петр Ярковский дочери. Шесть групп по семь конных отрядил он в разные стороны в погоню. И — пошло дело! Гул копыт только! Как тут убежишь? Да хоть бы мчались беглецы без продыху, а то, проскакавши два часа, остановил тать-дворянин взмыленную тройку, и остаток ночи проплакали звезды, наблюдая, как торжествует на

 $^{^{1}}$ Выкуп за невесту.

ромашковом ковре любовь. О, звезды всё знали наперёд! Не напрасно исчертили они слезами низкое августовское небо, под которым, к заре, в распряженной кошевке остался стыть труп зарезанного барина.

Через неделю выдал Петр Васильевич Земфиру замуж. Хорошего мужа ей нашел, знатного. А перед тем накрепко запечатал суесловные рты: где золотом, где словом, где делом - очень уж уважаем был ром баро² цыганами, настолько, что, когда странно светленькому первенцу Земфиры он даровал свою фамилию, состояние и, стало быть, будущие привилегии, именитый зять пикнуть не посмел. Чему следовал, принимая это решение, суровый отец, неизвестно. Может, знал он, что за штука такая – любовь? И что только она способна дарить миру наилучших детей.

Да, очень уж отличается от остальных цыган Ярковский Степан Ермолаевич. Течет в его жилах, вперемешку с цыганской, голубая кровь. Кто из российских цыган прочел оба Завета от корки до корки? И ведь не раз прочел. Даже в Москве, в театре "Ромэн" не сыщете вы такого рома.

- Почему мы кочуем? спросил он как-то мать.
- Цыгане спали, когда Господь раздавал народам земли. Проснувшись же, ромалэ спросили: "Господи, нам-то где жить?". "Всё роздал я, ответил Бог, ни клочка не осталось. Но вы, дети мои, не горюйте. Я дам вам всех больше. Я подарю вам Землю. Вы будете блуждать по ней без пределов и отдыхать там, где вам мило, и всякий человек хоть раз, но светло позавидует вам. И да будет так во веки веков!"
  - А почему мы проспали делёж?
  - Всю ночь коней воровали, а к утру заснули, и нас не могли растолкать.
  - Я слышал, воровать грех.
- Цыганам не грех. Нам сам Христос разрешил. Когда его распинали, в руки и ноги вбили по во-от такому гвоздю, а пятый гвоздь, который палач должен был вколотить Иисусу в лоб, цыган украл и проглотил. С тех пор нам разрешено красть помаленьку.
  - Откуда ты это знаешь?
  - Говорят, в Библии про то написано.
  - Я хочу сам прочитать, но я не умею.
  - Цыгану буквы знать ни к чему.

Однако вышло иначе. Указом Совмина СССР "О мерах по пресечению бродяжничества" был положен конец кочевой жизни. Степин отец осел в частном секторе города N, расселив соплеменников в пригороде, и той же осенью Степа отправился в первый класс.

Его школьных лет насчитывается пять. За это время он выучился грамоте, игре на деньги в пристенок и чику и приловчился виртуозно красть на уроках труда орудия труда, добывая гривенники на азарт.

Преуспел цыганенок в двух лишь предметах: родной речи и, как следствие, русском языке. Читал он запоем; видно, прапрадед его был тот еще книгочей; и отец Степин — Ермолай Тимофеевич, ухмыляясь в бороду, едва поспевал отстегивать спекулянтам трёшки да пятерики за хорошие книжки. Пока класс жевал невкусную "Каштанку", кучерявый читака наслаждался коктейлями Верна и Купера, волшебными смесями Лема и Беляева, и даже пытался дегустировать пряности Золя и Мопассана.

² Большой цыган (вожак).

В преддверии окончания пятого класса Степина школьная карьера закончилась. Долю вины за это несет Карибский кризис, точнее — его последствия, когда в ущерб собственному народу СССР подрядился подкармливать Кубу. Основная же причина была иная: вольное дитя задушили школьные коридоры, за стенами которого вовсю безобразничал май, и когда представился случай, вольняшка рванул в весну, хлопнув дверью.

В школу прибыла инспекция областного отдела образования. Хитрый директор намекнул высоким гостям, что у него есть уникальный экземпляр — цыган, пишущий диктанты без ошибок и сочиняющий стихи в стенгазету. Да разве ж мог предположить он, что подведет его гадёныш Степка под монастырь? На показательном уроке литературы члены комиссии, выслушав напористый монолог чудо-цыгана о тройке-Руси, смахнули слезы и попросили прочесть чтонибудь из сочиненного. И тот выдал:

Кубе будем помогать
Пашаницей, мать-размать!
Ешьте булочки от пуза!
Нам же — рожь и кукуруза.
Ладушки-ладушки,
Куба ест оладушки,
А мы черный хлеб едим,
В школе целый день пердим!

Инспекторы, конечно же, были солидарны с малолетним вольнодумцем, ибо животы их ребятишек тоже пучило от ржаного хлеба, но, убоявшись взаимных доносов, чиновники приняли меры. Директор был выведен из состава КПСС с переводом в село учителем географии, завуч уволен, Степа исключен из школы. Пользу от цыганской выходки поимел лишь трудовик, у него перестали пропадать сверла и надфили.

Так закончилась светлая полоса в жизни Степана Ермолаевича. Ее сменила серая — фарцовочная, а спустя пять лет отец Ермолай Тимофеевич взялся торить дорожку от Чуйской долины до города N и так преуспел, что забогатевший табор чуть не молился на него. По смерти отца Степан крепко ухватил родительские вожжи. С плеча развернулся умнющий полукровка, и скоро уж не черепашьим ходом ползли на плечах курьеров грузы с шалой и планом, а мчались в тайниках поездов и авто, оборачиваясь в двадцать дней. Но в полный рост начал подниматься Степан Ермолаевич в середине девяностых. Героин захлестнул Россию. Вот где поперли настоящие лавэ! Дуром повалило и по сей день валит бабло, добываемое на горе людском, и уж давно не знает ром баро счета деньгам. Осуждаемо ли это? Безусловно.

С другой стороны – Сократ. Предвосхитив Евангелие, он утверждал, что несправедливость начинается тогда, когда кто-то подряжается судить кого-то. Тоже трудно спорить.

Как же быть?

Вот если б нашелся доброволец лечь под гнёт, что жмет сок из души умирающего Степана Ермолаевича, а заодно и допустить до себя его болезнь, он бы поведал, достаточно ли наказан человек, сжигаемый изнутри припоздавшим раскаянием и раковой опухолью. Да разве отыщется средь нас такой человеколюбец?

2

Старший сын Григорий набирал в шприц морфин. Предстояло неприятное дело: лезть отцу иглою в рот. Даже в паху вены попрятались, шутка ли — по шесть инъекций в сутки, осталось только под языком жилу нашаривать.

"Помер бы уж... Дом большой, а деваться некуда от его криков. Но жаль отца. Правильный цыган, умный; вон какой бизнес поставил, знай — успевай поворачиваться; однако зачудил последние дни, зачудил... того гляди, выкинет кандибобер. Ну, да я тоже не в капусте найден. Ромка — тот дундук, червь книжный, ничего из отцова бреда не понял..."

Григорий почувствовал движение в дальнем приделе опочивальни, глянул. Отец, не могущий без посторонней помощи опорожниться, сидел на краешке кровати и пытался встать.

- Э, отец, поспешил к нему Григорий, ляг, тебе нельзя. Сейчас я, укол вот готов...
- Оставь... Мне не больно. Сил будто прибавилось. Сегодня помру. Ромку зови.
- Нюра! кликнул сестру Григорий. Та вышла из смежной комнаты. Дуй за Ромкой, он наверху библиотеке, отец зовет.
  - Тащи, Гришка, всю отраву сюда, потребовал отец. Надо сжечь.
  - Менты?
  - Тащи, говорю.
  - И кокс?
  - Всё под метлу.

Пришел младший сын Ромка.

- Что, парень, всё читаешь? спросил отец.
- Угу.
- Это добро. Да в добро бы оно тебе. Я-то вот тоже много читал, да сквозь прошел, не задержался... Иди с братом, он скажет что делать.

Скоро в спальне соорудилась пирамида из туго набитых полиэтиленовых пакетов.

– Кладите в камин штук по десять, – распорядился Степан Ермолаевич.

Первая партия пошла в огонь.

- Вот сороки-то кайфанут, хохотнул Ромка.
- Не жаль? спросил отец, наблюдая, как за стеклом камина сгорают миллионы.
- Говна-то...
- А тебе, Гришка?
- Можно было увезти со двора. Что у нас, тупиков мало? Янош завтра приедет за товаром, а товар в трубу вылетел.
- Позвонишь, скажешь, чтоб не приезжал. Объяснишь потом. Всё, парни, закрываю лавочку. И не в ментах дело. Я полковничьими погонами подтереться могу, сами знаете. Что мне мусора... мне помирать жутко столько людей потравил. Не о себе пекусь; не хочу, чтобы вы жизнь с тем же страхом покончили. Помирать нужно так, чтобы сладко душе было. Верьте слову: вернуть время назад, я б нищим помер, чем вот этак-то. Это урок вам. Грех греху рознь, выбирайте меньший, когда жить дальше начнете. А лучше продай, Гришка, дом, трехэтажную эту тюрьму с башнями, поднимай табор да отправляйтесь кочевать, сейчас за это не садят; денег много оставляю, бедовать не будете. Послушаешь меня добрым словом помянешь; но я не неволю, тебе решать. А вот если дело продолжишь, прокляну с того света, так и знай.

Можно было только догадываться, каких усилий стоило Степану Ермолаевичу говорить. Но голос, хоть и хил, внятен; лицо в испарине, взгляд неясен, его зашторивает смертная пелена, но сквозь нее — требование исполнить последнюю волю.

...Ромка отправил в камин последнюю партию. Степан Ермолаевич переменился в лице.

- Сердца не чую, пожаловался он. Лёд в груди. Кличь, Ромка, всех, прощаться буду. А ты, Гриша, звони Яношу. Ох, как больно! Прости меня, Господи!
- ...Григорию отсчитывались в телефонной трубке гудки, вожаку N-ских цыган последние секунды жизни.
- Ай, и боль же! Ай, хасиём! Пресвятая Заступница, умоли Сына твоего простить мя, окаянного!

Он удивился, когда ощутил прикосновение подушки к щеке: кто-то против воли, но поматерински нежно принудил его улечься на бок. Затем он почувствовал, как ожило сердце. Он еще более подивился тому, как мягкие эти толчки выгнали из него всю боль без остатка, и по телу разнеслась волна невероятно сладкой истомы, породив нечто такое, чего он не испытывал еще ни разу. Все на свете можно было бы отдать за этот миг крайнего блаженства. И не миг это был вовсе, время сделалось фикцией, собралось в тугой узел, представив возможность принять баснословные дары.

То замечательное, что когда-либо происходило в жизни Степана Ермолаевича и отчего светло радовалась или плакала чистыми слезами душа, перечувствовалось им заново, ярко воскрешая в сознании былое, но не вызывая в душе и капли сожаления о его невозвратности; затем, под аккомпанемент полузабытых мелодий, в легчайшей эфирной взвеси то ли бабочек, то ли цветочных лепестков прокружилась и унеслась в никуда карусель улыбающихся, милых его памяти лиц; они шептали ему что-то, чего он не мог, да и не старался разобрать, и принимал тот шелест за осенний листопад, но то были добрые, бесконечно добрые плавные фразы...

Потом ему показали Землю. Всю целиком. Сотни живых картинок раскинулись веером пред его взором, и он одним взглядом охватил их и запомнил.

Он видел, как из глубин Северного моря поднялся белый кит и принял на спину огромного золотого орла. Фантастический этот тандем уходил к теплым струям Гольфстрима, и тень распахнутых орлиных крыльев скользила по океану и оглаживала тела голубых айсбергов.

Он видел, как на Тибете гулко сошла лавина. На склоне горы, над древним буддийским монастырем обнажилось плато. Туда, одним прыжком преодолев континент, с кошачьей грацией впрыгнул восставший от многовекового сна Сфинкс. Он осмотрелся и прижмурился довольный: по горной тропе к нему поднимался Далай-лама. Оживший миф намолчался за века. Ему не терпелось взяться за прежнее ремесло: одаривать мудрейших еще большей мудростью, загадывая загадки ценою в жизнь.

Он видел, как заяц, анаконда и антрацитовая пантера, поднимая снопы радужных брызг, смеясь, играли в мяч на отмелях Миссисипи.

Он видел, как наливаются соком плоды в апельсинных рощах Андалузии и распускается сакура на склонах Фудзиямы.

Он видел, как на Синай взошли три отрока в белых одеждах и соорудили из звезды Давида, распятия и полумесяца единый, столь гармоничный символ, что оставалось лишь подивиться, как это люди не додумались до этого прежде.

Много, много чудного дарилось тот миг цыгану...

И еще он видел караван. В арабской ночи медленно шествовал он по пустыне; печально позвякивала упряжь верблюдов, покачиваясь в сёдлах, дремали бедуины, а в черном абиссинском небе зажглась неведомая ранее звезда. "Иман", - призывным шепотом открыла она свое имя, открыла единственно ему, и когда Гигорий услышал ответное "алло", душа Степана Ермолаевича устремилась к поманившей её звезде...

К ночи, когда улеглась первая, самая страшная волна горя, Григорий и Ромка вышли из родительской спальни.

- Встанешь в четыре утра, велел Григорий. В пять приедет Янош за товаром, нужен будешь.
  - Так спалили же всё.
- Дурень ты, Ромка. Двадцать пять лет на свете прожил, а ума, что у курицы. Я третьего дня муляжей наготовил, как чувствовал. Крахмал мы жгли, понял?

Ромка длинно посмотрел на брата, повернулся и пошел прочь.

ПРИВРАТНИК

Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру, да то, что сделали столяр и плотник (Delalande, Discours sur les ombres).

В. Набоков. "Дар"

И подфартило же мне коротко сойтись с вами, досточтимый философ Делаланд!

И пусть не локоть к локтю, не запанибрата, а заочно, сквозь время, сквозь... – простите вольность – вехи и прорехи... и пусть вы, мнится мне, целиком выдуманы наитончайшим выдумщиком и вовсе не существовали, но... вот уж удача, так удача: не побрезгать, взять из рук привокзальной бичёвочки замурзанный томик. Только на Руси водятся пропивашки-интеллектуашки. Как могла, отблагодарила бедолага за пустяшное подаяние, прежде чем утащиться его просадить; чуть не силком всучила шедевр. Дар со дна. Так, слышал, случалось у золотарей: выудить фамильный перстень чёрт знает откуда.

Однако же на поверку не я оказался удильщиком. Вы, профессор. Подсекли меня, точно ерша. А я похож на ерша: тонконогий, пузатый голован. Да еще старый. Да еще с признаками душевного раздрая – недуга, мучительнее которого, как известно, не сыскать. Голован системы "наган". Голова у голована, как... дно платонокотлована — туда вколочена полосатая чугунная свая. А посему, не взыщите, ежели покажутся вам иные мои изъяснения сумбуром или вовсе бредом, ибо не бред ли есть походя раскидываться куда попало громадными именами и народным чугуном? Велик ли спрос с болтающейся на крючке ополоумевшей рыбки?

Признаюсь, наживку вы нацепили ту ещё... пальчики оближешь... А я и облизываю, когда перелистываю листы, когда заглатываю ваше утверждение, ваш — заявляю искренне и с восхищением! — ажурно сотканный пассаж о двери и о дыре, о плотнике и о столяре... Бесподобный Арахн!

Да, облизываю. Мало, сейчас мой палец лижет еще и фретка Чуня – милейшее существо, – егоза, плутовка и побирушка; она, забравшись мне на колени, будто бы подпарилась к чтению. А прежде того – так и вилась, так и петляла мохнатым веретёнцем вокруг рук, и всё вынюхивала, и всё высматривала что-то в хороводе букв, и всё пучила разумные глазки, и не абы куда, а, как мне привиделось, аккурат на строчки, на страницу триста девяносто шестую, именно: на третий абзац, будто прочитывала вслед за мною слова, будто сознавала их аховый

смысл и угадывала, хитрюга, подбирающееся ко мне озарение. Да! Так-таки высунула хорьчиха (уж не знаю, как должно называть самку хорька) востренький язычок и вот: нализывает мой палец, тогда как подле ее досужей хорьковой харьки засыхают в блюдце на подоконнике балтийские шпроты – вкуснятина, за которую деточка продаётся сходу и с потрошками.

Нынче же, презрев олимпийский харч, чуткая моя жиличка с наслаждением furetus sapiens запуталась в ваших, monsieur Delalande, философских тенетах. Равно, как и я... равно, как и я...

1

"И я, — сказал я — отставной латышский стрелок Юрис Янисович Авенс, — из-за какой-то паршивый четырнадцать лет эта гадюка терпеть буду, который старуха в колодец положил?" — брякнул в зените чтения, не ожидая того, супротив воли и с персидским акцентом.

Чунюшка чихнула в книжку, впрыгнула на подоконник и принялась уписывать шпроты.

А я-то? А мне-то каково? Вот оно – необъезженное своеволие гиппокампа: щедро и не к месту навязывать вздор и скупердяйничать, ежели речь заходит о деле. Гостем незваным, диким татарином пожаловал мнимый казах Василий Алибабаевич в мою квартирку, в бобылью мою конуру, в шпротно-табачный дух, в извечный сумрак, в пыль и тоску. Без спросу влез эрзац-джентльмен в таинство осмысления, в размышления мои о жизни и смерти, навеянные умозаключениями почтеннейшего профессора Делаланда. И всё смешал. Всё попортил. Сдунул те чахлые соломинки, те пушинки и былинки, которые принялся было я скрести по сусекам, чтобы подостлать – даже не знаю под какие эфемерные места, – но... чтобы мягче дожилось до недалёкого уже финиша, ибо жёстко стало существовать мне в предзакатной поре моей. Всё то, что надумывал я себе в оправдание, в обеливание себя, тот писк, который желал бы донести хоть до кого-нибудь... всё, всё перепуталось в голове – чугунной голове экс-привратника. Привратника. Не иначе. Поскольку, смерть, как было означено, дверь. Следовательно, я (вот оно, преддверие озарения!) – тот, который во времена оны был приставлен к двери и распахнул её аж восемнадцать раз - Привратник (придверник, ключник, вахтёр, консьерж, швейцар... на выбор). Но не убийца. Или он? Илион. Тоже за фук был взят. Как и я. Кат-самокат. Належавшись на печи, закатился в палачи. Вот оно как вышло-выстроилось. Но... закавыка: куда девать мою натуру? Природу мою сострадать? Лишняя деталь конструктора. Горазд ли заплечных дел мастер сочувствовать? Хотя бы даже хорьку. И не я ли пособлял детишкамсоплишкам, да слепеньким, да всяким увечным переходить, перековыливать, перекатываться на немыслимых, обитых вонючим войлоком тележках опасную часть дорог. Сердце по ним ныло! Сказано не к тому, что, мол, гляньте, каков человеколюбец... а... ей-же-ей: не ведала левая рука того, что делала правая, даже когда совала рука деньги – посильное вспомоществование призреваемым в собесах беднягам. И в моём шифоньере не найдётся кумачового балахона и колпака с прорезями для глаз (эта пара мне видится сквозь этакое... этакую газовую ткань, отделяющую земное от грядущего), на плечиках – китель офицера МВД СССР и форменные брюки.

Приодетый, примундиренный, я привратничал. Кто-то же должен был исполнять. Приговор суда, разумеется.

Да, суда.

А теперь – сюда, короткий экскурс в былое. В былое без дум, я приустал от дум. Только факты.

Учреждение УА- *** УИТУ МВД КазССР.

Кабинет, отделанный сосной под орех. Ковровая дорожка. На дорожке, у стола начальника тюрьмы я— недавний стажер-контролёр по работе со спецконтингентом.

"Они ведь нелюди, звери, – ворковал столоначальник. – Сами ведь знаете. Верно ведь, товарищ старший лейтенант? А соотечественники ваши? Эйхманс, Лацис... это ведь... какие личности! Из стали вылиты-выкованы! Были... да... Хватит уже вам караулить... Пора ведь... и за дело... Взяться. Эйхманс, Лацис... Вот ведь коммунисты!.. Вы ведь, Юрис Ясинович, тех же кровей?"

"Янисович, товарищ полковник".

"Вот именно! Дефицит, знаете ли, нынче, стальных сотрудников... Некомплект в группе исполнения, а кто-то ведь должен..."

Я не задолжал, но согласился. Ах, гадство! "Ведь, ведь, ведь, ведь..." Ведьмы, ведуны, веды, шведы... мозговеды... Заведьведил меня полковник. Полковник был душка: рыж, не строг, косноязычен, пучеглаз и гипнотичен; рисовал на веленевой бумаге красным фломастером рюмочки из четырёх звёздочек да взглядывал рачьими глазами в нордические очи мои: неразумно, дескать, ерепениться, ежели прежде срока катится на погоны очередная железка. И (забегу вперёд) не надул. Федул. Редкое имя.

За цацку пал Илион.

"Нелюди, нелюди, нелюди…" – вдалбливали мне на спецкурсах под пасьянс адских фото, под дикие копии следственных протоколов. Управились со мной в две недели. Те еще кудесники… Поспел я, точно плов, состряпанный по экспресс-рецепту: казан воды и рис туды, немного дров и плов готов.

"Готов?"

"Так точно, товарищ полковник".

"И день сегодня особенный. Ильич родился".

А был не день, было едва-едва утро. Казахское и серое.

Так, на излёте апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года, с петухами, впихнул я себя в иную жизнь, выпихнув из жизни — не поверите — Ильича, упёршегося в своей невиновности плешивого и картавого рецидивиста, законника, от шеи до пят одетого в привилегированные татуировки. Выпихнул. Распахнул делаландовскую дверь, да и... милости прошу!.. к неведомо какому шалашу.

Он вошел достойно — в месяц истаявший сорокавосьмилетний старик. Последующие семнадцать новосёлов, которым я пособил с переездом, были не столь крепки, были мокрые и ватные, а этот, когда за минуту до старта ему зачитали отказ в помиловании, посетовал не зло: "На Луну отправляете, а крови на мне нет". Потом жутко улыбнулся во все рандолевые фиксы и прибавил: "Щербет рупь семьдесят, а я не кушаю". И повернулся спиной.

А год спустя изловили истинного потрошителя. И намазали окаянный лоб зелёнкой. Правосудие... Свершилось наконец. Что ж... первый блин, как водится, комом. Ни сглотнуть, ни отрыгнуть. Крепко застрял ком-Ильич (теперь, уже comrade-Ильич) где-то там... там, куда нынче приспичило подстелить, ибо, как было говорено, жёстко доживается некоторым сокровеннейшим жилкам и пульсам моим.

А тогда, помнится, на мои ахи да охи да на неофицерские вздохи, на мои непартийные шатания и шараханья влево и вправо, все-все-все... даже врачи — а иные со смешком да со спиртовым душком — одинаково отбалтывались: "Лес рубят, щепки летят".

И уболтали: улетела щепка на Луну, туда ей и дорога. Дрянь была щепка.

2

Прищепка. Их две на бельевой верёвке. Мне хорошо виден двор сквозь январское окно. Левая прищепка околела на морозном ветру, выпустила из пластмассовых челюстей плечо тельняшки, и та накренилась над сугробом, будто расплющенный непосильным страданием матрос перевесился через фальшборт в океан: "Прыгнуть?.. Не прыгнуть?.."

Прыгнул. Косо воткнулся в снег. Полосатый раскрас флотской исподницы... Пришлось прижмуриться, прогнать зебровидного фантома с фиксатой ухмылкой. В зоопарке я стороной обхожу вольеры с зебрами. А зебру пешеходного перехода завершаю не тем... человеком, кем был в начале пути. И не ем щербет.

Ветер повалил замороженный гербарий моряка. Теперь он лежит, по-купечески обняв сугроб. А может, навзничь? Без разницы. Ему всё едино. На кой чёрт выстирали кожу капитана? Первого, помнится, ранга. Да, три звезды. Что ещё?.. что еще?.. Вот: на исходе прошлогоднего июня липовой аллеей следовал красавец офицер при полном параде. Рядом — под руку — такая лапонька! Такая умница! Gold-медалистка дочь. Единственная у вдовца. Он, полагаю, роскошно смотрелся с ней, препроваживая чудное дитя навстречу выпускному балу. И солнце выискивало в липовом своде брешь и играло в "зайчики" с бутафорским серебром погон, и Елисейскими полями благоухала холёная эспаньолка, и кокарда отразилась в агатовом зеркале штиблет, когда каперанг — блажной от счастья — в полупоклоне распахнул школьную дверь перед красавицей. Распахнул. Вот оно как случается.

Зачем накануне ночью не рухнуло здание школы? Сторож? Он вечно вполпьяна, он бы отделался синяками, выпивох пестует их пьяный ангел. А в каких эфирах застрял ангел девочки? По каким ничтожным делам отлучился он в столь пиковый час и не разглядел из невозможного далека чудовищную печать на ребёнке, не рассмотрел её бальное платье, уже не белоснежное, уже отливающее алым.

...Алым был залит пол. Изверг караулил, кого придётся. Пришлась она. Сослалась на усталость, не пожелала прокатиться речным трамваем по ночной реке. И отказалась от услуг ненастойчивых провожатых. Так, наверное, пересказывали несостоявшиеся спутники и, наверное, прятали влажные взгляды.

Четыреста шагов от школьного крыльца до крыльца подъезда. Вошла...

И никто не слышал кошмара, творимого в проклятом закуте — загаженной, вечно бесколясочной колясочной. Изувер сходу оглушил, а уж потом наиздевался над телом, как хотел.

...Кто хотел?

Народ?

А вот, спрошу.

Ту, седую, с сайкой в авоське, шаркающую полиартритными ногами из булочной.

"Что?! Какое пожизненное! Четвертовать!!!"

Или эту юную маму, прогуливающую за поднятые руки (будто ведёт сдавать в плен) годовалого бутуза.

"Ох, сложно ответить… но… всё же, знаете ли… – глянула на приплясывающего гражданина, пока целёхонького, пока лишь временно обезображенного памперсами, – надо казнить. Чтобы другие боялись".

Или вон тех двоих, притулившихся на тёплом люке канализации, поочерёдно высасывающих из горлышка общий портвейн.

"Да я бы… я бы… – жевнул беззубым ртом, тщась обуздать звонкую согласную, – зззубами рвал!!!"

И собутыльник поддакнул:

"На куски! ломтями строгать! ...ать! ...ять!"

Тройной опрос через двойную раму окна. Вымышленный, но честный. Мне не нужно очных собеседований, я вижу без того: на один и тот же вопрос, у интервьюируемых (вот гимнастика для языка!) мечется в глазах один и тот же бес и дёргает за губы и щеки.

Какого рожна навязали миллионам этот тик? "Мол, то... да, мол, сё..." под указательный пальчик из Страсбурга: "He-xo-po-cë!"

Ясное море (как говаривал капитан), "нехоросё".

Капитан... А что капитан? "Что он Гекубе?" У Гекубы навалом капитанов и капитанских дочек. Был капитан, да сплыл: чуть повременив после суда над зверем (мой книксен сыщикам), под троекратный карабинный салют ушел в бессрочную автономку на свидание с дочкой. Отбыл прямиком из дурдома. А прежде чем загреметь в крезовник, дни напролёт стукал кулаком в военно-морскую грудь, выбивал ответ на простейший вопрос о несоразмерности преступления и наказания. "Пепел Клааса стучал в его сердце" да так громко, что беднягу упекли подлечиться на аминазиновые воды. А он облапошил и докторов, и дальних родственников, и всех: плюнул и отдал швартовы. Отдал (так лучше) концы.

***

Мысли мои — скакунцы... Не удержал саврасок. А ведь каково близко уж подобрался! Негодники! Негодники!

Ах, профессор! Какой я, всё же, разиня! Опять всё смазал! То-то, что стар и рассеян. Зачем не болтался смирно у вас на поводке, не размышлял сам-друг о насущном себе, о том, что подпёрло под яблочко, а всё возился, всё ёрзал... и дотрепыхался: слетел с крючка, и только сию минуту понял, что слетел, что давно прохлопал миг, когда шмякнулся, и вот: в который раз укатился кубарем в чёрт знает какие приделы, в чёрт знает какие марсианские тернии, где изорвался в лохмотья вместо того, чтобы заштопаться, чтобы залататься хотя бы на живую нитку, и в благодарность, пусть за тришкин, но кафтан, воспеть гимн в вашу честь.

Но я воспою. Дайте срок. Я соберу себя в кучку завтра, соберу наново, так, как делал это сегодня, вчера, третьего дня... присяду на табурет у окна и раскрою книгу, и Чуня влезет мне на колени, и... ни слова о пустом, ни хвостика мысли о постороннем, ни синь пороху... а только я и он.

Да, воспою. И, может быть, тогда, на koda, под доминантсептаккорд, докучливый дружище Ильич сделает мне на прощание ручкой.

поэзия

Памяти Вадима Цокуренко...

Алексей Казарновский (МОССАЛИТ, Москва)

«В ЕГО СТИХАХ ЖИВЕТ ТАЙНА, ВЛАСТЬ НАД КОТОРОЙ ДАЕТСЯ БОЛЬШОМУ ТАЛАНТУ...»

Вот и еще одна зарубка на сердце... Умер Вадим Цокуренко — один из наиболее ярких поэтов рунета. Стихи его, мелодичные, выразительные, глубокие, сразу обратили на себя мое внимание. Они - особенные, подобные Сириусу на фоне блеклых звезд *обычных* стихов, наполняющих интернет. Их уже нельзя хладнокровно препарировать, как какую-нибудь среднюю работу, раскладывая по полочкам — это понравилось потому-то и потому-то, а это нет по такой-то причине. В его стихах живет тайна, власть над которой дается большому таланту. Читая их, испытываешь безотчетный восторг. Пока есть люди, владеющие этой тайной, — жива Поэзия. Совсем не случайно Вадим был неизменно среди победителей поэтических конкурсов. Был он и членом жюри многих конкурсов на www.litkonkurs.com. Здесь мне довелось работать вместе с ним. Он не только умел понять и адекватно оценить стихи других поэтов, но и прекрасно работал в команде. Всегда был готов услышать коллег по жюри и отнестись с уважением к чужому мнению.

Позже довелось познакомиться лично. Дважды мы вместе участвовали в поэтических концертах «Живое авторское слово» Надежды Стрелковой.

Навсегда осталось в памяти, как он читал свою потрясающую «Балладу о Рафтери» со сцены Зала поэтов музея Маяковского, не спеша, негромко произнося слова прямо в микрофон, выразительно, но без лишних эффектов с абсолютным чувством меры. И зал слушал его, сосредоточенно и внимательно. Тогда для многих зрителей он стал открытием. Знаю об этом из первых уст. В то время он только оправился от инфаркта, но выглядел хорошо и настроен был бодро. Помню его внимательный одобряющий взгляд и кивок, когда я в свою очередь уходил со сцены после выступления: «Значит, все получилось», - подумалось тогда.

Два года спустя мы опять встретились на концерте. Я уже слышал, что он не очень здоров, и это было заметно, но на мой вопрос ответил: «Все нормально. Если приехал, значит все в порядке».

И опять этот негромкий, мягкий выразительный голос, сдержанный жест, высокая худощавая фигура в свете софитов и стихи, волшебные стихи... Какое счастье, что остались видеозаписи этих концертов! Какое счастье, что мы в силах хоть, что-то противопоставить нашему извечному, непобедимому врагу — Времени. Теперь оно с каждым днем будет уносить Вадима, словно выпавшего за борт, все дальше и дальше от нас, постепенно растворяя его образ в море безликой энтропии. Но помимо живой и такой несовершенной человеческой

памяти остаются стихи, песни, аудио и видеозаписи, фотографии, в которых сохранена частица прекрасного поэта и человека Вадима Цокуренко!

Будем помнить, будем читать стихи, будем смотреть и слушать, и, подобно своему герою – гениальному музыканту Рафтери, пришедшему после смерти, чтобы отдать долг воплощенной искренней и бескорыстной любви — Вадим снова вернется к нам, неся в наш нелепый мир свет гармонии, поэзии, высокого художественного слова...

Вадим Цокуренко

ТЫ ПРИШЛА ПО АПРЕЛЬСКИМ ДОРОГАМ

Ты пришла по апрельским дорогам, Где весна развела канитель. Словно ангел, ниспосланный Богом, Вёл тебя через этот апрель!

Отдаюсь твоим чарам и ласкам, Будем вместе ловить журавлей!.. Стань волшебной апрельскою сказкой, Стань отныне богиней моей!..

Пусть на сердце рубцы и заплаты, Но весна объявила отстрел! Как смеётся мальчишка крылатый, Не жалея отточенных стрел!..

И победно апрель-искуситель Протрубил в свой охотничий рог!.. От стрелы даже ангел-хранитель Ни тебя, ни меня, не сберёг!..

С ТОБОЮ – В РАЙ...

С тобою – в рай!.. Ключи перебираю, Но ключ потерян, как игла в стогу... И я тебя, любимой называя, Счастливой сделать так и не могу!..

Январский свет, по-зимнему не грея, На скорый рай надежды не дает... Который год люблю тебя!.. Старею, Храня любовь... Уже который год!...

АХ, СУДАРЫНЯ!

Ах, сударыня, как славно Пить любовное вино! Вспоминать своё «недавно», Помнить светлое «давно»... Вознестись душой, как птица, Не срываясь с облаков... В кулаке живёт синица, Журавли — для дураков!..

Ах, сударыня, Вы тоже Обожаете летать! Пусть хранит Вас добрый Боже, Посылая благодать. Сказки все бывают былью Лишь до первых петухов, Осыпаясь звёздной пылью На созвездие стихов.

Ждут, сударыня, дороги!
Примеряю сапожки...
Мы, конечно же, не боги,
Нам привычнее – горшки!
Обожжем в огне горнила
Горсть свистулек из грехов...
По щекам текут чернила,
Это – слёзы из стихов...

Ах, сударыня, поверьте Воздыханьям и словам. Будет Вашим даже в смерти Сердце, отданное Вам... Пусть душа уйдет куда-то, Зарастёт мой прах травой, Я в окне, лучом заката, Улыбнусь Вам, как живой...

БАЛЛАДА О РАФТЕРИ

Молчите люди, банши, птицы, звери! Настроив душу на высокий лад О шанахи великом - о Рафтери, Я расскажу на языке баллад... Теперь никто, пожалуй, не поверит, Но это было!.. Много лет назад...

...

...Когда смычок, натертый канифолью, Едва касался обнаженных жил, Вздымалось море, дышащее солью, Луна вставала над травой могил, И ветер, заколдованный триолью, Над топкими болотами кружил...

По волшебству послушного смычка, Являлась миру вся бездонность неба, И жаворонок пел над полем хлеба, А с ним в траве - зеленый брат сверчка... Вставало солнце за окном ветвей В густом лесу над мостиком горбатым, И слышался в пассажах пиццикато Веселый топот ножек легких фей...

И, отдаваясь музыке во власть,
Сердца добрели, просветлялись души,
А люди шли, чтоб шанахи послушать,
И было негде яблоку упасть!
Из тысяч ртов — дыхание: «Играй!!»
На лицах — восхищенные улыбки...
Так шмель весной летит на стебель гибкий Цветущих трав, когда приходит май...
Под курткой пряча тело хрупкой скрипки,
Он уходил... Куда?.. Поди — узнай!..
Он деньги презирал и их законы,
И лишь Любовь была его иконой!..

...

Холодный дом, незапертые двери, Скамья в углу, да старый стол пустой, Отважный Динни и красотка Мэри Сюда вернулись мужем и женой. И словно тень великого Рафтери Вошла Любовь и встала за спиной... Беднее их не сыщешь на земле, Но как убоги представленья наши! -Любовью переполненные чаши, Невидимо стояли на столе... Своё богатство, пастбища, коров, В замен любви другие предлагали. Влюбленные соблазна избежали, Одну любовь впустив под общий кров... В лачужке жалкой свадебная ночь Без шумного застолья и подарков... Любовь для них в окне луною яркой Горела, словно силилась помочь... Вдруг – словно легкий ветерок подул, Дверь приоткрылась, скрипнула пугливо, Седой старик вошел неторопливо, Присел к огню, подвинув старый стул... И помолчав, хозяевам признался: «От ужина бы я не отказался!»...

"Поужинать мы сами бы не прочь!
Всё, что найдется, рады вам подать бы,
Но пусты закрома у нашей свадьбы!..
Есть лишь любовь, но ей нам - не помочь"...
"Любовь вам в помощь!"...Словно был факир
Он скрипку нежно вынул ниоткуда...
"Так пусть любовь и вам подарит чудо!
Зовите всех соседей к вам на пир!
Пусть не скупятся, сонные тетери Играть на свадьбе буду я — Рафтери!"...

И новость побежала по дворам,
Как пламя при лесном бежит пожаре.
И все спешили в дом к влюбленной паре,
И удивлялись собственным дарам!
Окорока, постельное бельё,
Бочонки масла, с птицами корзины,
Душистый чай, картошку и маслины —
Едва смогло вместить в себя жильё!
Как славно все на свадьбе пировали!
Припомнится подобное едва ли!..

•••

Закончен пир. Поставив стул на стол Рафтери сел, привычно вскинув скрипку, И, словно спрятав грустную улыбку, Смычком по струнам медленно повел...

…Когда смычок, натертый канифолью, Едва коснулся обнаженных жил, Явилось море, дышащее солью, Луна всплыла над травами могил, И ветер, заколдованный триолью, По сумрачным болотам закружил… По волшебству послушного смычка, Являлась миру вся бездонность неба, И жаворонок пел над полем хлеба, А с ним в траве - зеленый брат сверчка… И встало солнце за окном ветвей В густом лесу над мостиком горбатым, И слышался в пассажах пиццикато Веселый топот ножек легких фей…

…Смычок опущен. И последний звук Уходит в ночь, подобно птичьей трели… Поношенную шляпу снял Рафтери И с ней пошел, очерчивая круг… А всем казалось, будто виртуоз Снял с головы не шляпу, а корону… Кто шиллинг положил туда, кто крону - От всей души, без церемонных поз. И шляпа, провожаемая взглядом, Легла на стол, наполненная кладом.

Очарованьем музыки храним, Закончен пир. В распахнутые двери Убрались гости, и ушел Рафтери, Сказав: «Любите!» нашим молодым. Они одни остались за столом, Случившемуся веря и не веря.. «Верни его!,- вдруг закричала Мэри, - Ведь он забыл про шляпу с серебром!» «Куда ушел он? По какой дороге?».. Тут новый гость явился на пороге...

Пришел поздравить коробейник Пэт. «Бог в помощь вам!» и одарил улыбкой. «Послушай, Пэт, там был старик со скрипкой.. Верни его!» «Да никого там нет! Я шел один... А ты о ком спросил!?»... «Он здесь играл! Да не сойти мне с места! Рафтери сам!!! Прославленный маэстро... Потом ушел, а деньги — позабыл!»... «Рафтери!? Динни, ты в своем уме ли? Рафтери умер!..Три прошло недели...»

«Могилу я закапывать помог... Великим был, а умер, как скиталец!..» Пэт поднял к небу свой корявый палец : «Какой скрипач!!.. Ведь он играл, как бог!»

...Когда смычок, натертый канифолью, Едва касался обнаженных жил, Вздымалось море, дышащее солью, Луна вставала над травой могил, И ветер, заколдованный триолью, Над топкими болотами кружил...

По волшебству послушного смычка, Являлась миру вся бездонность неба, И жаворонок пел над полем хлеба, А с ним в траве - зеленый брат сверчка... Вставало солнце за окном ветвей В густом лесу над мостиком горбатым, И слышался в пассажах пиццикато Веселый топот ножек легких фей...

И, отдаваясь музыке во власть,
Сердца добрели, просветлялись души,
А люди шли, чтоб шанахи послушать,
И было негде яблоку упасть!
Из тысяч ртов — дыхание: «Играй!!»
На лицах — восхищенные улыбки...
Так шмель весной летит на стебель гибкий Цветущих трав, когда приходит май...
Под курткой пряча тело хрупкой скрипки,
Он уходил... Куда?.. Поди — узнай!..
Он деньги презирал и их законы,
И лишь Любовь была его иконой!...

Шанахи – бродячий сказитель и музыкант в Ирландии. Банши – так называют в Ирландии духов,

которые предвещают смерть.

поэзия

Сергей Белов (г. Королев)

Член Союза писателей России. Руководитель Литературного объединения г. Королёва . Издано более 20 книг.

СТРАНА УЛЫБОК

Хочу с тобой в страну улыбок, Где дует тёплый ветерок, Где слышно пенье чудных скрипок, Ручья хрустальный голосок!

Там нет обиды, злости, горя, Лишь только радость и покой. Любовь большая, словно море, Владеет сердцем и душой!

Там небосвод лазурно-синий, А полдень только золотой! В стране улыбок ты - Богиня. Я счастлив, точно Бог, с тобой!

последний блюз

Снова дни холодные, туманные В городе, в деревне, на селе. Красные, лимонные, шафранные Умирают листья на земле. А совсем недавно, летом солнечным, На ветру шептались меж собой. Столько их в большие кучи собрано Дворниками утренней порой! Пережили дружно время жаркое. Кажется, был прочен их союз. Раньше танцевали в ритме джазовом, А сейчас для них последний блюз.

ТРЕТЬЕ БАБЬЕ ЛЕТО

Наступило третье бабье лето: Море солнца льётся с высоты! Появились заморозки где-то, А у нас ещё цветут цветы. Хризантемы, астры и петуньи Украшают клумбу во дворе. Наполняют солнечные струны Музыкой природу в октябре!

* * *

Когда здоров, то дело по плечу, Идёшь вперёд уверенно и смело. Я смерти не боюсь, но не хочу Лежать в закрытом ящике без дела. Хочу глаза любимой целовать, Писать стихи, закатом любоваться, Смеяться, петь, надеяться, мечтать, Встречать зарю и солнцу улыбаться!

КЛЕНОК

Утром во дворе кленок Стал похож на огонёк. Ведь портняжка-осень ловко Сшила деревцу обновку! Разноцветные наряды Радуют собою взгляды. У деревьев и кустов Праздник, словно у цветов!

СВЯТАЯ СИЛА ВОЛШЕБСТВА

Весна вошла в свои права: Становятся короче ночи. Набухли на деревьях почки. Вновь будут клейкие листочки – Святая сила волшебства.

Забыты радости зимы, Её морозы и метели. Апрель играет на свирели. Мы всей душой помолодели. Опять любимы, любим мы!

И пусть кружится голова, Как дети счастливы сегодня. Весною дышится свободней И мысли, чувства благородней. Святая сила волшебства!

* * *

Воробьишки купаются в лужах, Что для них приготовил апрель. Этот праздник пернатых мне нужен, Как небес голубых акварель.

Пробуждается снова природа. День становится ночи длинней. Дарит сердцу простор небосвода Благодать вешних солнечных дней!

ЭНЕРГИЯ ЛЮБВИ

Так опьяняют соловьи, Поющие в цветущем мае. Твоя энергия любви Мне сердце счастьем наполняет!

Мне чувства дороги твои. Как любим мы, лишь небо знает. Твоя энергия любви Творить шедевры помогает!

Мы чувства сбережём свои. Нас ангелы оберегают. Они с энергией любви Идти вперёд благословляют!

прочтите детям!

Утро. Новые сугробы
Ночью намела пурга.
Стали незаметны тропы —
Всюду пышные снега.
Март ещё бывает снежным,
Сердце радуя и взгляд,
Миллионы эльфов нежных
С неба весело летят!

поэзия

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

ВОТ ВЫПЛЕСНУЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Вот выплеснулись первые цветы С расширенными жёлтыми зрачками. И сердце времени толкалось с высоты О грудь земли неровными толчками.

Вот ходит дворник, склёвывая мусор, И жжёт траву исчезнувшей эпохи. Вот девушка с косою тёмно-русой С ладони птицам стряхивает крохи.

Вот уползает в тень последний снег — И влажный след тропу пересекает. Свой путь от альф до сумрачных омег Который раз природа начинает.

И я за ней – как пёс на поводке: Зрачки как блюдца, в сердце колотун. И даже воробей в березняке Всё про любовь чирикает, болтун!

***

Вечернего парка аллеи так медленно гаснут. За спинами тёмных дубов оживляются тени. Сижу на скамейке и жду неизвестного часа. Детёныш ночной тишины прилетел на сиденье

И пёрышки чистит, и смотрит в глаза мне сердито.

***

Женщины зимняя кожа — Горячий мартовский снег. Не открывая век, Планирую осторожно.

Старый дуб подобен храму, где курится воздух солнца, где звучат удары гонга, там, где корни, там, где рёбра, вдоль дорической колонны, над драконовым плетеньем, выше крыши золотой.

Там звучат удары гонга, там парадные одежды тяжелы и неудобны, и подобны голым душам одевающие их, отпевающие души, что взлетают выше неба, над драконовым плетеньем, вдоль дорической колонны, меж корней и между рёбер, где курится воздух солнца, где звучат удары

***

Почему нам кажется, Что дубы о чём-то думают, Берёзы о чём-то плачут, Осины чего-то боятся, И сосны куда-то летят.

Тогда как на самом деле Всё это делаем мы – Высокие дикие травы.

***

Сумасшедшая зелень порезана солнцем на пазл. Бесконечные запахи тащат в немыслящий сон.

Вот спасибо вороне, что криком почти человечьим прекращает полёт, поднимает из тёмных глубин.

Я достану мобильник, тебе позвоню и узнаю наши планы на вечер, и даже – на завтрашний день.

***

Они несли своё маленькое счастье В аллее цветущих и дикорастущих, Где птицы склёвывали крошки с рук, Где время накручивало за кругом круг Там — в небесах в облаках плывущих, И здесь — вокруг маленькой неба части.

***

Деревья переживают людей.

Деревья переживают людей. Они пережёвывают их взгляды, а потом переживают. Люди уходят и не возвращаются. А деревья никуда не уходят и никогда не возвращаются у них и ног-то нет! Хуже людей только птицы, потому что полёт – это пунктирная цепь исчезновений и рождений, очень нервно. Когда птица сидит на ветке дерева – это чучело. Когда птица сидит на ветке дерева, а человек стоит у корней дерева, может показаться. Но птица улетает, человек уходит, а дерево остаётся.

***

Зачем, собака, на меня ты лаешь: ничейный склад забыто охраняешь, или охрипший голос прочищаешь, или скучаешь в одиночестве, как я? Иду, иду. Не трогаю чужого. Уже ушёл. Прощай. Что ж ты скулишь?

***

Вот инстинкты – простые ребята: Стоит – ты юн, Упал – ты стар. Как Ясунари учил Кавабата: Цветочек – юк, Цветочек – бар.

МАЛОСТИШИЯ

1.

Ранним утром читаю твои стихи. Ревную к вчерашнему вечеру.

2. Снег за окном, – я сказал. Ты много болтаешь, – ответил твой взгляд.

3. Зажёгся фонарь за окном. Ты отвернулась. Жалюзи нужно купить, – снова подумал я.

4. Листаю станции метро: Люблю, смеюсь, печалюсь, плачу.

5. Кусочек счастья – ты смеялась. Маленький кусочек – я плакал.

6. Ревнуй меня к той девушке с длинными волосами, Которую я почему-то не соблазнил До того, как ты остригла волосы.

7. Когда гильотина забвенья отрежет меня от мира,

Будут ли они спрашивать: кто это написал?

8.

Каждый раз, когда я вижу тебя обнажённой, Я пугаюсь: а вдруг, это последний раз?

9.

Чёрный московский дворик.

Кружится белый снег.

На кружевном белоснежном платке тает.

10.

Говорят, что где-то в сердце Есть какое-то окошко неприметное. Ты его не открывай...

11.

Пальто коротенькое в «ёлочку» И – полуобернувшись – взгляд Туманится стекло непробиваемого времени

12.

Уже не молода и не красива Та, кого ты любил, Пока не упала гильотина времени

***

Эти старые дубы Лианозовского парка, те самые, Как органные трубы, взлетающие над оркестровой ямой, Где соловьи настраивают свои инструменты в ожидании ночи, Где по влажным тропинкам гуляют одинокие мамы, одинокие старики и прочие одинокие. Ветер шумит листвою, а кажется, что годы шумят. Что есть, то и было, что было, то и будет, — так говорят. Селезень спрятал клюв под крыло. Небо во сне и вода во сне. Старый пруд. Ожидание. Всплеск.

***

Приготовь мне лекарство по древним китайским рецептам. Истолки в порошок этот яшмовый звук из небесной свирели. Кожу рваных земных барабанов сожги и развей. И на свитке воды напиши иероглиф судьбы наконечником падшего ветра. И закрой мне глаза и шепни, что ты любишь меня.

поэзия

Дмитрий Авалин (Москва)

***

Заснуть какой соблазн опять а кто-то рядом вяжет плеть а ты молчишь проклявши плоть в небесную упершись твердь

О бремя аббревиатур без гласных жестких букв союзы ты вновь в себя вдеваешь слезы и бисер льющихся культур

Но не забыть что гласных чистота одна не в силах долго длиться согласных крепость, пестрота дыханию как ребра пригодится

***

Аркадию Гаврилову
Прости мне друг, живущий уже там, где не тверды ни камень, ни металл, лишь образы горят.
Прости, что ты зарыт, а я иду, и лед под тяжестью звенит.
Не веривший в бессмертие души, теперь скажи, ты сильно удивлен или, напротив, скукой раздражен, что превратился в буквы, падежи, или не этим вовсе жив, ты нежно лишь глядишь на небосклон?

Холодный птичий взгляд расплата за летучесть за кривизну крыла секущего эфир собачий мой зрачок чего ты просишь мучась хвостом виляет лес лопух ползет из дыр

***

Благовещенье — сева начало, обнимание неба с землей, отозвалась, вздохнула, сказала, Да! — ответила, Боже ты мой. И как будто часы переставя на декретное время в себе, задышала незримою славой — где-то ангел играл на трубе.

***

И в жизни сей хреновой случается денек когда как лист кленовый шикарно одинок летишь себе в пространстве забыв про то да се японец икебанский какой-нибудь Басё И кто тебя поймает пусть исповедь поймет А осень полыхает а птицам в перелет

***

Я — ящерка

Ютящейся эпохи, щемящий шелест

чувственных

чувственны. цикад, хлопушка фокусов убогих, тревожный

свист, рывок поверх оград. Наитие, минута

ликованья, келейника

исповедальня.

Земная Жизнь еще дарит, горя, высокое блаженство алтаря.

***

В траве на дне травы
На самом дне травы
Я спал отдавшись лону
Когда подобно башенному звону
По скорлупе огромной головы
Ударил дождь и в бок меня и в спину
И понял я какой я страшно длинный —
На мне зрачки как бабочки открылись
И удивились — о, как удивились!

***

Я сталкиваюсь с тем

Что голос в телефоне холодеет С годами он становится мертвее

Когда среди столов

упершись в камень спин

Мои зрачки дрожат на грани взрыва

Я набираю номер голубятни

И глядя сквозь окно на желтый под

светилом город

Скрывающий под каменной громадой Сплетенные клубки моих глухих собратьев

Я спрашиваю: голубь, как живешь? С годами он становится как мрамор Почти неотличим от телефона

***

Что надо, чтоб летать?

Все лишнее убрать

как пуля в воздухе скользя

Но взмыть желая ровным быть нельзя Как шершень будь взъерошен и шершав

широким парусом дубрав

взлохмаченным всевидящим орлом ловящим ветер вздыбленным крылом

И вы стрижи чьи линии ясны

и ласточки достойные всех призов не обойтись вам без карнизов и не взлететь без помощи стены речных откосов дырчатою брынзой над рябью нависающих волны

***

Святая Русь, Ивашка-дурачок, да пристальный монашеский зрачок — санпропускник, где щучат нас на вшивость, старушечьи персты, святейшеская милость, а ты лепи площадным петушком, загни погуще небылицу, с три короба наври, а про перо Жар-птицы ни полсловца — и шасть в кусты с мешком.

***

Как продышишь перо разве что оперенье отгрызть пусть не свиток пророческой пищи полегче да и жизнь нынче что произносится попросту жисть на простом скобяном привокзальной толпы диалекте Стать бы ласточкой к жести карниза прильнув из ума не выходит лишь сердца перо бы коснулось гуттаперчевым мальчиком флорентийской комедии-буфф пронестись над толпой разогнув приходскую сутулость

Пропасть иголкой в Сене или в Темзе Или сплестись с зеленым вечным шумом, И повторять, что нет, еще не умер И напевать божественную песнь.

Октябрь мой лицейская игра засесть за пир как бы со всеми в сборе в межвременном услышать разговоре в глухом бору напевы комара Вот таинство вот вежество пера хрустальный звон с лесоповалом в хоре в преображении в фаворе нет разницы что завтра что вчера Не сетуй же что вызван до утра что воронье хрипит о нэвэрморе Грядущего волнуемое море всегда с тобой судьба сколь ни хитра Ни тяжесть лба ни крутизна бедра ни камень воском дышащий в соборе не утолят ничьей душевной хвори пока не взглянешь в мощь добра

поэзия

Глеб Седельников (Москва)

из книги «сто семь одностиший»

Доказываю чудо: существую!

доказываю чудо, существую:

3. Вот рельсы. Это что ли край земли?

15 Срываю тело, как срывают бинт.

Звезда скатилась по щеке вселенной...

25. Все истины слились в ударе сердца.

31. Свобода, здравствуй! Ты теперь тюрьма?

32. Заборы делят землю, но не небо.

33. Без стука сердца просьба не входить.

36.

Песчинку дайте – возвращу вам жемчуг!

39.
 Не больно падать. Больно возноситься.

Ещё страшнее падать в высоту...

40.

44. Всё время уходило на пространство... 45.

Пока ты жизнь клянёшь – она проходит!..

46.

Привыкли к Богу - и не замечали.

48.

И только крест до неба достаёт.

56.

Любая точка - отправная точка.

57.

Церковная ограда - парадокс.

59.

Одна щека - земля, другая - небо.

62.

Я не один: всегда со мною счастье.

67.

С иголкой нитку дай мне, Ариадна!

70.

У каждого своё «Одно и то же».

72.

Не рой другую яму! Хватит этой.

74.

Пойдёшь за солнцем – к вечеру придёшь.

76.

Стань тишиной – и ты пройдёшь сквозь

стену.

77. 90.

Что пессимизм!.. Вот оптимизм – ловушка!.. И даже колокол внутри пустой!

85. 92.

Задашь вопрос – и страшно: вдруг ответят... Со временем становишься пространством.

89. 100.

Невероятное! Ты вероятно. Забыть иль не забыть – вот, в чём вопрос?

107.

Я вещь в себе и около себя.

ИЗ МИНИАТЮР-ПОЭМЫ «ВИСЯЧИЙ АВГУСТ ДВА»

Пил кофе на приступке бытия, Плыву как будто вместе с облаками Овсяными закусывая снами...

Смотри, стоит на курьих ножках лето! Стоит на курьих ножках тишина...

Мы начинали новое бессмертье -И наша жизнь завидовала нам!..

...Сегодня я эпиграфом к дождю! И к солнцу я эпиграфом сегодня!

Проходят сквозь тебя мои лучи -И откликается твоя лучистость!..

Ты солнечному радуйся лучу И не заботься, как к тебе проник он!..

...С холма на холм переливалось солнце! Из утра в утро сон переходил... Холмы ли, храмы – словно бы слова, Которые здесь небо произносит!..

...Шли облака по сжатой синеве. И по несжатой сказке шли туманы... Взглянуть на злополучный край земли...

На край земли приходит край небес, Забыв, что он и сам из этих мест!..

...Успеешь, если ты зелёный лист, И не успеешь, если лист опавший...

Уже готовы листья к листопаду, Слова уже готовы к Данте, к «Аду»...

И рта ещё открыть я не успел -А всё уже сказал опавший лист...

А я всё думал: из чего слова? А ты всё думал: из чего трава?..

Не виновато утро, что за ним Приходят день, и вечер, и бессмертье!..

Не виновато сердце, что за ним Приходят тишина и бесконечность...

ШЕСТОЕ АВГУСТА

БОРИС ПАСТЕРНАК Акросонет пятикратный

"Вы шли толпою, врозь и парами, Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня Шестое августа по-старому, Преображение господне". Борис Пастернак. "Август"

Борис и Глеб, крещение судеб... Огонь за око, ад огня за око! Раскрою фолианты из портьер -

И за м**и**нуты п**р**огорали срок**и**. **С**егодня, **с**олнце, опи**с**уя выпа**с**,

Преобрази поэта путь в этап! Астральная касается ль пята -Сияю, выдох, всасываясь, вырос! Таким успеть, поит пора аорт,

Ещё опережая **с**ердцем сердце! Раство**р** поэзи**и** душе раство**р**

Ниц навзничь, радугою унисон!

А август веер**о**м от самовара, **К**огда ваяю небо **б**ез помаро**к.**

поэзия

Маша Панфилова

(МОССАЛИТ, Москва)

* * *

Вот заделаюсь поэтом — Я работать не хочу... Сколько заплатить за это? "Сколько нужно - заплачу".

В рубище на голо тельце Тунеядствую как бы, Как какой-то Новосельцев, Заливаю "про грибы"...

Я не сею и не строю, Дура - с лирою стою. Может я чего-то стою, Может вам чего спою.

* * *

Пойдем, по городу побродим. Ненастный, сумеречный час. Негромких уличных мелодий Пополним золотой запас.

Ты мне чего-нибудь расскажешь — Такая старая игра, Когда значенье слов неважно... Озноб. И страшная жара,

Мы сквозь неё - до поворота... И нас оставят, погодя, И ветра пьяная икота, И расточительность дождя... Ну-ка, шайка, Вино нам нездешнее лей-ка! Вопрошай-ка... Сердешная узкоколейка От шика до шока. Душонка в щепы от Ща... Леща кистеперого поди-ка, наяда, поймай-ка! Приманивай чем попало: Мокрою майкой, Грудью без молока, Золотым зазубренным плавником... И подсекай! Подхватывай словесным сачком, Сетями, бреднями по Сети, И свети, кому говорят, свети!

* * *

Добудь у Пегасихи молока, Буковок просей порошок. Слёзы, деточка, - это пахта, Сыра комок - стишок.

* * *

У небес - ни конца, ни краю... Я стою на лугу, овца, От благолепия обмираю, И ни-слов-ца!

* * *

Из водяных капель состоят облака?
Так я вам и поверил! Ишь, нашли дурака!
Не из каких не из капель,
Видите — в небе сухо?
Делают их из пуха
Белых и серых цапель.
И, для пущего шику,
Лебедь скинет пушинку.
Да еще — одуванчик.
Да еще — воробей,
Тополь, ива, ракита...
И пацанчик Никита
Жалует рыжее перышко

* * *

Из подушки своей.

Прислушайся и приглядись:
Вон там — как будто бы поклевка!
Застиранных небес батист,
Березы редкая марлевка...

Калина в кружевном белье, — Шмелем обметана прошивка. Стрекочет в божьем ателье Цикады швейная машинка...

* * *

Переплываешь реку.
Принадлежишь реке...
Что канарейку
На вытянутой руке,
Наблюдаешь душу,
От дыма почти не дыша...
Чайки-кликуши.
За душой - ни шиша.

* * *

Поцелуи лекарственные Применять всем без разбора. Их можно пить, Можно вдыхать, Прикладывать, где болит. Рассовывать по карманам на всякий случай. Принимать взахлеб По жесткой схеме, Без всякой карты, Строго по расписанию, Как можно чаще.

* * *

У неё на юбке ромашки, У неё ребёнок в кармашке, А кармашек - он в животе, Не в обиде, хоть в тесноте...

У неё улыбка лисички, У неё две смешных косички И смеётся, и смотрит в рот, Будто бы никогда не умрёт.

И всё это - счастье мужчины. Вот он - лыбится ей без причины. Остановка. Пора вылезать. И картинка слепит глаза...

На лавке метро, будто на троне – дева. Косу плетет, как будто точит – «на нет». Мужики – не дышат. Направо глядит... Налево... И, если была б не из наших, звалась бы Аннет,

А никак не «Анька-коза», хромого конюха дочка, Что теленок на досочке у Барто, Того и гляди навернется – столичные заморочки... Слышь, сестренка, ты из какого рая-то?

* * *

Станешь матерью. Научишься материться. Парить репу. ПарИть как птица. Бояться научишься. И прощать. Как Б-г.

И "Колобок" Познаешь ты в совершенстве. И амплитуду от фланели до жести. Слышишь, всё сбудется: белка, свисток... Будь спок!

Лицо младенца – Яркое солнце

"Куколка" мысли -Куколка "мыслит"

Вырастет – пойдёт В Университет

Но самое важное Заметит однажды:

Лицо у мамы – Яркое солнце

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина (МОССАЛИТ, Москва)

В ГОСТИ К ДЕДУШКЕ КОРНЕЮ

31 марта 2012 года — 130-летие замечательного русского советского поэта, публициста, критика, переводчика и литературоведа, детского писателя смешанного украино-русского, казацкого и еврейского происхождения **Корнея Ивановича Чуковского.**

Был награждён орденом Ленина (1957), тремя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями. В 1962 году ему была присуждена в СССР Ленинская премия, а в Великобритании он был удостоен почетного звания Doctor Honoris Causa Оксфордского университета.

28 октября 1969 года в возрасте 87 лет писатель скончался.

В эти горькие дни один из его близких друзей написал: «Умер последний человек, которого ещё сколько-нибудь стеснялись».

Увлечение детской словесностью, прославившее Чуковского, началось сравнительно поздно, когда он был уже знаменитым критиком. В 1916 году Чуковский составил сборник «Ёлка» и написал свою первую сказку «Крокодил». В 1923 году вышли его знаменитые сказки «Мойдодыр» и «Тараканище». В жизни Чуковского было ещё одно увлечение — изучение психики детей и того, как они овладевают речью. Он записал свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством в книге «От двух до пяти» (1933). Все другие мои сочинения до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих читателей я, кроме «Мойдодыров» и «Мух-Цокотух», вообще ничего не писал.

Корней Иванович Чуковский (Николай Васильевич Корнейчуков) родился в 1882 году в Петербурге. Детство и юность писателя прошли в Одессе. Печататься начал в 1901 году — в газете «Одесские новости». В 1905-ом он уезжает в Петербург, где занимается журналистикой. В 1908 году выходит первая книга Чуковского «От Чехова до наших дней». С осени 1906 года Чуковский поселяется в финском местечке Куоккала, под Петербургом. С 1913 года начинается его работа над восстановлением текстов Некрасова и изучением творчества поэта. В 1915 году Чуковский впервые обращается к сочинениям для детской аудитории — пишет поэму «Крокодил». Осенью 1917 года писатель с семьёй переезжает из Куоккалы в Петроград...

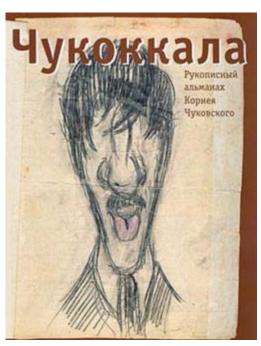
В двадцатые-тридцатые годы он создаёт великолепные детские сказки — «Мойдодыр», «Тараканище», «Краденое солнце», «Телефон», «Муха-Цокотуха» и целый ряд других. В эти же

годы в его переводах выходят «Сказки» Киплинга, «Робинзон Крузо», «Том Сойер», «Геккельбери Финн» и так далее... В 1926 году выпущена его исследовательская работа «Некрасов»,а в 1928 году — «Маленькие дети», ставшая прообразом будущей книги «От двух до пяти». В 1938 году Чуковский переезжает в Москву. В октябре 1941 года писатель с семьёй эвакуирован в Ташкент. В 1957 году Чуковскому присвоено учёное звание доктора филологических наук. В 50-х годах **КЧ** переселяется из Москвы в дачный посёлок Переделкино...

Как лингвист Чуковский написал остроумную и темпераментную книгу о русском языке «Живой как жизнь» (1962), дав резкую отповедь так называемым «канцеляритам» — то есть различным бюрократическим штампам. А как переводчик открыл русскому читателю У. Уитмена (ему он также посвятил исследование «Мой Уитмен»), Р. Киплинга, О. Уайльда. Переводил М. Твена, Г. Честертона, О. Генри, А. К. Дойла, У. Шекспира, написал для детей пересказы произведений Д. Дефо, Р. Э. Распэ, Дж. Гринвуда. Корней Иванович активно занимался теорией перевода, создав одну из самых авторитетных в этой области книг — «Высокое искусство» (1968).

Что такое «Чукоккала»?

(Корней Чуковский. Апрель 1966 год)

Слово это составлено из начального слога моей фамилии — ЧУК, и последних слогов финского слова КУОККАЛА — так назывался посёлок, в котором я тогда жил.

Слово «Чукоккала» придумано Репиным. Художник деятельно участвовал в моём альманахе и под первым же своим рисунком (от 20 июля 1914 года) сделал подпись: «И. Репин. Чукоккала».

К этой дате, к самому началу Первой мировой войны, и относится зарождение «Чукоккалы».

Что такое «Чукоккала», сказать нелегко. Иногда это рукописный альманах, откликающийся на злободневные темы, иногда же — просто самый обыкновенный альбом для автографов.

Вначале «Чукоккала» была тощей тетрадкой, наскоро сшитой из нескольких случайных листков, теперь это объёмистый том в 632 страницы с четырьмя филиалами, относящимися к позднейшему времени.

Таким образом, в 1964 году исполнилось ровно полвека со времени её появления на свет. Перечень её сотрудников огромен. Среди них Леонид Андреев, Анна Ахматова, Андрей Белый, Ал. Блок, Ив. Бунин, Макс Волошин, Сергей Городецкий, Горький, Гумилёв, Добужинский, Вас. Немирович-Данченко, Евреинов, Зощенко, Аркадий Аверченко, Александр Амфитеатров, Юрий Анненков, Ал. Бенуа, Вячеслав Иванов, А. Кони, А. Куприн, Осип Мандельштам, Фёдор Сологуб и другие. А также более молодое поколение — Маргарита Алигер, Ираклий Андроников, А. Архангельский, Е. Евтушенко, Валентин Катаев, Каверин, Михаил Кольцов, Э. Казакевич, И. Бабель, Мейерхольд, В. Маяковский, С. Маршак, С. Михалков, Николай Олейников, М. Пришвин, Мих. Слонимский, А. Солженицын, К. Паустовский, Ал. Толстой, К. Федин, С. Щипачёв, Вячеслав Шишков, Виктор Шкловский и другие.

Главная особенность «Чукоккалы» — юмор. Люди писали и рисовали в «Чукоккале» чаще всего в такие минуты, когда они были расположены к смеху, в весёлой компании, во время краткого отдыха, зачастую после тяжёлых трудов. Потому-то на этих страницах так много улыбок и шуток — порой, казалось бы, чересчур легкомысленных.

И ещё одна особенность «Чукоккалы». Её участники во многих случаях являются нам не в своём обычном амплуа и выступают в той роли, которая вроде бы совершенно несвойственна им.

Шаляпин здесь не поёт, а рисует, Собинов пишет стихи. Трагический лирик Блок пишет шутливую комедию. А песнопевец Михаил Исаковский предстает перед нами как мастер смешного бурлеска. Прозаик Куприн становится стихотворцем.

Конечно, есть в «Чукоккале» и вещи другой тональности, другого — нисколько не комического — стиля. Это, прежде всего, автографы стихотворений Анны Ахматовой, Бунина, Мандельштама, Валентина Катаева, Ходасевича, Кузмина и других.

У англичан есть прекрасное слово «хобби». Оно означает любимое занятие человека, не связанное с его основной профессией. Таким хобби была для меня «Чукоккала». Она всегда оставалась на периферии моих личных и литературных интересов. Столь же периферийной была она и для большинства её участников. Почти никогда не записывали они на её страницах того, что составляло самую суть их духовной биографии, их творчества.

Вот почему эта книга не стала зеркалом тех грозных времён, когда ей довелось существовать. Лишь мелкими и случайными отблесками отразились в ней две мировые войны. И можно ли искать в ней отражения величавых Октябрьских дней? Дикой и бессмысленной была бы попытка запечатлеть на её зачастую легкомысленных и шутливых страницах планетарно грандиозные события, потрясшие вселенную.

Наиболее серьёзны в Чукоккале краткие этюды о личности и поэзии Некрасова, написанные по моей просьбе Горьким, Блоком, Маяковским, Тихоновым, Максимилианом Волошиным, Фёдором Сологубом, Вячеславом Ивановым и другими в виде ответов на составленную мною анкету. Готовясь к изучению жизни и творчества любимого моего поэта, я, естественно, счёл нужным обратиться к своим современникам, чтобы выяснить, как воспринимают поэзию Некрасова внуки и правнуки того поколения, к которому было обращено его творчество.

Все эти отзывы написаны всерьёз, без улыбки. Впрочем, нет, и сюда вторгся юмор. Я говорю об ответах В. Маяковского, написанных озорно и насмешливо. Насмешка направлена против анкеты, чего, к сожалению, не поняли критики, обрушившиеся на Маяковского за непочтительное отношение к Некрасову.

Хотя «Чукоккала» основана, как уже сказано, в 1914 году, но теперь, печатая её, я (правда, очень редко) приобщал к ней такие рисунки и тексты, которые относятся к более раннему времени. Это записи Лядова и Римского-Корсакова, карикатура Троянского, стихотворение Потёмкина, дошедшее до меня уже после создания «Чукоккалы».

Большинство рисунков и записей, входящих в «Чукоккалу», сделано у меня за столом, в моём доме. Если же в гостях или на каком-нибудь собрании случалось мне встретиться с таким человеком, участие которого в альманахе казалось мне ценным, я предлагал ему первый попавшийся случайный листок и, воротившись домой, вклеивал этот листок в альманах. Так было, например, с рисунками Шаляпина, которого я неожиданно встретил у Горького; с рисунками М.В. Добужинского, Н. Э. Радлова, В. А. Милашевского, исполненными в 1921 году в Холомках, где мы спасались от петроградского голода. Александр Блок сам принёс мне стихотворение «Нет, клянусь, довольно Роза...», сочинённое им по дороге домой из «Всемирной литературы», материалы, относящиеся ко Второму Всесоюзному съезду

писателей, я собрал в небольшой тетрадке, которая стала, так сказать, первым филиалом «Чукоккалы». Таких филиалов несколько.

Таковы, например, рисунки Юрия Анненкова, заимствованные из его замечательной книги «Портреты» (1922), а также фотоснимки, сделанные фотографом-художником М. С. Наппельбаумом, автором книги «От ремесла к искусству», где собраны наиболее ценные из его талантливых работ. Оригиналы некоторых исполненных им портретов (Анны Ахматовой, Михаила Слонимского, Евгения Петрова, Михаила Зощенко и других) сохранились у его дочери О. М. Грудцовой, которая любезно предоставила их для «Чукоккалы», за что я спешу выразить ей свою благодарность. Евгений Борисович Пастернак передал мне малоизвестный портрет своего отца. Я очень признателен и ему, и другим моим друзьям, благодаря которым в Чукоккале могли появиться портреты Маршака, Николая Олейникова, Евгения Шварца, Паоло Яшвили и других.

В 1965 году я подарил «Чукоккалу» моей внучке Елене Чуковской, которая проделала большую работу по подготовке альманаха к печати. Работа была трудная и сложная. Нужно было сконцентрировать рисунки и тексты вокруг той или иной определённой темы («Всемирная литература», Дом Искусств, Первый съезд писателей и др.) и, главное, записать мои комментарии чуть ли не к каждой странице «Чукоккалы».

В тех случаях, когда ту или иную страницу «Чукоккалы» можно было прокомментировать при помощи кратких отрывков из моих мемуаров, читателю предлагаются эти отрывки в несколько изменённом виде.

Маршак в одном из своих стихотворений метко назвал «Чукоккалу» музеем. Заканчивая краткую быль о «Чукоккале», я приглашаю читателей познакомиться с экспонатами этого музея.

Из воспоминаний Олега Павлова. (Писатель, заместитель председателя Челябинской областной писательской организации).

Память! Величайший дар господний, и она же — величайшее божье наказание, если воспоминания не в ладах с совестью. Но и обычная мука ностальгии — сладкая, но всё-таки мука. Кто из нас не страдал по навек утраченным дням солнечного (почему-то непременно солнечного!) детства? В поисках неповторимого чувства новизны мира возвращаемся мы к нашим большим и малым «меккам» — прикоснуться, припасть, очиститься, возродиться...

Из моего детства, из уральского села Писанское, где мы с братьями взахлёб увлеклись литературной игрой, протянулись мостки под Москву, в известное многим писательское гнездо — **Переделкино.** О том, что писатели в Москве пишут, а здесь, на дачах, переделывают свои произведения, стало расхожей литературной прибауткой.

Здесь я впервые побывал в самом начале шестьдесят пятого. Мы завязали переписку с журналом «Пионер». Тогда его возглавляла Лидия Ильина — сестра Самуила Маршака. Она собрала в журнале не только творческих, но и педагогически одарённых людей, бессребреников, которые самозабвенно искали юные таланты. «Пионер» тогда опубликовал нашу подборку и — о чудо! — редакция журнала пригласила нас с братьями в столицу, организовав маленьким гостям чудесные творческие каникулы.

Впечатлений было невероятно много.

Сама Москва — огненная, перетекающая, будто лава. Москва — с только ей одной присущим запахом метро. Такси, кафе-мороженое, лифт в многоэтажной гостинице! Лампы дневного света! Деревянные кровати, наконец! Не беда, что меня по молодости лет не пустили

в «Современник» – на «Голого короля» с Евстигнеевым в главной роли. Зато я уже знал, где на станции «Площадь Революции» можно подойти к бронзовой статуе матроса и подергать маузер. Огромный маузер шевелился! А на студии «Диафильм» нас и вовсе приняли как уважаемых авторов, и в демонстрационном зале показали совсем свежую ленту — фильм по нашим стихам. Чудеса продолжались! Во время показа появилась знающая нас заочно актриса Рина Зелёная, назвала нас по именам, и сказала, какие наши стихи более всего ей нравятся. Но мы ждали главного события — поездки в Переделкино. Её, по счастью, никто не собирался меня лишать.

И вот мы едем в Переделкино. Электричка — сказочно быстро, как тогда мне показалось — пересекает подмосковные поля. На дверях вагона — новые для нас надписи: «Не прислоняйтесь, двери открываются автоматически!». Неизвестные умники посцарапывали некоторые буквы. Получились довольно забавные лозунги, где нам предлагалось «не слоняться», а то, мол, «двери отрываются автоматически»...

Темнеет рано, за окнами — гудящая синяя тьма. Мы незаметно для себя въезжаем в иной, сказочный, неведомый для нас мир. Приближающееся Переделкино, ещё не знакомое, представляется нам чем-то вроде волшебного Берендеевского леса. И, конечно же, там есть главный волшебник. Это человек, который пригласил нас в гости к себе на дачу. Это и вправду сказочник, известнейший детский писатель **Корней Иванович Чуковский.**

К сожалению, мне не посчастливилось побывать «на костре» у Чуковского при его жизни. Зато с ним самим наобщался вволю! А через много лет я увидел один из последних костров, горящих в память о Сказочнике. Возле того костра были детские писатели, были известные актеры и музыканты. Одни читали стихи, другие пели с ребятами песни, но, конечно же, главным героем и хозяином праздника незримо оставался Корней Иванович. Вход на костёр — сосновая шишка — в результате посреди поляны вырастала огромная гора из шишек.

Представляю, как появился здесь однажды перед гостями Корней Иванович — высокий-превысокий, с большим добрым носом, в длинном головном уборе индейского вождя из красивых перьев. Ребята — а тогда многие играли в индейцев — наверное, встретили Чуковского восхищённым оглушительным криком. А Корней Иванович, должно быть, встал перед костром, воздел к небу руки — и все сделали то же самое. Потом он взял за руки ближайших мальчишек, и все взялись за руки, и заплясали вокруг огня, как взаправдашние индейцы. А потом каждый — и Чуковский тоже — бросил в костёр по шишке, как дань огненному духу.

Этот индейский головной убор я увидел вначале на фото в «Пионерской правде». Так отблагодарили нашего сказочника американцы во время его поездки по Штатам. Потом я увидел его воочию — Корней Иванович не поленился удалиться в соседнюю комнату и вдруг появиться перед своими гостями в этой ошеломляющей, разноцветно-перьевой, длинной — чуть ли не до пят — шапке вождя краснокожих...

Полуосвещённые снежные дорожки довели нас до дома, где жил Корней Иванович. Там же, рядом, стояло здание его библиотеки. Он подарил её детям, и ребятишки с благодарностью шли и ехали сюда – и из самого Переделкина, и из Москвы.

На даче Чуковского не оказалось — он ушёл ненадолго к друзьям — в дом отдыха литераторов. Мы направились его встречать, и застали уже одетым, в вестибюле. Увидев нас, Корней Иванович тут же распрощался с собеседником, и стал с нами знакомиться. Был остроумен и органичен, так и сиял радушием. Вертел трость в руке и всё время повторял: «Когда я был молодым, когда мне было всего лишь восемьдесят, я делал это много лучше!» Потом вдруг подносил палец к губам и заговорщически восклицал: «Видите вот того забавного человека, что рубит дрова за забором? Это же Валентин Петрович Катаев! Смотрите и запоминайте».

К даче мы подошли, уже запросто беседуя, как старые знакомые. А там ждал чай с четырьмя — на выбор — видами варенья (наши вкусы неожиданно совпали — мы с Корнем Ивановичем выбрали черничное), разговоры о литературе, чтение стихов. В тот вечер я впервые узнал, что детский писатель Чуковский пишет и для взрослых. Он не только слушал, но и сам читал — кажется, переводы. Читал и интересовался нашим мнением. Когда дошла очередь до меня, я прочел начало одной из не самых удачных поэм (но, прошу прощения, мне было только десять!):

Домик деревянный Срубом лёг на сруб, Кто живёт без мамы, В нём нашёл приют. Но один котёнок — Фунтиком зовут — Не нашёл в том доме Для себя приют. Муся пожалела — Фунтика взяла, И, скажи на милость, В семью приняла...

– Хорошая девочка Муся, – отметил Чуковский, – пожалела котёнка... Каково же было его удивление, что Муся – вовсе не девочка, а тоже кошка, гражданка вымышленной нами, братьями, котятской республики, во главе которой почему-то стоит царь. Дальше – больше. Мы удивили сказочника нашими сказочными странами – Котятской, Объединённой Страной Зверей, свободного города Павлограда...

Корней Иванович с интересом принял выдуманные нами страны, просил рассказать о них поподробнее, а потом вдруг поведал свою историю. В молодости, отдыхая на финском курорте Куоккала вместе с друзьями, он предложил игру в некую выдуманную республику. Друзья поддержали игру, страну нарекли Чукоккалой, а самого зачинщика объявили президентом. Расставаясь, они подарили Корнею Ивановичу нож с гравировкой — «Президенту страны Александеру Пелиандеру». На российской границе нож попался на глаза таможенникам, и слово «президент», и подозрительно греческое имя заставили Чуковского долго объясняться с непонимающими юмор имперскими чиновниками.

- Так что, – подвёл мораль рассказчик, – будьте поосторожнее с выдуманными странами. Опасное это дело! – а сам смеётся.

В завершение вечера хозяин подарил нам книгу своих сказок, снабдив её надписью, на которую способен только человек, умеющий тонко иронизировать (и над собой в первую очередь) — «Поэтическому семейству Павловых от их скромного коллеги. С глубокопочтением, Корней Чуковский».

Многое потерял я в жизни. Не сохранились открытки от Чуковского, нет ни одной копии нашего диафильма. Но та книга и сегодня стоит на моей полке. И мои дети, а теперь уже и внуки, относятся к ней с глубокопочтением...

В другие, более поздние посещения Переделкина мне не раз доводилось молча постоять над могилами Корнея Ивановича и Бориса Леонидовича. Я находил их холмики по издалека приметным трём соснам. Впрочем, потом их осталось только две. И деревья не вечны...

Однажды вместе с другом, Тимофеем Ветошкиным, мы посетили здесь, в Переделкине, поэта Арсения Тарковского. Тимофею я был как бы старшим братом — и в литературе, и в жизни. В литобъединение Златоуста он пришёл семнадцатилетним губастым мальчишкой,

картаво и с запалом декламирующим Маяковского. Приносил километровые космически-философские стихи. Потом, после армии, отправился на поединок с Москвой. Поединок затянулся на всю последующую жизнь. В один из его кризисных периодов я оказался проездом в столице и решил встряхнуть Тиму поездкой в Переделкино, к Тарковскому. Арсений Александрович был любимым его поэтом.

 Мы же не знакомы, – робко упирался Тимофей, но скоро сдался с явным любопытством. Поэт сошёл к нам со ступенек Дома отдыха писателей, а показалось – будто с небесных высот, опираясь на один костыль. Улыбаясь как старым знакомым, присел на скамейку. Выглядел он очень больным и усталым. Это было тяжёлое для поэта время – сын его жил за границей и был в негласной опале. Арсений Александрович попросил у гостей закурить – видимо, по болезни его пытались разлучить с табаком и, видимо, безуспешно. Тарковский сам предложил нам почитать стихи. Слушал очень внимательно, а когда читал Тимофей, то вдруг прослезился и расцеловал его. Тима так и не понял тогда, что это означало, – действительно ли старого поэта, которого когда-то любила сама Цветаева, тронули юношеские строки, или просто слёзы у него были так близко, как бывают лишь у детей и стариков. Расставшись с Тарковским, мы долго еще гуляли по переделкинским окрестностям, устроили пикник на обочине оврага. На глаза некстати попала часть человеческого черепа – видно, овраг подмывал древнее кладбище. Впрочем, почему же некстати? Тут же вспомнилось скандальное из Юрия Кузнецова: «Я пил из черепа отца...» Четырьмя годами позже я вновь побывал в Переделкине. Неподалеку от трёх сосен чернела свежая могила – последний приют «меньшой ветви России» – Арсения Тарковского...

Сейчас в Переделкине, наверное, шумно. И оно не миновало участи Великого передела, когда айсберг русской литературы раскололся на два Союза. Стучат, наверное, топоры, как в «Вишнёвом саде» у Чехова. Старый какой-нибудь автор глазами Фирса смотрит на бодренькое строительство. Удастся ли мне когда-то побывать ещё в Переделкине, погулять под его соснами? Но это волшебное для меня место — Пе-ре-дел-ки-но — всегда со мной. Оно — в моих снах, мечтах, в стихах и прозе. Там живут герои моей повести «Поэма о чёрной смородине». Там до сих пор жив и здравствует Чуковский, слушающий нашу мальчишескую поэму о Котятской республике и угощающий меня вкуснейшим черничным вареньем.

P.S. Собирая материал для этой статьи и, вновь гуляя по Переделкину с воспоминаниями Олега Павлова, я проходила по знакомым тропам парка усадьбы, слушала песни и стихи у трескучего костра, и собирала сосновые шишки... Это незабываемо!

Там тепло встречает гостей, преданный делу К. И. Чуковского, выпускник МГУ (2009 г.), научный сотрудник-экскурсовод Дома-музея Лев Усачёв. Надо слышать с каким воодушевлением он рассказывает о творчестве писателя, об экспонатах... и видеть лица детей, зачарованно следовавших за ним. Кажется, что оживают все герои сказок писателя и чудеса сходят со страниц... Покидая этот милый музей, хочется верить, что ёще обязательно вернёшься сюда, чтобы встретиться с солнечным детством!

Спустя несколько дней, я отправила Льву Усачёву свой стих о впечатлениях.

В ПЕРЕДЕЛКИНО

(«Москва Поэтическая» в гостях у К.Чуковского)

Скрепил союз поэтов альманах. И вот – мы у Чуковского в гостях. В усадьбе встретил Лёва Усачёв поэт наш -

здесь для всех экскурсовод.

Костёр, поляна,

хвои аромат к поэзии располагает сад. Читают и поют здесь у костра, беспечно веселится детвора...

Не так давно

творил здесь сам Корней его мир сказок покорил детей. Нас в дом-музей ведёт экскурсовод... Нет, не ушёл поэт!

Он здесь живёт в коллекциях (на полках и столах), вот в этих книгах

(в прозе и в стихах),

и в экспонатах...

Этот Крокодил, наверно, по-турецки говорил. А этот Робин Бобин Барабек корову съел и сорок человек. На Чудо-дереве растут чулки, калоши, валенки и башмаки...

Влюблён в работу наш экскурсовод -Чуковского заветами живёт: как и Корней, в общении с детьми, он весел, непосредственен и мил...

А от костра осеннего дымок по Переделкино разносит ветерок, стихи и песни... звонкий смех детей -ТАК ЗАВЕЩАЛ ПЛАНЕТЕ ВСЕЙ КОРНЕЙ!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Лукина

(Харьков)

МЕЧТАТЬ ПОЛЕЗНО

Ком теста от волнения затаил дыхание. Вот-вот из него слепят пару дюжин хорошеньких малышей!

- Ах, до чего же интересно узнать, кто это будет! - подумало тесто и приподнялось из миски.

В следующую секунду две большие руки подхватили его, пообминали со всех сторон и очень скоро слепили чудесного пухленького первенца.

- Бабуль, кто это? спросил детский голосок.
- Это вареник с картошкой, ответил женский голос.
- Я тоже хочу слепить такой!

Маленькие ладошки пошлепали по тесту и отщипнули крошечный кусочек. Этот экземпляр получился не похожим на остальные — малюсенький, кособокий полумесяц с вихрастым чубчиком, да к тому же вместо картошки детские пальчики вложили внутрь лесной орешек.

- Молодец, - похвалила бабушка, - хорошо придумал, орех похож на сердечко! Вскоре всю братию опустили в кипяток. В булькающей воде они заблестели, поправились, стали гладенькими и очень аппетитными.

- Ах, джакузи такая роскошь! восхищались оптимисты.
- А вы уверены, что мы не в кастрюле? сомневался робкий десяток.
- Мы лучшие! Мы счастливчики! пыхтели самонадеянные.
- А что нас ждет впереди? пискнул «сердешный» Вареник, но его никто даже не услышал.

Ловкая шумовка выложила их всех в глубокое блюдо, где кусок сливочного масла стал таять от прикосновений к их пышным бокам. Все были спокойны, и только у самого маленького тревожно стучало его ореховое сердечко. Он слегка отодвинулся от теплых объятий своей родни и с любопытством посмотрел в приоткрытое окно.

Мимо с гомоном пролетела стая воробьев, зигзагами промелькнула бабочка-балеринка, как бомбардировщики, с гулом пронеслись две огромные синие мухи. Дунул ветер, занавеска взметнулась, и ее край опустился в блюдо. Крошка-Вареник, не раздумывая, ухватился за нее своими едва заметными ручонками и со следующим порывом ветра, как заправский каскадер, выпрыгнул в окно. Целую секунду он летел рядом с голубем наравне, а потом — голубь взмыл вверх, а он - свалился вниз.

Весь в пыли и соринках, он притаился под кустом сирени. Рядом две крысы обсуждали планы на вечер.

- Хочется чего-нибудь особенного! прогундосила одна. Опротивели мне помойки, объедки... хочу немного шика... боа пурпурное хочу, маникюр французский, а на кончик хвоста пушок!
- Бу-га-га! покатилась со смеху вторая, ты же будешь похожа на тушканчика-переростка с этим пушком! Хочешь быть женственной – выщипли усы, на голову – шиньон, и пойдем на дело. Тут недалеко колбасная лавка есть, я договорилась — нас по вентиляции проведут. Наедимся до отвала и с собой еще по гирлянде сосисок прихватим. Чем тебе не шик?
  - Надоело быть грозой помоек! прокуренным басом ответила загрустившая крыса.
- Извините, дамы, что вмешиваюсь, Вареник выглянул из-за куста, я слышал, что джакузи – роскошная вещь! Но это только для лучших, для счастливчиков! Извините...
  - Гы-гы, гляди, лепёшка разговаривает! А далеко это? воскликнула крыса-веселуха.
- Далеко и высоко, Вареник взглянул на окно, из которого так отважно вылетел, мне сердце подсказывает, что воровать нехорошо, в этом нет никакого шика, поверьте...
- А я ему верю! решительно заявила грустная крыса, Неправильно мы с тобой живем, подруга. Пока не поздно, пошли джакузи искать! Без сосисок обойдемся, вон – груша дикая осыпается, ешь – не хочу!

Крысы мгновение глядели друг на друга, а потом решительно помчались навстречу новой жизни.

Вареник призадумался. Он не знал, что ему делать, куда направиться, но ждать, пока его проглотит какая-нибудь бродячая собака, не хотел. Скатившись с пригорка, он увидел, как в городском парке фейерверком сверкает цветомузыкальный фонтан. Уже стемнело, и каскады брызг рассыпались разноцветным бисером под волшебные вальсы Шопена.

- Я бы хотел бесконечно слушать эту чудную музыку... и танцевать под нее... и петь! мечтательно воскликнул малыш.

В это время мимо него прошла компания студентов. Девчонка, на ходу угощавшая друзей конфетами, уронила одну из них. Карамелька в радужной обертке упала в траву.

- Добро пожаловать, устраивайтесь поудобнее, воскликнул Вареник, отсюда такой прекрасный вид и концерт только начинается. Вы любите музыку?
- Как мило, смутилась Карамелька, в моем королевстве, на кондитерской фабрике, музыка играет целыми днями, поэтому сладости получаются особенно изысканными. Вот, например, у меня внутри – настоящая клубника, а она очень похожа на сердечко!

Луна вышла на ночную прогулку, аромат петуний и маттиол заструился над клумбами, фонтан замолчал, ветер притих, запутавшись в листве. Парк задремал под прохладным шелковым покрывалом летней ночи.

Крошечная фея Сновидений, как диковинный мотылек, блеснула полупрозрачными, искрящимися крылышками. Опустившись на цветок, она увидела в траве конфету и кусочек теста в форме полумесяца. Фея провела над ними лунным лучиком, и их удивительные сны яркой картинкой загорелись на фоне тёмного неба.

...Возле чудесного домика, утопающего в букетах плетущихся роз, на солнечной скамеечке сидели юноша и девушка и кормили с рук голубей. У юноши был русый вихрастый чуб, а девушка была одета в радужное платье, очень напоминающее яркую конфетную обёртку. Мимо них с гомоном пролетела стая воробьев, зигзагами промелькнула бабочка-балеринка, как бомбардировщики, с гулом пронеслись две огромные синие мухи. Потом чинно прошла пара длинноносых крыс – одна из них все хохотала, а у другой на кончике хвоста колыхался белый пушок. Издалека доносились звуки вальса, и иногда ввысь взлетали цветные брызги невидимого фонтана.

Юноша наклонился и поцеловал девушку, а стая голубей взлетела и, шумно хлопая крыльями, взмыла в небо...

Фея улыбнулась и прошептала:

- А ведь сегодня сны сбываются!

ЧУДЕСА

Художник В. Лукина

Маленький Миша с нетерпением ждал свой День рождения, ведь шесть лет, по его мнению, солидный возраст! В сентябре он должен был пойти в первый класс, а в августе вместе с родителями планировался отпуск на море — на целый месяц! Папа собирался во что бы то ни стало научить его плавать и обещал подарить ласты и маску для ныряния, а с мамой они мечтали сделать бусы, нанизав морские ракушки на нитку, и украсить ими аквариум, в котором жили два лягушонка — Лулу и Лоло.

- A давайте лучше к океану поедем, он же больше моря! предложил Миша.
- Океаны далеко, а море близко... Ты забыл, что наши дедушка с бабушкой живут у моря? спросила мама.
  - Нет, не забыл, а какой океан ближе всех?
  - Северный Ледовитый, засмеялся папа.
- Северный Ядовитый?!! Миша округлил ярко-голубые глаза. Тогда лучше на море!

Он отправился в свою комнату и шёпотом сообщил плюшевому поросёнку:

- Тяпа, скоро мне исполнится шесть лет, и я стану взрослым! Осенью в школу пойду с настоящим ранцем, буду бегать на уроках физкультуры — и щёчки трястись уже не будут, как у маленького! А на море я обязательно нырну с маской на самое дно, всё-всё разузнаю про подводный мир и потом тебе расскажу. Не обижайся, но тебя с собой взять не могу — маленький ты, промокаешь быстро, а сохнешь потом на батарее — три дня!

Мальчик подошёл к зеркалу, причесал свои светлые вихры и подумал о том, что очень скоро ему придётся бриться и упражняться с папиными гантелями, а иногда — стучать молотком и жужжать дрелью, потому что шесть лет — солидный возраст!

* * *

Миша обнял поросенка Тяпу и горько заплакал - День рождения закончился! На кровати горой лежали подарки – конструкторы, карандаши и фломастеры, книжки с картинками и даже новенький мобильный телефон, но не было среди них ни ласт, ни маски для ныряния. Гости разошлись, остатки праздничного торта лежали руинами на золотистом блюде, а длинноногие ромашки равнодушно глядели из напольной вазы. Папа и мама, закрывшись на кухне, долго о чем-то спорили, а когда Миша заглянул к ним, отвернулись друг от друга и замолчали.

- Вы что, ссоритесь? спросил мальчик.
- Да нет, папа нахмурился, просто перестали понимать друг друга, такое бывает! Мама взяла Мишу за плечи:

- Не обижайся, малыш, но поехать к морю всем вместе не получится. Наш папа с тётей Мариной улетят в командировку в Лондон и будут там работать целых два месяца! мама сделала большие глаза.
  - А ты? у Миши задрожал подбородок, а бровки подскочили вверх.
- А у меня в этом году не будет отпуска за это Борис Борисыч обещал повысить мне зарплату.
  - Борис Борисыч и Марина ваши лучшие друзья? всхлипнул мальчик.
  - Не совсем, ответил папа, развязывая галстук, они коллеги.
  - Калеки, подумал Миша, конечно, таким не откажешь...
  - Работа нам предстоит несложная, но кропотливая, продолжал папа.
  - Может, эта Марина сама бы справилась, сколько ей лет, кстати? сердилась мама.
- Извини, дорогая, но я люблю полностью контролировать ситуацию. А лет ей двадцать, но, несмотря на это, она наш лучший переводчик, к тому же красавица, лицо агентства, правая рука шефа.

Миша зажмурился. Перед его глазами возникла Марина, у которой вместо лица какое-то непонятное «агентство», а правая рука значительно крепче и больше левой, ведь это - рука шефа! Мутанты! – обрадовался Миша, он любил мультфильмы о необычных существах.

- Твоему Борисычу тоже не помешал бы толковый переводчик, насколько я помню, у него с языком проблемы, — заметил папа.

В Мишином воображении нарисовался Борис Борисыч с опухшим «проблемным» языком. «Калека», - мысленно поставил он окончательный диагноз, и решительно заявил:

- Ладно, согласен поехать к бабушке с дедушкой, только я возьму с собой Тяпу!

* * *

На следующий день серебристый внедорожник остановился у домика, увитого цветами клематиса. У калитки улыбалась белая кошка, а узкая тропинка от дома вилась прямо к морю. Хлопнула дверь, залаяла собака, и навстречу Мише выбежала бабушка — загорелая, веселая, с тяжелым узлом из золотистых с проседью волос на затылке. Она раскинула руки и поймала его в объятья, а дедушка — высокий, широкоплечий, в тельняшке, вышел следом и, смеясь, приподнял бабушку вместе с Мишей.

- Бабушка, какая ты мягкая! В тебе что, ни одной косточки? спросил Миша.
- Ой, выдумщик! расхохоталась она и расцеловала внука. Когда ни одной косточки филе называется ... в муку раз-два и на сковородку!

Она обняла внука:

- Как же ты вырос! Ну, пойдемте в дом!
- А вечером на рыбалку махнем, добавил дед, как вы на это смотрите?
- У нас поменялись планы, и мы теперь смотрим в разных направлениях, мама виновато улыбнулась, я на восток, будем филиал в Индии открывать, а наш папа на запад, в Лондон улетает вечером!
- Безобразие! воскликнула бабушка. Нужно было договориться с начальниками, ведь семья важнее всего! Вот мы с дедом уже тридцать лет не расстаёмся, а чтобы вместо долгожданного отпуска разъехаться в разные страны, это вообще ни в какие ворота!

Она пожала плечами и взяла Мишу за руку:

- А я пирогов с вишней напекла! Пойдём, с парным молочком отведаешь.

Улитка, сидевшая на капустной грядке, высунула рожки и пропищала:

- Ну, теперь чудеса начнутся!

- Уже начались! крикнула с дерева сойка.
- И действительно, дедушка сорвал с ветки большую круглую сливу и протянул Мише.
- Всё ещё любишь шоколад?
- Конечно, кивнул мальчик, разламывая её надвое и извлекая шоколадную косточку.
- Не «конечно», а «конюшня» пошутил дед, распахивая сарай и выводя маленького кареглазого пони, будешь на нем на пляж ездить, вместо велосипеда! Это тебе подарок ко Дню рождения от нас с бабушкой.
  - Ух, ты! воскликнул Миша. Тяпа, вылезай! Из рюкзачка выглянул плюшевый поросенок и, восторженно хрюкнув, взобрался пони на спину.

* * *

В доме пахло сдобой и ягодами, полосатые половички приветливо помахивали бахромой, диванные подушки покачивали атласными боками, приглашая прилечь, а мягкие тапочки сами наделись на Мишины босые ножки.

- Бабуль, а что это за ложечка такая? спросил мальчик, набирая мёд необычной круглой ложкой с маленькой выбоиной в форме сердечка.
- Эта серебряная ложка еще с войны, она деду твоему жизнь спасла, в нагрудном кармане гимнастерки лежала прямо напротив сердца... пуля ее зацепила, а осколочек в глаз попал...с тех пор он и стал одноглазым «пиратом», она обняла дедушку.

Потом подошла к зеркалу, у которого толпились флаконы с духами, кремами и пузырьки с лекарствами, вынула шпильки и, распустив длинные золотистые волосы, стала их расчесывать. Один волосок взлетел и выскользнул в открытое окно. Щётка зафыркала и, Миша с удивлением заметил, что это вовсе не щётка, а самый настоящий ёжик, который потом спрыгнул на пол и вразвалочку отправился в сад.

- Ну что, моя Русалка, ласково пробасил дедушка, мне бы рома пару глоточков... можно?
- Пират и есть пират, улыбнулась бабушка, и в уголках её лучистых глаз собрались озорные морщинки, сегодня все можно!

У моря дед стал возиться с лодкой, бабушка устроилась под зонтиком с книгой, а Миша стал лепить фигурки из песка. После осьминога и черепашки у него получился сидящий бородатый человек, на голове - то ли корона, то ли шляпа причудливая. Мальчик полил его водой из ведёрка, и песочная фигура вдруг шевельнулась и заговорщицки прошептала:

- Я Песочный Король, властелин подводного царства! Пожалуйста, помоги мне найти мою пропавшую дочь Русалочку!
  - Но я не умею плавать! робко заметил Миша.
  - Не беда, надень-ка вот это, Король протянул ему чешуйчатую мантию.

Мальчик набросил её себе на плечи и тут же превратился в маленькую пёструю рыбку – голубоглазую, с очень смышленой мордочкой. Огромная волна вдруг накатила на берег, подхватила Короля и рыбёшку-Мишу и увлекла за собой в пенящуюся морскую пучину.

Миша плыл, помахивая плавничками так уверенно, будто всю свою жизнь был юркой радужной рыбкой. Впереди него, то рассыпаясь на миллионы песчинок, то собираясь в массивную фигуру, плыл Песочный Король. Когда солнечные лучи уже не могли пробиться сквозь толщу воды, засветились тысячи рыбок-неонов, словно фонарики зажглись дивные подводные цветы, засверкали позолотой кораллы.

Среди раскачивающихся морских деревьев, поддерживаемый четырьмя алмазными черепахами, сверкал изумительной красоты дворец. Король дунул в длинную закрученную раковину. Раздался протяжный гудок, и все вокруг склонились перед ним в поклоне: и прозрачные медузы в немыслимых шляпах, и придворные франты — морские коньки, и свирепые крабы, и смешливые креветки, и множество невиданных рыб в причудливых одеяниях. Только электрический Скат и хищная Мурена остались неподвижными по обе стороны от трона.

«Охранники!» – догадался Миша.

- Дорогие мои подданные, — воскликнул Король, — долгожданный гость прибыл, и все решится сегодня!

Все зааплодировали, а Миша растерялся и из вежливости пару раз вильнул хвостиком.

- Расскажи, Пират, нам свою историю еще раз, – попросил Король.

Из-за тёмного валуна вышел, прихрамывая, самый настоящий Якорь. С его головы вместо волос космами свисал растрепанный канат, на острых плечах — обрывки ветхой тельняшки, а в руке — замшелая фляга. Пират поднял голову, и Миша увидел, что у него только один глаз, вместо второго была черная повязка. Якорь сделал пару глотков рома и начал свой рассказ:

- Много лет служил я на пиратской шхуне. Капитан наш был настоящий сорвиголова, сотни кораблей мы отправили на дно, предварительно обчистив все трюмы. Веселая была жизнь, и я бы никогда не узнал другой, если бы не случай. Однажды преследовали мы королевский фрегат. Уже вот-вот готовы были взять его на абордаж, как вдруг появилось самое прекрасное видение в моей жизни. На носу фрегата был закреплён чудо-якорь — прелестная бронзовая Русалка дивной красоты. Ее наряд мерцал бриллиантовыми искорками, а в золотистых волосах сияла изумрудная диадема под цвет прекрасных глаз.

Увидел я ее и влюбился без памяти! А еще подумал, что если фрегат затонет, моя Русалочка уже никогда не сможет сиять на солнце, усыпанная капельками морских брызг, никогда дельфины не будут выпрыгивать из воды, чтобы полюбоваться ее бронзовым загаром, и я больше никогда ее не увижу — ее похоронит море под останками корабля и лохмотьями рваных парусов. И тогда я напряг все свои чугунные мышцы и прыгнул в воду. Шхуну тряхнуло, будто она села на мель, матросы кинулись тянуть меня обратно, но я крепко зацепился за подводные камни! Королевский фрегат скрылся за горизонтом, а с ним и моя Русалочка. После этого случая я решил навсегда покончить с разбойным ремеслом и, как только мы приближались к очередной жертве, лихо прыгал в море. Капитан подумал, что в меня вселились бесы, и однажды выбросил за борт. Но я ни о чем не жалею, вот только бы Русалочку хоть разок увидеть!

- Hy, что скажешь? – Песочный Король с надеждой взглянул на Мишу. – Я уверен, что это моя дочь, - изумрудную диадему я подарил ей на пятнадцатилетие!

Миша на мгновение задумался, а потом, вспомнив папины слова, по-взрослому заявил:

- Работа нам предстоит несложная, но объемистая!

Немного помолчав, он взволнованно добавил, перепутав буквы «ж» и «з» местами:

- А мозет, в комнате Русалочки есть какие-нибудь следы или жацепки?

Электрический Скат сверкнул, словно неисправная розетка, а пятнистая Мурена расплылась в зубастой улыбке:

- Ну что ты, мальчик, никаких следов там нет, и зацепок тоже. Я лично проверяла!
- Извини, дорогая, но я люблю полностью контролировать ситуацию, с папиной интонацией в голосе отрезал Миша.

Мурена покраснела, пожелтела, позеленела и, прищурив недобрые глаза, змеёй метнулась в сторону.

Песочный Король широким жестом распахнул двери во дворец, и все в сопровождении покорной свиты поплыли по залам, украшенным морскими звёздами и кораллами, гирляндами из дивных перламутровых цветов и поющих раковин.

В комнате Русалочки был идеальный порядок — застеленная кроватка на высоких покачивающихся водорослях, на туалетном столике — зеркальце, флаконы с духами и кремами.

- А это что такое? Миша нырнул под стол и достал пузырёк, похожий скорее на лекарство, чем на парфюм. Он уткнулся своим рыбьим носиком в этикетку: «Eliksir dla volshebnich prevraschenii. Sdelano na sakas dla B.B.»
- Вот и зацепка! он заулыбался. Правда, здесь по-иностранному написано, я таких букв не знаю!

Король почесал затылок, отчего песок с его головы стал осыпаться и легким облачком растворяться в зеленоватой воде:

- Это мы запросто узнаем, Мурена – наш лучший переводчик! – сказал он.

Мурена скривилась, свирепо глянула на Мишу и нехотя расшифровала загадочную надпись.

- Кто такой Б.Б.? — с видом заправского сыщика Миша стал сверлить Короля проницательным взглядом. — У вас есть кто-нибудь на примете?

Тот в ответ только беспомощно развел осыпающимися песочными руками, а Мурена торжествующе ухмыльнулась и вместе со всеми подданными покинула дворец. Миша еще несколько раз проплыл по комнате вдоль и поперек и заметил, что под кроватью притаился морской ёж, у окошка зацепился за раму длинный золотистый волос, а на тарелочке у окна лежит надкусанный пирожок.

Картина происшедшего пронеслась у него перед глазами, и он стал рассуждать вслух:

- Русалочка расчесала ежом свои чудные волосы, потом села у окна и, мечтательно глядя вдаль, откусила кусочек пирожка с вишней, хотя, откуда ей тут взяться? Это у бабушки пирожки с вишней, а тут пирожок с морской капустой! В это время к ней заплыл кто-то знакомый, кому она доверяла, и предложил опробовать «Эликсир волшебных превращений». Она с радостью согласилась. Сделав глоток, Русалочка превратилась в бронзовый якорь и, подхваченная волшебными чарами улетела прямо к фрегату!
  - Гениально, пролепетал потрясенный Песочный Король, но где её теперь искать? Рыбка-Миша подплыл к окну и снял золотистый волосок:
  - Он покажет мне дорогу!

Потом обмотал горлышко волшебного флакона волосом Русалочки, повесил его себе на шею, как кулон, и, выплыв в открытое окошко, крикнул через плечо:

- Ваше Песочество, не волнуйтесь, я справлюсь сам! Только - никому ни слова!

Король и глазом моргнуть не успел, как Миша, неистово работая плавничками, исчез в глубине морских лабиринтов. Золотистый волосок, словно компас, указывал дорогу в темных дебрях подводного царства. Малышу было тяжело дышать, колючие водоросли хлестали его маленькое переливчатое тельце, фиолетовая медуза его ужалила, а злобный акулёнок долго преследовал, мечтая проглотить. Когда силы его были уже на исходе, перед ним возникла массивная вертикальная цепь, конец которой уходил на самую глубину. Миша стал опускаться все ниже и ниже и наконец увидел необыкновенный якорь — бронзовую Русалочку. Глазки ее были закрыты, она спала — измученная, усталая и очень красивая. Он с трудом открыл пробку флакона и подплыл ближе, чтобы влить в ее приоткрытый ротик волшебный эликсир, как вдруг рядом что-то вспыхнуло и ударило с такой силой, что все вокруг перевернулось и морские звезды поплыли у него перед глазами. Электрический Скат и Мурена кружили вокруг него, скалясь и намереваясь убить на месте.

- Ах, негодник! — шипели они наперебой. - Вздумал разрушить наши грандиозные замыслы? Мы не один год вынашивали план уничтожения Песочного Короля, который больше всего на свете любит свою Русалочку и не мыслит без неё своей жизни! Ха-ха, да он от горя скоро рассыплется и превратится в гору песка, а мы станем управлять подводным царством так, как сами пожелаем!

Мурена, разинув пасть, бросилась кусать Мишу, но малыш сумел увернуться и треснул её плавничком прямо в глаз.

- Ты самое настоящее филе! Тебя нужно: раз-два и на сковородку! крикнул он ей.
- На сковородку?!! Мурена задрожала и, петляя странными зигзагами, врезалась в подводную скалу.

Скат поспешил ей на помощь, сверкая электрическими разрядами на кончике изогнутого хвоста и убивая током неосторожных моллюсков.

- Ну, держись, ты меня разозлил! – забулькал хищник и помчался в атаку, словно летящее привидение.

Миша замер на мгновение, а потом... показал ему язык! Скат остолбенел от неожиданности, беззвучно зашевелил губами и как бы в ответ тоже высунул свой язык – опухший, «проблемный».

- Так вот кто заказал волшебное зелье! — победно пропищал Миша, — Б. Б. — это Борис Борисыч!

Разоблаченный Скат вытаращил глаза, метнул молнию и закашлялся, подавившись собственным языком.

- И откуда ты взялся на нашу голову! – прохрипел он и без сил распластался на дне.

Миша бросился к Русалочке. Он наклонил флакончик и напоил её чудодейственным зельем. Мурена из последних сил боднула мальчика - флакон взлетел вверх, расплескивая волшебные капли в морскую воду и превращая всех в самих себя. Электрический Скат превратился в упитанного мужчину в черном мятом костюме, с портфелем в руке. Его лицо с бегающими глазками украшали темные усы и замысловатая лысина. Мурена преобразилась в молодую девушку Марину — красивую и надменную, одетую в полупрозрачное голубоватое платье с глубоким декольте. Маленькая зеленоглазая Русалочка освободилась наконец от сковывающей её цепи и, мелькнув развевающимися золотистыми волосами, поплыла во дворец, где ее давно уже заждались.

А Миша снова стал мальчиком, правда, теперь он умел плавать и поэтому легко поднялся из морских глубин наверх, к солнечному пляжу, на котором его дедушка всё еще чинил лодку, а бабушка по-прежнему читала книгу.

Миша открыл глаза – белый потолок, запах лекарств. Юная медсестра строгим голосом сказала:

- Только недолго, он еще слабый.

Над ним склонились с одной стороны — бабушка с дедушкой, с другой — мама и папа. Все ему улыбнулись, а потом, мама и бабушка заплакали.

- Сама не знаю, как так получилось, прошептала бабушка, видно, на солнце перегрелся, и как это я не доглядела! Она присела на край кровати и поцеловала Мишу много раз.
- Слава Богу, что все обошлось, ответила ей мама, мы, как узнали, тут же всё бросили и помчались к вам. Борис Борисыч оказался аферистом, поэтому я увольняюсь и остаток лета проведу с Мишенькой.

Папа ослабил узел на галстуке:

- А Марина оказалась обыкновенной карьеристкой, да и как переводчик – слабовата! - Он одной рукой обнял маму, а другой накрыл маленькую Мишину ладошку. - Я взял отпуск на три недели - все вместе у моря отдохнем, как и планировали: на яхте будем кататься, с маской нырять, да?

Он достал из дорожной сумки маску для подводного плавания и ярко-синие ласты в прозрачной упаковке:

- Чуть окрепнешь, сынок, и поплывём с тобой вначале вдоль бережка, потом до буйков, а там, глядишь, и в подводное царство попадём! Согласен?
  - Конечно! кивнул мальчик и улыбнулся счастливой, лучезарной улыбкой.
- Не «конечно», а «конюшня», добавил дедушка, а через пару дней на рыбалку махнем! Как вы на это смотрите?

Папа и мама какое-то время смотрели друг на друга, а потом их взгляды устремились в одном направлении – на Мишу. В окно заглянула сойка и бесцеремонно прокричала:

– Эх, сидите тут, ни о чём не ведаете, а чудеса продолжаются!!! Ваш поросенок Тяпа сел на пони и отправился в командировку... в Лондон, кажется!

КОТ ПО ИМЕНИ Д'АРТАНЬЯН

В подвале было тепло. Кошка дождалась, пока котёнок наелся, вылизала его улыбающуюся мордашку и отправилась на поиски чего-нибудь съестного для себя.

Прошло два дня, но она не вернулась. Котёнок просыпался и засыпал много раз. Ему снилось, что он, прижавшись к маминому тёплому животу, пьёт сладкое молоко, а мамино мурлыканье убаюкивает, словно самая добрая колыбельная.

На этот раз его разбудили раскаты грома — на улице бушевала гроза. Малыш, покачиваясь от слабости, побродил по подвалу, нашёл сухарик и сгрыз его, а потом вернулся в свой закуток и беспомощно заплакал.

До чего же страшно маленькому крохе остаться одному на свете!!!

За стеной раздались голоса, щёлкнул замок, и в подвал спустились двое грязных бродяг.

- Где ключ взял? хрипло спросил Толстый.
- Так это... как его... сантехник обронил, я и подобрал, простуженным голосом пробасил Тощий.

Они выложили на ящик хлеб, селёдку, луковицу и выставили бутылки. Рыба пахла так аппетитно, что котёнок не выдержал и вышел из своего уголка.

- Гляди-ка заморыш! воскликнул толстяк.
- Где? худой обернулся, задел рукой откупоренную бутылку, та опрокинулась и плеснула на малыша пенящимся горьким пивом. Он чуть не захлебнулся и задрожал от испуга. Бродяга взял котёнка за хвост и поднял высоко над полом:
  - Из-за тебя добро разлил! Ну, что с тобой сделать за это, малец?

Он дыхнул на котёнка сигаретным дымом, и малыш на мгновение даже перестал дышать, но потом, оцарапав обидчика, вырвался, вскочил на трубу и по стекловате вмиг взобрался наверх. Рядом было окошко, и он, не раздумывая, выпрыгнул на улицу.

Уже стемнело, а дождь всё лил и лил, умывая город холодными осенними ручьями. Укрыться было негде, и котёнок уселся на краю дороги, напоминая маленькую промокшую кочку. Мимо сновали невиданные чудища: с оглушительным рёвом мелькали мопеды... огромный пёс, натянув поводок, кинулся к нему с лаем, брызгая слюной... гигантский грузовик

с горящими глазищами, клокоча и шипя, стал надвигаться с одной стороны, а с другой, визжа клаксоном, мчалась легковая машина...

Две тёплые руки подняли котёнка с земли, закутали в край пушистого шарфа, и вскоре он очутился в светлой прихожей.

- Мама, смотри, кого я принесла! с порога крикнула девочка, снимая куртку и сбрасывая на ходу ботинки.
- Какой славный! Ему не больше месяца, ответила хозяйка, сейчас манной кашей накормим.

Девочка выстелила картонную коробку мягкой тканью, и найдёныш, насытившийся ложкой каши, крепко уснул. Потом малыша купали - пришлось намыливать его специальным шампунем три раза и, держа на ладони, поливать тёплыми струйками из душа. Пенная вода трижды уносила в клокочущую воронку полчища откормленных блох. Обессиленный, замученный, котёнок напоминал распластанный лоскуток мокрого меха с яркими глазёнками.

Три белых персидских кота - Атос, Портос и Арамис, вскочили с уютных кресел и примчались поглазеть на пришельца из внешнего мира. Персы обнюхали его, тронули лапами и брезгливо отодвинулись, когда он полез целоваться. Девочка засмеялась:

- Ма, правда, похоже на знакомство с мушкетёрами?
- Да, улыбнулась мама, а знаешь, д'Артаньян знатное имя! Пусть поживёт у нас немного, а как только окрепнет, найдём ему хороших хозяев!

Вскоре малыш подрос и поправился. Он оказался молчуном - никогда не пищал и не мяукал и мужественно терпел трёпки мушкетёров, сражаясь с ними на равных. После игр и беготни они гурьбой мчались на кухню. Коты усаживались на табуретки, поближе к столу, и клянчили сыр или колбасу. Котёнок же сидел на полу и ловко подхватывал лакомые кусочки, выпадавшие из их ртов. Таким образом он наедался досыта и, произнося исключительно «вау!» вместо «мяу!», засыпал тут же, под кухонным столом.

Он часами наблюдал за аквариумной лягушкой, а играя с верёвочкой от бра, то включал, то выключал свет в комнате до тех пор, пока его, взяв за шкирку, не выпроваживали в коридор. Посидев с видом горемыки у закрытой двери пару минут, он начинал изо всех сил упираться в неё своим упрямым лбом и, распахнув настежь, вприпрыжку мчался к любимому выключателю. Хозяйка только смеялась и разводила руками.

А когда девочка с подружками, шутя и дурачась, громко смеялись или кричали, котёнок тут же спешил в гущу событий. Не разбираясь, он кусал первого попавшегося за ногу, как бы предупреждая, что драки и крики ему не по душе.

Д'Артаньян удивлял и своими повадками. Брошенные ему для игры конфетные фантики он мастерски отбивал лапой, а игрушки покрупнее — догонял и, взяв в зубы, как дрессированный щенок, обязательно приносил обратно. Не любить его было невозможно, и вскоре он стал самым обожаемым питомцем в доме. Но, несмотря на это, через месяц во всех местных газетах появилось объявление: «Отдам в добрые руки чудесного котёнка - воспитан, здоров, зовут д'Артаньяном». Телефон трезвонил целый день! Оказалось, что маленький, беспризорный найдёныш нужен очень многим!

Перед отъездом его накормили мясом, расчесали густой щёткой и расцеловали много раз. Серебристая иномарка увезла его в новый двухэтажный дом с большим садом и рукотворным озерцом во дворе. Девочка с мамой долго смотрели вслед машине, за задним стеклом которой маячил маленький ушастый силуэт.

Лис

* * *

Прошло два года. Д'Артаньян превратился в роскошного красавца. Всё в нём было особенным — и серо-голубая густая шерсть, и оранжевые глаза, и молчаливый нрав, и кулинарные пристрастия. Он обожал молоко и сухарики, изюм, хурму, свежие огурцы и грозно рычал, объедаясь цветной капустой. С хозяином они жили душа в душу — вместе рыбачили, вместе нежились на диване у телевизора, а утром кот первым просыпался от трезвона будильника и приходил лизнуть своего хозяина в нос. Он был очень счастлив и не вспоминал о своём детстве.

Однажды хозяин должен был уехать на несколько дней:

- Д'Артаньян, ты остаёшься один, со двора – ни шагу, чужих не пускай и не шали!

Ночью вкрадчиво скрипнула калитка. Кот встрепенулся, залез на чердак и с высоты увидел, как две тёмные фигуры крадучись приблизились к дому.

- Где ключ взял? хрипло спросил Толстый.
- Так это... как его... босс обронил, у которого уборщиком работаю, я и подобрал, простуженным голосом пробасил Тощий.

Кот повёл ухом. Он вспомнил эти голоса, и селёдку, и отвратительный запах пива... и самую унизительную вещь для любого кота — висеть поднятым за хвост вниз головой. Он сердито растопырил усы и притаился под кустом смородины. Чужаки тем временем, озираясь по сторонам, закурили.

- Слышь, а в доме точно никого нет?
- Точно, точно... он один живёт... да и уехал на два дня... в эту... как там её? В командировку! Дело верное в доме сейф, а в нём денег уйма!

Один притушил сигарету о ствол яблони, а другой щелчком закинул горящий окурок прямо в смородиновый куст. Д'Артаньян по привычке лапой отбил его, как будто это был конфетный фантик. Описав дугу, красный огонёк, словно в баскетбольную корзину, угодил прямо в оттопыренный капюшон толстяка.

- Дверь на этой... как её... гудит которая... на сигнализации! Буду залазить через каминный дымоход, - зашептал Тощий, - а ты - подстрахуешь!

Он достал из ветхого рюкзака верёвочную лестницу с железной крестовиной на конце и метнул её вверх. Раскачиваясь, как на лиане и напоминая двух шимпанзе, грабители, кряхтя и переругиваясь, с горем пополам взобрались на крышу. Толстяк тут же откупорил бутылку пива и сделал пару булькающих глотков. Худой же достал из кармана клочок бумаги, в которую ещё недавно был завёрнут солёный лещ, и самодовольно стал вглядываться в ряд кособоких цифр и букв.

- Вот!!! Код сейфа... еле раздобыл! хохотнул уборщик, глянул на своего напарника, и улыбка сползла с его лица: Толстый беззаботно улыбался, охваченный со спины клубами чёрного дыма, а над его макушкой разгорался настоящий костёр капюшон, подпаленный его же окурком, горел и дымил!
  - А-а-а-а-а! почувствовав что-то неладное за своей спиной, заголосил дымящийся.

Он замахал руками и, теряя равновесие, вцепился в приятеля. Драгоценная записка выпорхнула и, кружась, словно ночной мотылёк, опустилась в траву. Д'Артаньян, с детства привыкший съедать всё, что падает сверху, поймал её и моментально проглотил, наслаждаясь стойким рыбным ароматом.

- Ты что сделал?!! Без кода мы сейф не откроем!!! - разъяренно заорал Тощий.

Но напарник его не слушал, он всё ещё балансировал на краю крыши – взмахивал руками, словно пытающийся взлететь птенец, и быстро-быстро отбивал чечётку дырявыми

кроссовками. Когда же капюшон догорел и осыпался, запахло палёными волосами и Толстый, проревев быком «ма-ма-а-а!», рухнул на землю. Открытая бутылка пива, выскользнув из его рук, как стойкий оловянный солдатик, застыла на краю крыши. Тощий сначала тоже долго водил длинными руками, а под конец долговязой ласточкой полетел вниз. В последний момент он зацепился штаниной за какой-то крюк и свесился с крыши вниз головой. Бутылка покачнулась, и пенящееся пиво освежающим всплеском окатило висящего бродягу с ног до головы.

Д'Артаньян стрелой помчался в дом, весело пронёсся по коридорам, прыгнул на диван и дёрнул любимую верёвочку на бра. Комната осветилась тёплым оранжевым светом.

- В доме кто-то есть, бежим! завопил толстяк, поглаживая свою обгоревшую лысину.
- Ты того... дружище, сними меня, заныл Тощий и вдруг сам, без посторонней помощи, под треск рвущихся штанов полетел в заросли крапивы.

А кот уже сидел под смородиновым кустом. Грабители бросились наутёк. Тощий, почёсывая ужаленное крапивой алое лицо, злорадно буркнул:

- Ах, вот оно как всё вышло... ну, ничего – нас, как это...того... долго помнить будут! Он вынул из кармана петарду в виде маленькой гранаты и, сорвав чеку, бросил её под дверь. Д'Артаньян в два прыжка оказался рядом, схватил её зубами и, как дрессированный пёс, принёс обратно - к

Художник В. Лукина

Раздался торжествующий хлопок, ввысь взметнулся столб искр праздничного фейерверка, и две бегущие фигуры, толкаясь и теряя равновесие, врезались друг в друга.

- Ты чего? Под ноги смотри, болван!

ногам бестолковых грабителей.

- Кто болван? Я болван? Это ты всё дело завалил!

Кот, с детства не выносящий ссор и шума, догнал их и молча вцепился зубами в чью-то ногу.

- О-о-о-й! Кот бешеный! Бежим!!! – эхом прозвучало среди ночи... а потом стало тихотихо.

Д'Артаньян не спеша прошёл вдоль забора, нырнул в лаз под калиткой и, умиротворённый, засмотрелся на луну. Он по-хозяйски обошёл свои владения, зашипел на свисающую с крыши ненавистную штанину и уже было собрался идти спать, как вдруг услышал слабый писк. Заглянув в заросли лопуха, он обнаружил в траве маленького дымчатого котёнка.

До чего же страшно маленькому крохе остаться одному на свете!!!

Не раздумывая, д'Артаньян взял его за загривок и, с трудом пробравшись со своей ношей через чердак, проник в дом. Первым делом он усадил найдёныша у миски с молоком, а потом перетащил в хозяйскую спальню – на меховое тёплое покрывало, в царство пуховых подушек и сладких снов.

День удался! Кот зевнул, нараспев протянул «ва-а-ууу!» и, дёрнув за шнурок, выключил бра.

Косарев Данила, 7 лет (Москва)

Знакомьтесь, Косарев Данила. Дане 7 лет, он учится в первом классе ЦО № 1847, интересуется космосом, техникой (в том числе военной), играет в шахматы, любит читать книги. А еще Даня очень любит рисовать, в 5 лет он сделал свою первую книжку-комикс про самурая. Но больше всего Даниле нравится сочинять фантастические рассказы и сказки, одну из которых мы и предлагаем вам.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Мамин портрет

Жила-была голубая звезда по имени Эмма и жила она в космосе. Как-то раз, играя, упала звезда на солнце, пошла по нему и от этого образовались пятна на поверхности. А солнце как закричит:

- -Ты что наделала!!!
- Извини, сказала Эмма и упрыгала по Млечному Пути. Но через 5 минут она сказала себе: «Надо возвращаться, тут можно провалиться в черную дыру». И звезда полетела обратно. А навстречу ей Марс.
  - Куда торопишься? спросил Марс.
  - Я тороплюсь к Меркурию, он мне подскажет, чем заняться. И пошла Эмма дальше.

Она пропустила несколько планет и наткнулась на Землю со её сестрой Луной. Земля спросила:

- Куда торопишься?
- А Луна повторила:
- Куда торопишься?
- Я спешу к Меркурию,- ответила Эмма, он мне подскажет, чем заняться.
  - А-а, ну тогда беги.
- И побежала звезда дальше. Вот наконец пришла она к Меркурию.
- Меркурий, мне нужна твоя помощь. Скажи мне, чем заняться?
- Привет Эмма! сказал Меркурий. Ладно уж, скажу, во что тебе поиграть. Поиграй со своими друзьями в игру «Чехарда».
  - Спасибо, Меркурий, поблагодарила звезда.

Тут Эмма поняла, что очень давно не играла со своими друзьями, и пошла собирать всех вместе для дружной и веселой игры.

Покорение космоса

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ирина Чижова (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

МОЕ ВОДИТЕЛЬСКОЕ Я

Мое водительское Я начало формироваться четверть века назад, когда на горизонте замаячила возможность приобретения авто. Для начала, конечно, надо было получить водительское удостоверение. Не поверите, но в то время в Ленинграде было не больше шести автошкол. Я училась в той, что находилась в Нейшлотском переулке. Экзамены все сдавали сами, без взяток. По крайней мере, мне о таких случаях ничего не известно, а если они и бывали, то совсем редко. Наверно, тогда успевали всех хорошо подготовить, хотя пересдачи, безусловно, были. Надо сказать, что азам вождения меня научил заранее муж сестры, благо тогда для этого достаточно было повесить букву «У» и иметь боковые зеркала, а вторые педали были не обязательны. Происходило это так: мы с моим мужем и мужем сестры, нашим общим инструктором, садились в его автомобиль и выезжали в город, чаще ночью. Один ученик за рулем, инструктор рядом, другой ученик — на заднем сидении. И - до первой ошибки... потом пересаживались. Так и получила первый опыт, и в автошколе осталось только привыкнуть к видавшему виды «Москвичу-412».

В середине 80-х новый автомобиль можно было приобрести, например, через военкомат, имея в семье ветерана войны, по предварительной записи. Ждать приходилось месяцы и годы...

Мы хотели «восьмерку», а нам дважды предлагали «шестерку». Ждать в конце концов надоело, да и автомобиль был уже просто необходим – возить детей за город на горнолыжные тренировки. И мы решили приобрести старую машину. Потом муж все-таки купил для себя «шестерку», а эта так и осталась моей. Это оказалась ВАЗ-21011, двенадцатилетка цвета «коррида», вот такая (см. фото). Красотуля, правда?

Я очень ее любила, свою первую машинку, еще с фиатовским движком, резвую, несмотря на возраст, признаки коего в глаза совсем не бросались. На полу вместо старого покрытия лежал вырезанный аккуратно по выкройке обычный линолеум с рисунком «под паркет», зато

чистоту соблюдать было так легко! Запаска в багажнике была прикована цепью после кражи ее предшественницы. Но все цепью не прикуешь, посему раза три-четыре из моих далеко не шикарных автомобилей воровали всякую мелочь вплоть до щеток и подголовников. В 90-е наркоманы ничем не брезговали. Угон тоже пришлось пережить. Однажды я засиделась в гостях, а когда вышла, моей «лошадки» на месте не оказалось. Нашлась она случайно через месяц, благодаря бдительному постовому милиционеру, который заметил стоящий у ресторана автомобиль, постепенно покрывающийся пылью. И за два дня до своего дня рождения я получила неожиданный подарок — мне вернули мою машину!!! Видимо, ее угнали просто покататься или доехать куда-то надо было. «В благодарность» на сидении остались полусгнивший кочан капусты и засохший кусок колбасы. Легко отделалась. Даже зонтик и часы не взяли.

Со временем, а прослужила она мне лет пять, машинка стала выглядеть не так презентабельно, и когда пришло время ее продавать, все колеса у нее были разные, одно даже от какого-то маленького тракторишки — размер почти подходил, и оно умещалось в переднюю арку. Еле доехала до авторынка, да еще и продала дороже, чем покупала. Периодически выходили из строя разные ее части. Ремонтировать приходилось в основном «у дяди Васи в гараже», иногда одновременно не работали несколько агрегатов и систем. Иной раз, в ожидании ремонта, передачи приходилось переключать без использования педали сцепления, по звуку, а трогаться с места — стартером. Когда сдохли стеклоочистители, я привязала к рычагам веревочку, пропустила ее через окна с двух сторон, и дети, сидя на заднем сидении, синхронно дергали за нее, если шел дождь. Если же ехала одна, то, соединив веревку кольцом, я одной рукой умудрялась делать это сама. Водительское сидение было подперто сзади канистрой, иначе зафиксировать его в нужном положении было невозможно. Науку торможения двигателем тоже освоила.

Так что, вспоминается мне, я в ту пору шутила, что если бы меня сейчас на хорошей машине да на хорошую дорогу - ух, я бы всем показала! А пока развлекалась тем, что, уйдя с перекрестка первой и разогнавшись до разрешенных 60, потешалась над водителямимужчинами, не ожидавшими от нас такой прыти и изо всех сил старавшимися непременно меня «сделать» на следующем перекрестке.

В преодолении всех этих трудностей я находила особое удовольствие, применяя разные хитрости для замены сломанных деталей. Помнится один случай. Лопнул тросик открывания капота. Что делать? Пришлось изогнуть металлический прут от приспособления для задергивания штор и, просунув его в щель под капотом, попытаться нащупать крючок и дернуть за него. За этим занятием меня и застали. Увлекшись, я не сразу заметила, что за мной уже какое-то время наблюдает мужчина, а около нашего подъезда стоит автобус с закрашенными белой краской окнами и надписью «Специальная», в народе их называют «труповозками». Приветливо улыбнувшись, он произнес: «Девушка, я бы вам помог, да работы много». Оценив его черный юмор, отсмеявшись, я продолжила свое занятие и через некоторое время успешно справилась с железом. Позже привязала к злополучному крючку нейлоновый шнур, потянув за который можно было легко открыть капот, стоя снаружи.

Теперь вы понимаете, что такая мелочь, как смена колеса, не вызывала у меня страха, а попросить помощи даже в голову не приходило. Как-то раз пришлось менять колесо на мокрой после дождя дороге. Достаю домкрат, запаску, снимаю колпак, аккуратно складываю в него

болтики... Все по порядку. И тут из-за спины слышу голос: «Девушка, давайте я вам помогу!» Бульк! – и все четыре болтика в луже, ибо добрый дяденька наступил на край колпака...

Одно время, в начале кооперативного бума, моя работа была связана с поездками по городу. Кстати, пробок тогда не было совсем! Очень живописно выглядела подготовка к выезду на работу в сильный мороз. Под капотом моей машинки с трудом умещался какой-то очень большой по размеру аккумулятор, знатоки говорили - авиационный. Весил он раза в полтора больше обычного. И вот надо было с вечера заволочь его в квартиру, чтобы не разрядился, а утром поставить обратно. Это была не единственная хитрость. Потом я возвращалась в дом за чайником с кипятком и, как учили «большие ребята», поливала приемную трубу коллектора, после чего можно было включать зажигание, предварительно особым образом поработав педалью газа. Пуск! И вот я еду, постепенно согреваясь и с сочувствием глядя на других участников дорожного движения, мечущихся в поисках какого-нибудь трактора или безуспешно юзом волокущихся за грузовиками на «галстуке».

Может показаться, что я бравирую тем, что многое могу сама. Нет, конечно, ну, может, только самую малость. Честное слово, мне просто очень нравится возиться с техникой. Случалось даже срубать зубилом секретку на двадцатиградусном морозе. Кто из женщин на это решится? Поэтому я далека от того, чтобы разделять автолюбителей по половому признаку и тем более педалировать тему «блондинка за рулем».

Вот случай, подтверждающий это. В прошлом году подарила мне дочка накидку с подогревом на сидение моей уже новой, четвертой по счету, машины. В один прекрасный морозный вечер я, конечно, забыла вынуть штекер из прикуривателя. К утру аккумулятор сел полностью, даже отключение сигнализации не срабатывало. Далее последовательность действий в поисках помощи. В результате оказываюсь посреди дороги в промерзшей машине, так как с буксира она не завелась. Пытаюсь остановить кого-то с проводами, чтобы «прикурить». И тут подруливает блондинка на «четверке», миловидная, миниатюрная, лет сорока. «И чем ты мне, солнышко, поможешь?» - почему-то подумала я. Видимо, мужской шовинизм набросился на мой растерянный и беззащитный от отчаяния женский мозг. А она тем временем аккуратно ставит машину рядом с моей и вопрошающе смотрит. «Девушка, нет ли у вас проводов?» - спрашиваю. Оказалось, есть. Пытаемся завестить - не получается. Ну, думаю, не судьба и благодарю ее за помощь. «Подождите», - говорит она, открывает багажник, достает запасной аккумулятор и ставит его под капот моей машины! К сожалению, это тоже не помогло. Опять пытаюсь поблагодарить ее, чтобы не обременять больше своими проблемами. Но она достает буксировочный провод... Аккуратнейшим образом дотаскивает меня до авторемонтной мастерской и с ювелирной точностью останавливается там, где указали. На мой вопрос, откуда она такая отзывчивая, запасливая и умелая, эта потрясающая женщина ответила просто: «У меня трое детей, поэтому я привыкла все в запасе иметь». И уехала, отказавшись от материальной благодарности. Занавес!

Еще один потрясающий человек работал карбюраторщиком в мастерской неподалеку от нашего дома. Звали его Дюсен, к сожалению, не помню его фамилии и отчества, хотя видела их на бейджике: какие-то очень длинные и красивые. Это был очень образованный и интеллигентный казах с высшим политехническим образованием. К тому же он обладал отменным чувством юмора, и беседовать с ним было редким удовольствием. В его мастерской висело объявление, постараюсь воспроизвести текст как можно точнее:

«Говорить по-русски. Обращаться на «вы». Семечки не лузгать. Во время проведения регулировочных работ фары не протирать, тормозную жидкость, тосол, масло и прочие жидкости не доливать».

И еще пара строчек в таком духе. По первым двум предложениям можно себе представить, что пришлось вытерпеть этому человеку от посетителей с гораздо более низким уровнем культуры, чем у него. Теперь на месте этой мастерской стоит новый многоэтажный дом...

Есть на манжете и такая странная запись: «Как двигун?» Эти слова произнес сосед, тоже автолюбитель. Видимо, наблюдая за моей водительской активностью, он проникся ко мне большим уважением и решил, что я достойна быть причисленной к мужскому автомобильному братству. Однажды утром он попался мне навстречу и вместо приветствия протянул руку очень характерным, «мужским» жестом (локоть согнут под прямым углом и прижат к боку): «Как двигун?» Услышав это словосочетание, я не сразу поняла, о чем это он, а потом, рассказывая знакомым, смеялась до слез.

Вот так постепенно и сформировалось мое водительское Я, слегка самоуверенное, но, смею надеяться, уравновешенное, с достаточным опытом и напрочь лишенное амбиций и фанаберии. Для меня машина — средство передвижения, и только. Езжу исключительно на продуктах отечественного автопрома и нисколько не страдаю от отсутствия в них кондиционера, гидроусилителя, ABS и прочих наворотов. Главное — ездить с головой.

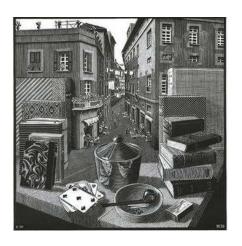
ПУБЛИЦИСТИКА

ЮРИЙ БЕРГ

(Германия)

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У НИХ

(из воспоминаний старого эмигранта)

Припоминаю: во многих «присутственных местах» раньше вывешивали таблички такого содержания: «Чисто не там, где убирают, а там, где не сорят» и знаменитое: «Берегите труд уборщиц!».

В Германии таких табличек вы не увидите, а потому - сорите, сколько душе угодно — всегда найдётся, кому за вами убрать.

Армия уборщиков и уборщиц, именуемых «пуцфрау» и «пуцман», всегда пополняется. Пополняется за счёт тех, кого организация, ведающая вопросами помощи в трудоустройстве, «Арбайтсамт», посылает называемый на девять месяцев выполнять малоквалифицированную работу. Заработок у этих работников смешной – государство выплачивает им 1,5 евро в час. Как правило, на такие работы попадают люди, зависимые от социальной помощи государства, в частности, наши эмигранты – с плохим знанием языка, с непризнанным дипломом или пожилые, чей возраст ещё не позволяет получать пенсию, которая тоже не Бог весть какая. Это на нашей бывшей Родине на пенсию уходят в 60, а здесь мужчины и женщины будут мести улицы или чистить остановки городского транспорта до 65-67 лет.

Мне «повезло» – свои обязанности я выполняю за 10 евро в час, работая хаусмастером в крупном госучреждении (эта должность – что-то среднее между дворником и начальником ЖЭК'а). Закавычил я слово «везение» потому, что 10 евро в час - «ну очень смешная ставка» при нынешних ценах на овёс. Зато мои обязанности - это огромный перечень хозяйственных работ в комплексе из двух зданий и на прилегающих к ним четырёх автопарковках.

Спасибо и за это! Поняв, что ни журналистикой, ни литературой в Германии себя не прокормишь, я с трудом нашёл хоть какую-то работу — в 54 года ты уже не интересен работодателям.

...Итак, с чего начинается «Ordnung»? Это незамысловатое немецкое выражение заключает в себе массу оттенков, не переводимых на русский язык. У нас «порядок» начинается в 7.30 по местному времени с загрузки в специальный пресс-контейнер примерно двухсот килограммов макулатуры, наработанной усердными клерками за предыдущий день. Затем — бегом по этажам, которых в здании шесть, менять ролики бумажных полотенец в тридцати шести туалетах. О них — отдельное слово: каждый блестит и благоухает утренней свежестью со вчерашнего вечера, убранный какой-нибудь пуцфрау из Мозамбика.

В 8.30 — выход на разведку боем. Прочь сон и утренний туман: в моей левой руке зажат синий полиэтиленовый мешок размером с небольшой пододеяльник, правая рука сжимает специальные клещи на длинной ручке (инженерная мысль не дремлет!). Парковки встречают

тишиной и кучами мусора. Слава Богу, живая изгородь держит мусорные перекати-поле в своих цепких объятиях и за обёртками от конфет не надо бежать с ветром наперегонки. Чего тут только нет! Пластиковые пакеты, бумажные салфетки и стаканчики из-под кофе, пачки из-под сигарет и пиццерийные коробки, канистры из-под машинного масла, детские памперсы и (пардон!) дамские прокладки — в общем, картина не для слабонервных!

Кто вам сказал, что Германия — самая чистая в мире страна? Наверняка, это был тот, кто видел эту страну из окна автобуса! На улицах наводить порядок проще: там работают уборочные машины — от карликового автомобильчика размером со швейную машинку до огромных четырёхосных монстров марки «Мерседес», оборудованных по образу и подобию «Лунохода» и управляемых при помощи телеустановки.

Наконец всё собрано и отправлено в контейнеры, причём для каждого вида мусора — в свои. Жёлтые контейнеры принимают в своё нутро пивные жестянки, пластик, куски электропроводов. Контейнеры чёрного цвета — для мусора попроще. Сюда сваливаем всё, за исключением биологических остатков. А вот для остатков пищи по всей Германии установлены контейнеры коричневого цвета. Они небольшие по размеру, и понятно почему — деньги на питание расходуются не для того, чтобы остатками с вашего стола пополнялись контейнеры коричневого цвета.

Контейнеры зелёного цвета принимают в себя скошенную траву, срезанные в садах и парках ветки деревьев — из всего этого бережливые немцы делают искусственную «землю».

Для всего прочего стеклянного существуют специальные металлические контейнеры, причём для цветного стекла есть свои контейнеры — бутылки и банки белого стекла «низ-зя» бросать в контейнеры, предназначенные для сбора стекла зелёного или коричневого цвета.

Бытовая техника и всё, что жужжит и крутится в вашем доме, вывозится на спецпредприятия, где тщательно сортируется и разбирается на составляющие: цветные металлы — в одну кучку, электронные платы, содержащие золото и серебро, — в другую, нержавейка — в третью. Не пропадает даже свинячье «хрю-хрю», как любят шутить сами немцы.

Теперь о самом простом — о том, что лежит у нас под ногами. За те годы, что я прожил в Германии, мне ни разу не встретился чернозём — здесь его просто нет. Зато немцы научились делать искусственную землю. Её делают как раз из всего того, что я и подобные мне собирают каждое утро. Как это происходит — тема не для газетного очерка, а для научного реферата. Об этом расскажу ниже.

В конце концов, с мусором покончено. В моём компе уже висит очередная задача: где-то требуют замены люминесцентные лампы; клозет на втором этаже сказал всем «буль-буль» и засорился; кому-то из сотрудников надоел старый кактус, и его надо срочно отправить в зелёный контейнер.

Через два часа всё заменено, исправлено и отправлено, а перегоревшие лампы снесены в подвал и ждут утилизации. «Порядок» собдюдается во всём, даже в вывозе мусора – для этого составлен специальный график. Я в своём цикле «Эмигрантские рассказы» уже писал о прекрасном немецком обычае время от времени выбрасывать старую мебель. Называется этот процесс «шпермюль», и так получилось, что все эмигранты – дети шпермюля. Даю голову на отсечение: первую мебель наши эмигранты собрали в свои квартиры именно в эти дни.

Конечно, мне хотелось бы заняться чем-то более интеллигентным, чем уборка мусора. Зато я стал уважаемым человеком! Немцы, хоть и сорят безбожно, но с почтением относятся к тем, кто за ними это «шайссе» убирает. Так что до следующей встречи, если завтра я не паду под тяжестью очередного мешка с их мусором.

Я искал работу. Искал её упорно и долго. В пятьдесят четыре, да ещё в стране «развитого капитализма», это превращается в идефикс. Работодатели берут на работу молодых, потому что тем можно за ту же самую работу платить вдвое меньше, чем старым, но опытным работникам. Пришлось вспомнить время студенческих практик, когда я работал не столько головой, сколько руками, освоив несколько рабочих специальностей — от каменщика до сварщика строительных конструкций. Наконец, благодаря судьбе и содействию симпатизирующего мне местного немца, я её всё-таки нашёл!

Старый, прокопченный цех. Оборудование и станки — времён Веймарской республики. Радовало одно — в моей бригаде несколько «русаков», молодых немцев-переселенцев из Сибири и Казахстана. Система простая — заказы поступают в бюро, начальник цеха и мастер распределяют работу между рабочими. Выполняя очередной заказ, работаем в цехе, затем отправляем детали в оцинковку. Примерно через неделю после начала работ выезжаем к заказчикам — устанавливать готовое изделие.

Однажды мне пришлось поработать на одном из местных предприятий. Это был завод по переработке бытового мусора. Точнее — это был завод по утилизации всего того, что каким-то образом относится к изделиям из древесины.

В тот раз наша бригада монтировала кровлю над транспортёром щепы. Проработав неделю на этом заводе, я понял, как немцы делают «землю». Процесс прост как всё гениальное — в нескольких производственных зонах отходы превращаются в компоненты будущей «земли».

Каждые десять минут прибывают автопоезда с промышленными отходами. Как правило, это дощатая или фанерная тара, поддоны, обрезки досок, письменные столы и всё то деревянное, что остаётся после сноса старых домов. Самый крупный поставщик отходов – автогигант «Опель», чьи корпуса виднеются неподалёку.

Огромный колёсный трактор (типа нашего «Кировца») подхватывает ковшом порции древесины и загружает в приёмный бункер измельчителя. Вальцы с торчащими зубьями перемалывают всё в щепу, а магниты, установленные над транспортёрной лентой, вылавливают металл. Я как-то попытался подсчитать, сколько всякой всячины содержится в одном кубометре древесных отходов. Получилось не слабо — почти десять килограммов гвоздей, шурупов, обвязочной ленты и другого металла. Затем щепа попадает на площадку временного хранения, оборудованную системой полива. Время от времени сюда приезжает бульдозер, который ворошит горы влажной щепы, не давая ей слежаться и самопроизвольно воспламениться.

Так же перерабатываются растительные отходы — ветки, листья, кора и сучья деревьев. Образовавшуюся массу тщательно перемешивают и ссыпают под навесы, где за дело принимаются микроорганизмы, постепенно превращающие древесную труху в компост. Будучи смешанной с торфом и минеральными удобрениями, эта субстанция станет вскоре тем, что вы можете за небольшую плату купить в любом немецком супермаркете. Расфасованная по полиэтиленовым мешкам самого разного объёма, эта «земля» годится для применения в садах, огородах и в теплично-оранжерейном хозяйстве. Правда, пахнет от неё химией и при ближайшем рассмотрении видно, что это не совсем та землица, к виду которой мы привыкли, но что поделать, если чернозёмов в Германии нет? Немецким сельчанам памятник нужно поставить уже за то, что они на бедных суглинках растят отличные урожаи картофеля, рапса и местной разновидности спаржи. А вот садоводы и овощеводы-любители — те с большой охотой покупают «эрзац-землю».

Я некоторое время батрачил в садовом хозяйстве. Так вот — ни одно растение в суглинок не высаживается! Под каждый куст роется ямка, яма, или ямища (в зависимости от размера саженца), заполняемая затем «землёй», в которую и высаживается растение.

Отдельного рассказа требует ещё одна тема – как люди поддерживают чистоту и порядок в местах своего проживания.

После двух лет, проведённых в общежитии, где «в тесноте, да не в обиде» проживал эмигрантско-азюлянтский интернационал, трёхкомнатная квартира на четверых мне показалась раем! Однако всё по порядку.

Существует два вида жилья: сравнительно недорогое социальное, в строительство которого муниципальные власти вложили бюджетные средства, и жильё рыночного фонда. Грозные дяди из социального ведомства предупредили в первый же день: лучше даже не пытаться снять жильё рыночного фонда, ибо, если припрёт, то даже мечтать не придётся о получении от государства более дешёвой квартиры.

Я послушался их совета. Два года, день в день, томился в ожидании звонка или письма, но в ответ на вопрос: «Когда же?» слышал лишь равнодушное: «Ждите, у вас большая семья, квартир для вас нет!». И вот томительному ожиданию пришёл конец, мы получили квартиру, согласившись на меньшую площадь — лишь бы поскорее избавиться от кошмара общежития.

Соседкой слева оказалась пожилая немка из Венгрии, с которой у нас с первого дня установились самые дружеские отношения; справа находились квартиры, где обитали итальянец Рисмондо и две многодетные семьи палестинцев и пакистанцев. Несмотря на кажущуюся дешевизну, аренда восьмидесяти двух квадратных метров обходилась в шестьсот пятьдесят евро. И это без затрат на электроснабжение, телефон и интернет. При моей «чистой» зарплате в 1200 евро сумма выплат стала серьёзным испытанием для семейного бюджета. В договоре о найме жилья, кроме всего прочего, был и пункт, касающийся наведения порядка: «жильцы самостоятельно наводят «kleine Ordnung», то есть, «маленький порядок» — так называется уборка лифтового холла и двух пролётов лестничной клетки на этаже.

«Маленький порядок» следовал каждую четвёртую неделю — в удобный для уборки день я вооружался набором моющих средств, шваброй, ведром с водой и в течение получаса совершал «заплыв», как когда-то называли этот процесс мои армейские остряки-сослуживцы.

Всё шло по предписанию до тех пор, пока однажды во время очередного заплыва ко мне не подошёл сосед-итальянец и не спросил, чего это я так надрываюсь. Видя моё недоумение, он, снисходительно усмехнувшись, объяснил: уже много лет живущие на нашем этаже арабы и пакистанцы участия в трудовой повинности не принимают. В результате тряпкой машут лишь русские, бабушка-венгерка да мой собеседник. Тем же вечером на кухне состоялись жаркие дебаты: убирать или не убирать? Для освежения памяти был извлечён и ещё раз прочитан договор с хозяином квартиры. Из документа становилось ясно, что за уклонение от трудобязанности на первый раз грозит предупреждение, на второй — разрыв договора аренды и выселение. «Серьёзная бумага», - подумал я, и дебаты были прекращены.

А вот мой приятель Лео поступил иначе. В аналогичной ситуации он не стал делать уборку, и уже через месяц получил первое предупреждение. Обиженный, он пошёл искать правду. Чиновник, принявший моего друга, был предельно краток: «Эти иностранцы — наши гости, а вы приехали навсегда и должны подчиняться правилам».

В этом месте придётся обратиться к истории. В начале пятидесятых годов прошлого века, когда Германия стала восстанавливать разрушенное войной хозяйство, появился дефицит рабочих рук. И тогда было принято решение позвать на помощь иностранцев. Речь шла о прежних союзниках Германии — Турции и Марокко. В благодарность за самоотверженный труд им разрешили остаться в стране. Отцы и деды нынешних «гостей» работали на

восстановленных ими предприятиях, жили в общежитиях, обзаводились семьями, покупали или нанимали жильё и не торопились принимать немецкое гражданство – каждый мечтал поднакопить денег и вернуться на родину богатым человеком.

Их дети решили по-другому — закончив немецкие школы, получив образование и приобретя специальность, они поняли, что в Германии жизнь не так уж плоха. В шестидесятыхсемидесятых годах прошлого века в стране начался промышленный бум, безработица была сведена к нулю, а социальные завоевания рабочего класса вселяли уверенность в безбедной старости. Как это ни странно, среди рожденного здесь поколения иностранцев оказалось мало желающих получить немецкий паспорт.

А зачем это было нужно? Конечно, иметь двойное гражданство было заманчиво, но тогда молодым ребятам пришлось бы служить в Бундесвере, участвовать в выборах и по полной немецкой программе нести ответственность за противозаконные действия. С другой стороны, немецкое государство привлекало их тем, что давало возможность многодетным семьям получать пособие на детей. Для семей, в которых семеро по лавкам - не исключение, а правило, это было существенным материальным подспорьем. А ещё было пособие по безработице и множество других социальных доплат, в том числе – оплачиваемое государством жильё. Вот они и живут на правах «гостей», не стремясь интегрироваться в современное общество, не ассимилируясь и не перенимая европейскую культуру.

Но, вернёмся к Лео. Знаете, чем закончилась его история? Однажды утром Лео обнаружил у себя под дверью кучу дерьма. Вот так ответили «засидевшиеся в гостях» на его жалобу.

Конечно, далеко не все иностранцы ведут себя подобным образом. Но те из них, кто с презрением наблюдает за тем, как я еложу тряпкой в коридоре, относятся именно к разряду «гостей». И ничего с ними государство поделать не может – чиновники из госучреждений боятся международных осложнений: вдруг кто-нибудь в Палестине или Пакистане обвинит Германию в насаждении расизма, тем более что эту карту ушлые защитники «угнетённых народов» разыгрывали уже не раз.

А пока чиновники боятся «топнуть ногой», соседи, что живут справа от меня, спокойно ходят по свежевымытому полу.

- Молодец русский, хорошо моешь! – говорят они, «дружески» улыбаясь при этом.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Так уж получилось, что в каждом новом номере журнала появляется новая рубрика. Это не традиция, просто наш журнал находится в развитии, и новые рубрики — это процесс рождения и становления нашего детища.

В «Фотолаборатории» мы будем публиковать интересные фотографии как наших авторов, так и профессиональных фотографов.

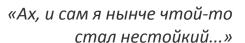
«Полнолуние» Фото Микаела Абаджянца

Фото Ирины Чижовой (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

«Легче перышка»

Фото Ольги Моисеевой (МОССАЛИТ, Москва)

«Ну, и кто из нас цветок?»

«Дела семейные»

«Кукловод»

Фото Светланы Судариковой (МОССАЛИТ, Москва)

Фото 1

Из серии **«Была Москва, а стало Сити»**

Фото 2

Фото Маши Судариковой (Москва)

«Ленин жил»

Фото Микаела Абаджянца (МОССАЛИТ, Москва) из серии **«Город Москва»**

Фото 1

Фото 2

Фото 3

«Реликт»

«Гонорар»

«Забытое»

Фото Яниса Илзе (Москва - Торонто)

Писатели и поэты всегда имели слабость к красивым панорамам. Горький любил Капри, Тургенев-Ниццу, Волошин-Котебель, а Генри Миллер - Big Sur.

Big Sur, Califiornia. Фото 1

Big Sur, Califiornia. Φomo 2

Big Sur, Califiornia. Фото 3

Big Sur, Califiornia. Фото 4

Детройт. Фото 5

Фото 6

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет Анна Народицкая (МОССАЛИТ, Москва)

КАЖДОМУ СВОЕ

Ох, какая сегодня жара! Еще только конец мая, а солнце шпарит, как в июле. Сейчас бы в море... а я в центре города в кафе. Но за моим любимым столиком всегда прохладно, ведь я сама в тени, зато вижу в окне всю улицу. Да и кондиционер работает исправно, приятно и комфортно. Мой эспрессо еще не остыл, и я не спеша ковыряю ложечкой ягодный десерт. Сегодня я одна, что-то не вижу никого из знакомых. Ну что же, посижу, подумаю, повспоминаю, ведь есть о чем. К тому же скоро отпуск и надо решить куда поехать. Я так люблю это состояние, когда только планируешь поездку, а мысли уже там, на берегу искрящегося на солнце моря. Вообще-то, мое путешествие начинается в тот момент, когда я собираю чемодан. Предвкушая прелести поездки, я тщательно продумываю свой гардероб. Необходимо подстраховаться и быть уверенной, что у меня есть вещи на любой случай. Похолодание, несусветная жара, вечеринка или свидание. Не хочется оказаться застигнутой врасплох непредвиденной ситуацией. Когда все вещи упакованы, нужно снова выложить их из чемодана и еще раз проверить, все ли на своих местах. Вторая попытка упаковать вещи обычно бывает более удачной. Остается больше места в чемодане, и тогда я кладу туда еще чтонибудь, на всякий случай. На следующий день оказывается, что я набрала много лишнего, и вещи выкидываются из чемодана обратно в шкаф. Но вот наконец все уложено, и чемодан закрыт. Пора ехать. Прибыв в аэропорт, сдав багаж и пройдя таможню, я испытываю невероятную эйфорию: отдых начался! Поскольку обычно я улетаю ранним утром, в аэропорт приезжаю среди ночи. Мне доставляет огромное наслаждение и приносит ощущение свободы возможность выпить чашку эспрессо с тёплым круассаном в 4 утра, глядя на взлетающие в предрассветное небо самолеты. Я чувствую себя вне времени и пространства. Полный отрыв от действительности.

Полет и трансфер до отеля проходят примерно одинаково. Для меня это переходный промежуток между аэропортом и собственно отдыхом. Прибыв в отель и устроившись окончательно, я начинаю изучать территорию. Последний мой отдых прошел в маленьком, «камерном» отеле. Небольшой, но уютный, он пришелся мне по душе. Огромное количество разнообразной растительности придавало особый колорит территории отеля. Сосны, пальмы, фикусы, какие-то огромные цветы и ярко-розовые вьюны - все это словно нарочно было рассыпано в продуманном беспорядке. Террасы и всевозможные закуточки заполняли пространство вокруг основного здания. Именно в этих закуточках я и пополнила свою коллекцию наблюдений за людьми.

Я заметила, что некоторые туристы предпочитают уединение, другие же стремятся туда, где скопилось много народу. Отчего одни выбирают одиночество и покой, а другим

необходимо постоянное общение и ощущение толпы? Вряд ли это зависит от профессии или привычного образа жизни. Хотя не исключаю и такой вариант. Но, думаю, все дело в темпераменте.

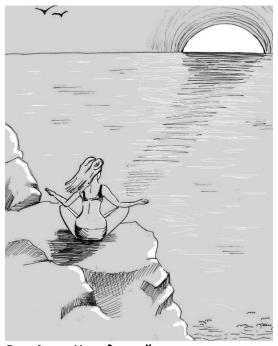

Рис. Анны Народицкой

Как известно, люди делятся на интровертов и экстравертов, «одиночек» и «коллективистов». И на отдыхе это особенно ярко проявляется. «Одиночки» предпочитают находиться в уединении, так как устают от непрерывного общения. Со стороны кажутся, дружелюбными и коммуникабельными, но как будто вежливо терпят общение с вами. Они могут работать с людьми, иметь много знакомых и весьма широкий круг общения по интересам. Но, только предоставляется возможность, как «одиночки» находят укромный уголок, где их никто не потревожит. На курорте таких людей можно определить сразу. Они в одиночестве сидят за столом, с книжкой и чашкой кофе. На пляже они выбирают место подальше от других, и часто любят заплывать далеко. Потом долго ВИСЯТ там, покачиваясь на волнах, думая сокровенном. Или же совершают длительные и дальние заплывы ранним утром на рассвете. Затем

переодеваются и уходят с пляжа, избегая расспросов и пустых разговоров. В ресторане такой человек не будет искать компанию, чтобы поесть, как правило, они садятся за отдельно стоящие маленькие столики. Им хорошо и спокойно самим с собой. «Одиночки» редко встречаются среди молодежи. И это логично: в юности человек живет быстро, энергично и тянется к познанию жизни через общение. Чаще «одиночками» бывают люди среднего и старшего возраста. Когда человек начинает понимать себя самого, он осознает, кем он хочет быть в мире людей, активным соучастником или наблюдателем. Часто «одиночками» становятся творческие люди, им необходимо уединение, для того чтобы никто не отвлекал от процесса внутреннего созидания. Или это могут быть люди, переживающие трудный период в жизни. Таким необходимо разобраться в себе и в своей ситуации, понять что происходит. Им не до светской болтовни. Кем бы ни были «одиночки», они заслуживают того, чтобы им не мешали. Если на вашем пути встретился такой человек, не беспокойте его. Ему не скучно, поверьте. Нет нужды развлекать его или ее пустыми разговорами, чтобы потом наблюдать, как этот человек сворачивает в сторону, издалека завидев вас.

«Коллективисты»... о, это совсем другой типаж. Полная противоположность «одиночкам». Эти люди, наоборот, везде ищут компанию и возможность пообщаться. На пляже они влезают в самую гущу туристов и, активно обустраивая свое место, немедленно начинают расспрашивать вас о всякой ерунде: теплое ли сегодня море, каким кремом для загара вы пользуетесь, давно ли приехали и т.д. Позже любители общения рассказывают вам о том, как и почем они покупали путевку, затем переходят к рассказам о своей семье и, наконец, идут плавать рядом с вами, непрерывно радостно болтая. На обеде, увидев вас с тарелкой в руках, «коллективист» обязательно спросит, где вы сидите и нельзя ли к вам подсесть. Если вы не сможете ему отказать, во время обеда последует череда расспросов о том, что у вас в тарелке и каково оно на вкус. А уж если ваш приставучий знакомый курит, тогда вообще отдых

превратится в мучение! Хотя некоторые говорят так много, нудно и неинтересно, что уж лучше бы закурили и тогда хоть немного помолчали.

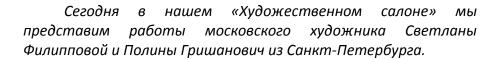
Я наблюдала подобный случай в нашем отеле. На пляже появился новый мужчина, русский, уехавший 15 лет назад в Германию. Мужчина подсел или, точнее, «подлёг», недалеко от меня к пожилой супружеской паре, мирно отдыхавшей в стороне от всех. Все предыдущие дни супруги всячески избегали контактов с кем-либо. Вероятно, им хотелось отдохнуть наедине. Им было хорошо, они читали, разгадывали кроссворды и много плавали. Пара выглядела так умиротворенно и счастливо, что при взгляде на них невольно хотелось улыбнуться. Типичная чета «одиночек». И надо же так случиться, что именно к ним прилип этот русский немец, яркий представитель «коллективистов». В первые же минуты он начал громко расспрашивать об отеле, о ценах на путевки в России и о сегодняшней жизни в Москве, откуда прибыли пожилые супруги. У меня не было цели слушать эту беседу. Но «немец» говорил так громко, что мне казалось, он разговаривает со всем пляжем. Тщетно пытаясь задремать на своем шезлонге, я невольно стала вникать в разговор соседей. Супруги уже давно перестали что-либо отвечать и пытались всем своим видом показать назойливому собеседнику, что хотят остаться одни. Но тот как будто не понимал намеков. Его монолог звучал беспрерывно, в одной и той же неприятной тональности. Я даже пожалела, что не взяла в поездку беруши. Супруги делали все, что могли, для спасения своего покоя. Мужчина ложился на шезлонг, демонстративно закрывал глаза, но это не помогало. Женщина пыталась читать книгу, но, не выдержав бесконечного монолога нового знакомого, сослалась на усталость и ушла с пляжа. На следующий день я увидела несчастных супругов совершенно в другом месте, в самом уголке у скалы. Мы поздоровались, и женщина огорченно сообщила мне, что они специально ушли подальше в надежде скрыться от настойчивого собеседника. Но не тут-то было, через полчаса он нашел их и со словами: «Ах, вот вы где! А я вас обыскался!» снова радостно устроился рядом. Позже измученная разговорами женщина пожаловалась мне, что этот «русский немец» улетает в один день с ними, а поэтому, скорее всего, они поедут в аэропорт в одном автобусе.

- Он так и сказал, - поделилась она со мной, - как хорошо, что мы сможем провести весь отпуск вместе!

Я искренне посочувствовала супругам, отдых которых был безнадежно испорчен. Мне же посчастливилось избежать неудачных знакомств, приобрести приятный загар и записать интересные впечатления. На обратном пути, в самолете, я вспоминала благодатные две недели, проведенные под ярким солнцем Турции, и мечтала о следующей поездке. И уже в аэропорту Домодедово, выловив с конвейера свой тяжеленный чемодан, торжественно дала себе обещание в следующий раз стараться брать с собой как можно меньше вещей.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

Светлана Филиппова представит нам удивительные букеты, выполненные из полимерной глины.

Глядя на эти цветы, трудно поверить, что они не живые. Кажется, что их вот только сорвали в саду и поставили в вазу.

Искусство изготовления цветов из полимерной глины появилось в Японии не так давно, а у нас и вовсе существует всего несколько лет. Полимерная глина — это пластичный материал для лепки небольших украшений. Она не требует обжига при высоких температурах, поэтому достаточно удобна в использовании.

Искусство лепки цветов из полимерной глины получило название керамической флористики. Каждый цветок, созданный руками художника, индивидуален и посвоему уникален.

По словам Светланы, для лепки одного цветка требуется от нескольких дней до нескольких недель, причем для создания керамической копии она покупает живые цветы и разбирает на лепестки, чтобы точно воспроизвести окраску и структуру растения. Каждый листок, каждая тычинка в точности повторяют живое растение.

Именно поэтому отличить керамические букеты от живых достаточно сложно. Однако, в отличие от живых композиций, керамические никогда не вянут и долго могут служить украшением интерьера.

Полина Гришанович сама пишет о своих увлечениях: «Помню, еще маленькой девочкой тянулась к рукоделию. Словами не передать чувство, что рождается где-то глубоко внутри, когда рукам очень хочется что-то сотворить.

Сначала увлекалась вязанием. Очень люблю вязать на спицах. Мне близок этот вид рукоделия. Все предельно ясно, как точная наука. Любое изделие можно рассчитать по выкройке с применением математики. Первые шаги в вязании начала делать в 7 лет. Книжка,которую подарила мне бабушка, называлась "Волшебные цепочки". Там было все очень просто.

А вязать по-настоящему научилась примерно лет в 9. Учила меня моя бабуля. В летние месяцы мы жили с ней за городом, в походных условиях, так как строили дачу. Она объясняла мне, как и что делать, умудряясь одновременно поддерживать костер и готовить на нем еду, при этом почти не глядя на изделие. Это была кофточка для куклы, даже с ажурным узором. Не простая задача, могу вам сказать. Как она подсчитывала петли, не знаю. Видимо,очень четко представляла себе, что там должно получиться. Сама она вязала превосходно. Помню, бабуля связала свитер для моей сестры, имея описание на немецком языке без перевода!!! Вот так и начала я заниматься вязанием. Всю жизнь время от времени принимаюсь за спицы, когда есть вдохновение. В юности тоже вязала, но иногда времени на одно изделие уходило так много и оно успевало так надоесть еще на спицах, что я, бывало, и не носила того, что связала.

Теперь вяжу детям. Маленькие вещицы вяжутся быстрее, и носить надо не самой. Умею вязать и крючком.

Пыталась вязать украшения, сначала с азартом, потом азарт прошел.

А в прошлом году очень увлеклась вышивкой крестом. Я гостила у подруги в Белоруссии. Когда наступал долгожданный вечер и наши дети ложились спать... Мы с ней садились за рукоделие. Я вязала крестильное платье для своей племянницы, а Оля вышивала картину для своей мамы.

Меня очень привлек процесс вышивания, и захотелось попробовать. Как только вернулась в Питер, сразу побежала в магазин рукоделия и купила себе набор.

Первая работа была для мамочки.

Очень долго старалась научиться делать красивой не только лицо изделия, но и изнанку. На третьей картине у меня это получилось!

Есть у меня тетя, тоже рукодельница. Вот порывало в технике пэчворк, сделанное ее руками».

CMEXOTEKA

ЯНИС ИЛЗЕ (Москва-Торонто)

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ

В моём окне цветущий майский сад Висит бельём - его стирал Есенин. Я пробую гармошки звукоряд И голову кладу вам на колени.

КОГДА ВСЁ БЫЛО ГОЛУБЫМ

Вот детство ушло в голубеющей дымке, А с ним скарлатина, ветрянка с простудой, Лишь денди шагает на синей картинке Шотландского виски и это - не чудо.

ПАРИЖ В КАМЫШИНЕ

Если вдруг накрыла бессонница Позывными ночного радара, Отрываясь от мук одиночества, Убегаю к Жан-Люку Годару.

Хоть живу на Волге в Камышине, Азнавура не слышав шансона, В темноте парижскими крышами Ухожу к Люку Бессону.

* * *

Положу стихи, как линолеум, Как обои, чтоб отлежались. Подрежу строку кривобокую — Слова чтоб теснее держались. Разглажу и в кучку веником Обрезки и мысли и чувства. Вот так отметает сомнения Волшебная сила искусства!

НЕРАСТАМОЖЕННОСТЬ

Нерастаможенность. Жаркое лето. Грустно стоит одинокая фура. Сдох холодильник - плохая примета. Вянет петрушкой в руках счёт-фактура.

Нет, не дождётся теперь потребитель Нежного мяса из попки барашка - Путь в шашлыки навсегда преградила Небескорыстная чья-то фуражка.

ВРЕМЯ ДОЖИВАНИЯ

Гражданина любит государство, Скорой смерти хочет от меня, Верит, сохраню его богатства, Не прожив на пенсии и дня.

МУЖСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Для мужчины главное начало -Обнести забором огород, От любви чтоб женщина кричала, А душа чуть позже подойдёт!

* * *

Ничто ещё не выпито до дна -И даже пить с тобои не начинали... Ты - ветер? Нет, ты ветреность одна, Ты - пузырьки шампанского в бокале...

CMEXOTEKA

ГОВОРИТ ПАЛ САНЫЧ (Санкт-Петербург)

(АФОРИЗМЫ)

Наш неиссякаемый Пал Саныч порадовал новыми афоризмами!

- У америкосов тоже народ гиб.
- У меня уже голова не мыслит.
- Ты же моешь посуду из кипяточка в тазике.
- Как начнешь ногтями шевелить, так Морис^{*} прыгает на ноги!
- О Жириновском: «Его на пушечный выстрел надо подпускать никуда» (звучит, как подстрочник с английского!).
- Чувство подблевотного состояния (описание симптомов начинающегося гриппа).
- О Морисе: Когда я уеду, НОЙСЯ (от слова ныть) с ним сколько угодно.
- Коньяк кто еще употребляет, кроме всех остальных?
- У Ани очень красивый разрез головы.
- Однажды Пал Саныча на пляже зарыли для смеха в песок и слепили то, что обычно скрывается под фиговым листком. Пал Саныч: «Они мне нарисовали присутственное место».
- У меня мышцы не ходят.
- Про сыновей, которые что-то не могли сделать на даче: «Одному 36 лет, второй вообще шкаф!»

Морис – кот Пал Саныча

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Алексей Казарновский (МОССАЛИТ, Москва)

Фото Алексея Казарновского

САТИЛЬ

Топать посуху в гидрокостюме, жилете-компенсаторе с грузовым поясом на талии и баллоном за плечами – удовольствие ниже среднего. Особенно когда жарко. Того и гляди хватит тепловой удар. Сейчас, к счастью, конец марта, и погода в Эйлате стоит очень комфортная. Днем 25 – 28, ночью 12 – 18, а море – просто сказка – двадцать один градус... Да и топать недалеко. Наш «дайвмобиль» - объемистый Фиат Добло - припаркован на обочине приморской дороги. Два десятка шагов по бурому некрутому песчано-каменистому склону, и вот оно – море, точнее, Акабский залив. Он совсем не широкий. Каких-то 5 километров. Хорошо видны строения и порт Иорданской Акабы на том берегу. Дальше направо различимы корпуса и трубы теплоэлектростанции. За ней уже Саудовская Аравия. Все это на фоне высоких песчаного цвета обнаженных пустынных гор. С нашей стороны пейзаж такой же – Синайская пустыня во всей своей красе. Слева, в двух-трех километрах, на северном берегу залива ряд претенциозных отелей в центре Эйлата, а вдоль нашего берега направо можно доплюнуть до Египта. Таба в трех километрах отсюда. Неподалеку из воды торчит необычное сооружение: белый тонкий металлический конус, поставленный на приземистый соединенный с берегом длинными мостками. Это «подводная обсерватория». Там за умеренную плату можно с комфортом любоваться подводной жизнью через иллюминаторы. Но мы не ищем легких путей и не приемлем суррогатов! Потому и топаем сейчас к берегу во всем снаряжении, с трудом переставляя ноги под тяжестью груза, рискуя не устоять на склоне. Ну вот, наконец, и вход в воду. Тут все не просто и строго регламентировано. Берег огорожен канатом, натянутым между вбитыми у уреза воды столбиками. Заходить в море, перелезая через ограждение, топча и ломая по пути кораллы, запрещено, равно как запрещено стоять на дне где попало. Кораллы существа хрупкие, медленно растущие и не слишком живучие. Входы в море размечены отдельно. Примерно каждые пятьдесят метров буйки и плавающие канаты указывают, что здесь можно позволить себе ходить по дну.

Наконец-то я ступаю в море и через пару шагов начинаю ощущать, как прохладная вода медленно просачивается, касаясь тела, между ботами и штанинами «мокрого» гидрокостюма. Теперь поддуть компенсатор для плавучести и, проявляя недюжинную ловкость, надеть, стоя на одной ноге в качающемся море, ласт на вторую ногу. Затем то же самое с другой ногой. Еще

надо подтянуть ремешки на ластах и… я смотрю на моих товарищей – инструктора Вилена и Галю.

- Готовы? — спрашивает Вилен. Мы киваем. Загубник регулятора в рот, маску на лицо (проверить, хорошо ли села!), теперь — в горизонтальное положение, взмах ластами, стравливаю воздух из компенсатора, и прощай привычный мир!

Здесь все по-другому. Здесь нет атмосферы, дышать можно только через регулятор воздухом из баллона. Здесь нужно думать о том, о чем мы думать не привыкли – о дыхании. Мы здесь медлительные и неповоротливые существа, не приспособленные для движения в плотной среде, которой является вода. Любое поспешное движение приводит только к лишней потере сил и воздуха. Здесь нет привычных звуков. Этот мир почти глухой. Здесь нельзя разговаривать. Здесь теплоотдача настолько велика, что наш организм не способен долго поддерживать нормальную температуру тела. Ему нужен гидрокостюм. Не зря говорят, что водолаз должен быть толстым, тупым и лысым. Толстым, чтобы лучше держать тепло, тупым, чтобы делать все медленно, лысым, чтобы шлем лучше прилегал к голове, через которую, между прочим, уходит до 30 процентов тепла.

Зато здесь нет (или почти нет) веса, и мы можем летать, не в фигурально-поэтическом, а в буквальном смысле. Вот и теперь я «лечу» в полуметре над дном, покрытым мелкими камнями. Это полоса прибоя. Глубины еще, в сущности, нет никакой — метра два, но вот камешки на дне сменяются ровным слоем песка. Мы скользим вниз по пологому склону. Попадаются первые коралловые образования, ярко освещенные солнцем и сверкающие разнообразными цветами. Глубже мир поблекнет и станет сине-зеленым. На 10–15 метрах красного цвета уже практически нет. Его успевает поглотить толща воды. Кое-какая живность снует вокруг. Большинство кучкуется возле коралловых столбиков. Компьютер (специальный прибор, не имеющий ничего общего с персональным компьютером, больше похожий на наручные часы) у меня на руке показывает восемь метров глубины. Вилен вдруг задерживается у одного из кораллов и начинает вынимать из-под него камни.

Ага! Оказывается. это небольшой осьминог устроил там себе логово, вход в которое заложил камнями, как обычно делают все его сородичи. Припертый к стенке, он сначала делает вид, что его тут нет, для чего замирает и принимает окраску окружающих камней. Потом, видя, что МЫ не проявляем агрессивности, но и не уходим, решается проверить, что это за чудовища тут пускают пузыри. Он начинает осторожно ощупывать руку Вилена щупальцем и подергивать на себя.

28 декабря 1968 г. израильский спецназ предпринял атаку на аэропорт Бейрута, в результате которой было уничтожено 13 самолетов арабских авиакомпаний. Акция была

ответом на захваты израильских самолетов палестинскими террористами, поддерживаемыми арабскими странами.

Последствия действий Израиля были обширными и разнообразными. В частности, обострились отношения с Францией, которая строила в тот период серию ракетных катеров для ВМФ Израиля. Французы и так были недовольны после Шестидневной войны. Над военными заказами Израиля нависла угроза. В воздухе крепко запахло эмбарго.

Тогда-то и предприняли израильтяне дерзкую операцию по нелегальному уводу своих уже оплаченных, но еще официально не переданных заказчику катеров из порта Шербура.

Не буду тут в очередной раз пересказывать эту драматическую историю. Она неоднократно и подробно описана в интернете и стоит того, чтобы с ней познакомиться не походя. Это замечательный приключенческий и в тоже время реальный сюжет, полный захватывающих поворотов.

«Сатиль» прослужил в ВМФ до 1993 года, а с 1994 лежит здесь в качестве искусственного рифа. Его затопили специально на радость морским обитателям и дайверам.

Мы закончили свое скольжение вдоль склона и оказались у форштевня катера. Дно стало более пологим. Судно лежит почти параллельно берегу практически на ровном киле, корма чуть глубже, чем нос. Движемся вдоль правого (дальнего от берега) борта. В тени судна спрятался крупный групер. Он следит за нами из своего без особого укрытия беспокойства. Подо мной двадцати сантиметрах небольшой коралловый столбик.

Поселившаяся на нем актиния колышет полупрозрачными щупальцами, в которых снует пара оранжево-полосатых рыбок-клоунов. У них тут гнездо.

Одна из рыбок направляется ко мне и начинает крутиться прямо перед стеклом маски. Мол, уходи отсюда! Это наша территория. Я не возражаю и мирно проплываю дальше. Теперь

мы огибаем корму. Глубина около двадцати четырех метров. Мой компьютер показывает, что можно оставаться на этой глубине, дыша сжатым воздухом не более девяти минут. Далее возникает риск получить декомпрессионную болезнь. Впрочем, мы здесь не задерживаемся, плавно скользя вдоль левого борта, медленно поднимаемся до уровня палубы, лежащей примерно на восемнадцати-девятнадцати метрах. Здесь допустимое время пребывания существенно больше, и главным ограничением становится запас воздуха в баллонах.

Мы висим над большим круглым зияющим отверстием в палубе на баке судна. Когда-то оно было закрыто крышкой. Сейчас внизу в тщательно выпотрошенных недрах корабля безмятежно плавают рыбы. По требованиям экологов перед затоплением с судна сняли все, что можно было снять, начиная, естественно, вооружения, и кончая кабелями бортовой проводки. Теперь начинаем огибать рубку, двигаясь к корме.

Попутно вспоминаю, что недавно тут произошел совершенно дурацкий несчастный случай. Группа новоиспеченных дайверов, только что прошедших курс обучения, решила порезвиться, усевшись на палубе. Один из них стал вырывать (конечно, в шутку) загубник изо рта другого. Надо сказать, что, кроме внешних объективных опасностей, дайверу зачастую грозит еще и внутренняя, субъективная, по имени «паника». Далеко не всегда человек может спокойно принять тот факт, что нельзя просто сделать вдох помимо загубника регулятора. Зачастую, особенно поначалу, этот факт порождает ужас, который тщательно подавляется сознанием. Этот ужас, загнанный в подсознание, сидит там, готовый при первом же удобном случае выскочить наружу, как черт из табакерки, отнимая у человека контроль над собственным поведением, подчиняя его инстинктам, которые выработаны природой за миллионы лет, но ни на что не годятся в чуждой среде. Начинающий дайвер, лишившись загубника, стал жертвой неконтролируемой паники. Инстинкт погнал его вверх на поверхность к воздуху. Этот же инстинкт мешал ему делать, то, чему в первую очередь обучают на курсах дайвинга – непрерывно выдыхать при всплытии. Воздух, который он вдохнул из акваланга на глубине девятнадцати метров, имел избыточное давление две атмосферы и, расширяясь при всплытии, не имея выхода, порвал ему легкие. С тяжелейшей баротравмой он был эвакуирован на вертолете в специализированную клинику...

Однако какие-то не отпускные мысли лезут в голову. Лучше поразмыслить о чем-нибудь другом, более веселом. Например, приятно вспомнить, как мы на днях в шабат, когда всему религиозному Израилю предписано погрузиться в праздное благочестие, как последние гои, купили свинины в русском магазине (есть тут и такой в промзоне) пронесли ее через весь Эйлат, чтобы нажарить шашлыков и съесть их с удовольствием, вопреки национальным религиозным запретам. Цинизм этого эпатажного мероприятия приятно щекочет самолюбие.

Впрочем, как говорит Вилен: «Мы свободные люди в свободной стране». Да и никто никого эпатировать не собирался, просто захотелось шашлыков.

Между тем продолжается наш спиральный подъем. Мы закручиваем его вокруг ажурной сварной мачты, поднимающейся над рубкой метров на десять. Конструктивно она напоминает приставную лестницу и состоит из двух вертикальный стоек, установленных по бортам с противоположных сторон рубки, и перекладин между ними. Поднявшись метров на семь, смотрю вниз и ловлю себя на ощущении легкого страха перед высотой. Палуба уже довольно далеко внизу, и сухопутное мое подсознание встревожено. Тем приятнее сознавать преодоление извечной опасности падения с высоты, преследующей нас в надводном сухопутном мире. Я снова остро ощущаю себя летающим существом, свободным в пространстве.

У самого топа мачты между последними двумя перекладинами видим чудо. Тут плотным облаком клубится косяк рыбьей мелочи. Он такой плотный и края его так четко обозначены, что кажется, будто это не скопление особей, а одно большое бесформенное дышащее существо. В него вкраплены неподвижно висящие крылатки необыкновенно красивые медлительные хищные рыбы, вооруженные ядовитыми шипами, среди спрятанными непропорционально длинных роскошных перистых плавников в бело-коричневую полоску.

И то верно: куда спешить, когда ты так надежно защищен и сумел забраться в самую гущу еды? Можно сказать, прямо в кастрюлю с супом. Сбоку на мачте замечаю прикрепленный к ней силуэт акулы, вырезанный из металлического листа. По силуэту идет надпись на иврите, выполненная прорезанными насквозь буквами. Выглядит на первый взгляд забавно, хотя на самом деле это памятник. Его установили здесь местные дайверы в память о двух своих товарищах, которые были солдатами израильской армии и погибли в Египте во время очередного конфликта в 2002 и 2004 годах.

Еще пару минут мы разглядываем все это, после чего Вилен делает знак следовать за ним и начинает удаляться от мачты. Плывем вслед и быстро оказываемся в «синей воде». Кроме ровного густого голубого цвета во всех направлениях ничего не видно. Никаких ориентиров. Полет по приборам.

Тут не только легко потерять направление, но можно и психику повредить. Плавание таких условиях требует некоторой предварительной подготовки. слежу по компьютеру за глубиной. Направление задает Вилен. Наконец через пару минут внизу появляется поднимающийся нам навстречу песчаный склон. Уходит ощущение потерянности в пространстве.

Вот уже и полоса прибоя с дном, покрытым мелкими камнями. Последний взмах ластами, и можно встать на ноги. Мир наполняется звуками, горизонт расширяется. Я снова вижу и Акабу, и отели Эйлата, и Саудовский берег. Словно радуясь вернувшемуся дару речи, мы начинаем обсуждать увиденное, выбираясь тем временем на сушу.

До свидания, подводное царство! До следующего погружения!

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2012